
Voennyi

Sbornik

Has been issued since 1858.
ISSN 2309-6322.
2014. Vol.(4). № 2. Issued 4 times a year

EDITORIAL STAFF

Dr. Cherkasov Aleksandr – Sochi State University, Sochi, Russia (Editor-in-Chief)
PhD Ivantsov Vladimir – Sochi State University, Sochi, Russia
PhD Mamadaliev Anvar – Sochi State University, Sochi, Russia
PhD Sorokin Aleksandr – Tomsk State University, Tomsk, Russia

EDITORIAL BOARD

Anca Alejandro – Ministry of Defence of Spain, Spain
Crawford Kent – Gunnery Fire Control Group, USA
Krinko Evgenii – Southern Scientific Center, Russian Academy of Sciences, Rostov-on-Don, Russia
Myagkov Mikhail – Institute of World History, Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia
Rzheshevskii Oleg – Institute of World History, Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia
Sarychev Gennadii – Moscow Department of the Russian Ministry of Interior, Moscow, Russia
Sergeev Evgenii – Institute of World History, Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia
Senyavskaya Elena – Institute of Russian History, Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia
Šmigel' Michal – Matej Bel University, Banská Bystrica, Slovakia

The journal is registered by Federal Service for Supervision of Mass Media, Communications and Protection of Cultural Heritage (Russia). Registration Certificate ПИ № ФС 77 - 55398 or 17.09.2013.

Journal is indexed by: **CiteFactor** (США), **CrossRef** (UK), **Electronic scientific library** (Russia), **Global Impact Factor** (Australia), **Open Academic Journals Index** (Russia), **Sherpa Romeo** (Испания), **ULRICH's WEB** (США), **Universal Impact Factor** (Австралия).

All manuscripts are peer reviewed by experts in the respective field. Authors of the manuscripts bear responsibility for their content, credibility and reliability.

Editorial board doesn't expect the manuscripts' authors to always agree with its opinion.

Postal Address: 26/2 Konstitutcii, Office 6
354000 Sochi, Russian Federation

Website: <http://ejournal6.com/>
E-mail: sochio03@rambler.ru

Founder and Editor: Academic Publishing
House *Researcher*

Passed for printing 16.06.14.

Format 21 × 29,7/4.

Enamel-paper. Print screen.

Headset Georgia.

Ych. Izd. l. 4,5. Ysl. pech. l. 4,2.

Circulation 500 copies. Order № 4.

Voennyi Sbornik

2014

№

2

Издается с 1858 г. ISSN 2309-6322.
2014. № 2 (4). Выходит 4 раза в год.

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ

Черкасов Александр – Сочинский государственный университет, Сочи, Россия (Гл. редактор)
Иванцов Владимир – Сочинский государственный университет, Сочи, Россия
Мамадалиев Анвар – Сочинский государственный университет, Сочи, Россия
Сорокин Александр – Томский государственный университет, Томск, Россия

РЕДАКЦИОННЫЙ СОВЕТ

Анка Алехандро – Министерство обороны Испании, Испания
Крауфорд Кент – Группа управления артиллерийским огнем, США
Кринко Евгений – Южный научный центр РАН, Ростов-на-Дону, Россия
Мягков Михаил – Институт всеобщей истории РАН, Москва, Россия
Ржешевский Олег – Институт всеобщей истории РАН, Москва, Россия
Сарычев Геннадий – ГУ МВД России по г. Москве, Москва, Россия
Сеняевская Елена – Институт российской истории РАН, Москва, Россия
Сергеев Евгений – Институт всеобщей истории РАН, Москва, Россия
Шмигель Михал – Университет Матея Бэла, Банска Быстрица, Словакия

Журнал зарегистрирован Федеральной службой по надзору в сфере массовых коммуникаций, связи и охраны культурного наследия (Российская Федерация). Свидетельство о регистрации средства массовой информации ПИ № ФС 77 - 55398 от 17.09.2013 г.

Журнал индексируется в: **CiteFactor** (США), **CrossRef** (Соединенное королевство), **Global Impact Factor** (Австралия), **Научная электронная библиотека** (Россия), **Open Academic Journals Index** (Россия), **Sherpa Romeo** (Испания), **ULRICH's WEB** (США), **Universal Impact Factor** (Австралия).

Статьи, поступившие в редакцию, рецензируются. За достоверность сведений, изложенных в статьях, ответственность несут авторы публикаций.
Мнение редакции может не совпадать с мнением авторов материалов.

Адрес редакции: 354000, Россия, г. Сочи,
ул. Конституции, д. 26/2, оф. 6
Сайт журнала: <http://ejournal6.com/>
E-mail: sochio03@rambler.ru

Подписано в печать 16.06.14.
Формат 21 × 29,7/4.
Бумага офсетная.
Печать трафаретная.
Гарнитура Georgia.
Уч.-изд. л. 4,5. Усл. печ. л. 4,2.
Тираж 500 экз. Заказ № 4.

Учредитель и издатель: ООО «Научный издательский дом "Исследователь"» - Academic Publishing House *Researcher*

© Voennyi Sbornik, 2014

2014

№ 2

C O N T E N T S

Articles and Statements

Alexander P. Abramov Socio-Historical Outline of Soviet-era Model for Further Officers Training in the System of Military Education	68
Timofei E. Dolgopolov Remarks by Special Operations Soldier	80
Zvonimir Freivogel From Glasgow to Genoa under three flags – the Yugoslav flotilla leader <i>Dubrovnik</i>	83
Kent R. Crawford, Nicholas W. Mitiukov, Patrick McSherry An Estimation of the Pneumatic Gun's Effectiveness	89
Aleksandr V. Glushko, Natal'ya I. Shilo “Clear the Woods the Thugs are Hiding in With Poisonous, Asphyxiating, Gases...”: Myths and Facts about the Tambov Uprising (Ending)	95
Nataliya N. Koroteeva The Governmental Regulation of Medical Provision for Russian Army from 18 Till the Middle of 19 Century	120

Foreign Military Review

Olga V. Natolochnaya, Aleksandr A. Cherkasov The Analysis of Special Operations Forces Activities in the World	134
---	-----

Copyright © 2014 by Academic Publishing House *Researcher*

Published in the Russian Federation
Voennyi Sbornik
Has been issued since 2013.
ISSN: 2309-6322
Vol. 4, No. 2, pp. 68-79, 2014

DOI: 10.13187/issn.2309-6322
www.ejournal6.com

Articles and Statements

UDC 316.354:355.1

Socio-Historical Outline of Soviet-era Model for Further Officers Training in the System of Military Education

Alexander P. Abramov

South-West State University, Russian Federation
October 50 street, 94, Kursk city, 305040
PhD (Sociology), Assistant Professor
E-mail: abramov_ap@inbox.ru

Abstract. The article reveals historic genesis and dialectic specialized military education of the Soviet-era as a space for educational strategies of further officers' training. Such matrix is a basic ground, which complies trainee's cult, his knowledge, skills and abilities.

Keywords: Soviet-era-based model; further officer; specialized military education; specialized schools; Suvorovtsy; Nakhimovtsy.

Введение. В отечественной истории военно-учебные заведения выступали средоточием интеллектуального потенциала, гарантом безопасности и социальной стабильности. Все годы военного строительства советская суворовско-нахимовская школа являлась фундаментом воспроизводства офицеров армии и флота, а общество в своей структуре определяло офицерский корпус как наиболее высокую социальную страту, элитарную социально-профессиональную группу.

В отечественной и постсоветской историографии данная тема разработана слабо, в работах исследователей имеется лишь ее фрагментарное воспроизводство, что не позволяет выстроить целостную картину формирования личности будущего офицера в ее качественных параметральных формах, которые могут быть востребованы и заимствованы в современных образовательных моделях.

Материалы и методы. Основным источником информации стали работы отечественных историков, нормативно-правовые акты, регламентирующие деятельность специализированных военно-учебных заведений в период с 1938 по 1977 гг., воспоминания и нарративные интервью выпускников суворовских военных училищ.

Использование методологии исторического, системного и структурно-функционального подходов позволило воспроизвести генезис и диалектику советской модели среднего специализированного военного образования по формированию личности будущего офицера

Обсуждение. Обращение к истории в поисках образцов для заимствования позволяет отразить и интерпретировать стадии формирования профессиональной социально-групповой общности, в качестве которой выделяются выпускники специализированных военно-учебных заведений.

Эволюцию формирования этой социально-групповой общности в структуре советского общества можно условно разделить на два последовательных этапа.

Первый этап характеризуется созданием модели специальных военных школ. Более двух десятилетий после Октября 1917 года, оставаясь в изоляции от внешнего мира, претендующего на новый передел, несущего угрозы войн и конфликтов, советское общество вынуждено было иметь сильную армию. Поэтому правительство СССР обратилось к проблеме воспитания офицерских кадров, как новой социально-групповой общности, формируемой из рабочих и крестьян. Государство стало нуждаться в образованной и талантливой молодежи, прежде всего в военной сфере.

В 1937 году в системе Народного Комиссариата просвещения были созданы специальные школы – средние учебные заведения, предназначенные для подготовки юношей к поступлению в военные училища. В течение трех лет в специальных военных школах, наряду с фундаментальной общеобразовательной подготовкой, по программе средней школы, воспитанники получали определённый объём знаний и некоторые навыки по будущей военной специальности ракетчика, артиллериста, лётчика или моряка. По решению Правительства от 5 мая 1937 года пять московских средних школ Наркомата просвещения в экспериментальном порядке приступили к обучению юношей 8–10 классов по специальной программе, согласно которой математика, физика, химия, черчение и военное дело изучались приближенно к программам военных училищ. Школы комплектовались учащимися, которые успешно окончили 7 классов и были годны по состоянию здоровья для поступления в военные училища. В соответствии с Положением о специальных школах их выпускники могли после 10 класса поступать в любое военное училище. Однако уже в ноябре 1937 года в Положение было внесено уточнение, по которому все спецшколы становились артиллерийскими, а их выпускники шли на комплектование артиллерийских училищ. В школы назначался лучший преподавательский состав с высшим педагогическим образованием, в том числе и из лиц командиров запаса артиллерии. Для руководства военной и политической работой назначались помощники директоров школ по политической части и военные руководители из числа лиц кадрового политического и командного состава [1].

В период с 1937 по 1946 гг. для целевой подготовки молодежи в конкретные военно-учебные заведения в структуре Народного Комиссариата просвещения было создано 17 артиллерийских спецшкол, 8 специальных военно-морских школ, 20 специальных школ ВВС [2]. Военные спецшколы давали одну социальную привилегию – гарантированное поступление в военное училище соответствующего рода войск.

Поступление в спецшколу определялось конкурсом аттестатов за семилетку. Большая часть поступающих были отличниками. Допускалось в аттестате не более трех-четырех четверок. Кандидаты проходили строгую медицинскую комиссию. О том, что уже в то время в спецшколе были лучшие московские ученики, говорит такая статистика. Всего за четыре года существования только через 1-ю Московскую спецшколу прошло около тысячи человек. Первая рота, то есть десятые классы, в 1941 году была направлена на фронт. Ученики низших классов попали в военно-морские училища, и большинство прослужило на флоте по двадцать и более лет. Из выпускников 1-ой Московской спецшколы один стал Маршалом Советского Союза, четырнадцать адмиралами и генералами, четыре Героями Советского Союза, три Героями Социалистического Труда, один из воспитанников стал действительным членом Академии наук, трое заслуженными деятелями науки и техники, пятеро писателями и журналистами. Едва ли какая другая московская школа смогла бы за четыре года воспитать такой интеллектуальный потенциал и подготовить столько юношей к служению отечеству не только на военном поприще.

В основу внутренней организации военных спецшкол были заложены основные принципы организации кадетских корпусов императорской России, хотя это и не афишировалось в то время по идеологическим соображениям. Но были и некоторые отличия, например, отсутствие интернатов. Воспитанники жили в своих семьях и находились в своем учебном заведении в соответствии с внутренним распорядком. Для иногородних были сделаны исключения – для них выделялись спальные помещения. Как и кадеты, они носили специально установленную военную форму одежды, близкую к офицерской. Каждая спецшкола имела свое Знамя.

Воссозданием кадетской системы раннего воинского воспитания занимались, в первую очередь, офицеры и генералы царской армии, перешедшие на службу Республики Советов. Сами бывшие в прошлом кадетами, они стремились возродить в спецшколах лучшие традиции этих учебных заведений. В предвоенные годы и в период Великой Отечественной войны специализированные школы стали одним из важнейших источников комплектования артиллерийских, военно-морских и авиационных училищ. Уже к маю 1942 года спецшколы (артиллерийские, ВМФ и ВВС) передали Армии и Флоту 15 тысяч своих воспитанников. Большинство из них достойно сражались на фронтах с немецко-фашистскими захватчиками. Более 40 из этих выпускников стали Героями Советского Союза.

Артиллерийские спецшколы просуществовали с 1937 по 1946 год, затем в 1947 году они были реорганизованы в артиллерийские подготовительные училища, завершившие свою историю в 1955 году. Спецшколы ВМФ просуществовали до 1944 года, после чего они были преобразованы в подготовительные училища ВМФ. Спецшколы ВВС были расформированы в 1955 году [3].

Второй этап формирования социально-групповой общности «выпускники специализированных военно-учебных заведений» характеризуется созданием суворовско-нахимовской школы.

В годы Великой Отечественной войны создается новый тип детских военизированных заведений по образцу кадетских корпусов императорской России – суворовские и нахимовские военные училища. При организации этих учебных заведений кадетские порядки были воссозданы в более полном объеме, чем в спецшколах и в сменивших их в 1946 году подготовительных училищах. Например, увеличение срока обучения с трех до семи лет, значительно повысило возможности воинского воспитания, способствовало развитию традиций, воинских ритуалов, сплочению коллектива воспитанников.

Отечественный педагог и историк Н. Алпатов подчеркивал, что «суворовские военные училища, хотя и имеют иные цели, задачи образования и воспитания молодежи, однако от кадетских корпусов они заимствовали все лучшее, что в них было» [4].

21 августа 1943 года Совет Народных Комиссаров и Центральный Комитет ВКП(б) приняли Постановление «О неотложных мерах по восстановлению хозяйства в районах, освобожденных от немецкой оккупации». Одной из таких мер и стало создание системы средних специализированных военно-учебных заведений. В нем указывалось: «Для устройства, обучения и воспитания детей воинов Красной Армии, партизан Отечественной войны, а также детей советских партийных работников, рабочих и колхозников, погибших от рук немецких оккупантов, организовать в Краснодарском, Ставропольском краях, Ростовской, Сталинградской, Ворошиловградской, Воронежской, Харьковской, Курской, Орловской, Смоленской, Калининской областях: девять суворовских военных училищ, типа старых кадетских корпусов по 500 человек в каждом, всего 4500 человек, со сроком обучения 7 лет, с закрытым пансионом для воспитанников... Цель создания этих учебных заведений - дать воспитанникам среднее образование и подготовить их к военной профессии в качестве офицера Советской Армии» [5].

Для детей пограничников были созданы Ташкентское и Кутаисское суворовские военные училища, а для детей моряков – нахимовские военно-морские училища (Тбилисское, Рижское и Ленинградское).

В редакционной статье в газете «Красная звезда» отмечалось: «Суворовские военные училища - преемники лучших традиций старых кадетских корпусов. Много замечательных офицеров и генералов нашей армии начинали свой армейский путь кадетами. В одном из наставлений о кадетских корпусах сказано: "русский, добрый сын, надежный товарищ, скромный и образованный юноша, исполнительный, терпеливый и расторопный офицер – вот качества, с которыми воспитанник военно-учебных заведений должен переходить со школьной скамьи в армию..."» [6].

М. Калинин, председатель Президиума Верховного Совета СССР на встрече с командованием суворовских военных училищ обозначил базовые принципы профессиональной социализации воспитанников этих учебных заведений.

Рекомендации-задачи формулировались следующим образом:

Первое. Задача не ограничивается созданием просто советского человека, необходимо создать нового военного человека. Что требуется у нас от военного? Выработка понимания чести мундира, чести знамени, того, что если человек носит офицерский мундир, то он не может сделать бесчестного поступка. Второе. Из опыта подготовки германских офицеров необходимо взять выработку дисциплины, чинопочитания. С другой стороны, мы не можем допустить, чтобы наши офицеры были формалистичны, чтобы в них были задушены общечеловеческие чувства. Мы, прежде всего хотим, чтобы наши офицеры были жизнедеятельными советскими гражданами. Мало того, мы хотим, чтобы наши воспитанники, перейдя и на гражданскую службу, показали там свои знания, дисциплинированность.

Третье. Необходимо построить обучение и воспитание таким образом, чтобы создать нового советского человека, нового советского военного человека. Каким же должен быть этот военный человек? Конечно, это должен быть безукоризненно честный, храбрый, понимающий человек, показывающий пример своим подчиненным, как офицер, человек физически выносливый, сильный, прошедший хорошую физическую подготовку, хорошо спортивно натренированный.

Четвертое. Прививать любовь к родине, к стране, к народу нужно не словами, нужно сделать их близкими, понятными. Необходимо закреплять чувства дружбы, товарищества, чтобы они не предавали своих товарищей, чтобы не хитрили с ними. И тут двойка: хитрость к врагу допустима, а по отношению к товарищу – нет, подставить товарищу ножку – позор.

Пятое. В воспитании все должно быть продумано: как подойти к ребенку, чтобы он не чувствовал, что над ним стоит кто-то сверху, перед кем он должен трястись, а чтобы в своём воспитателе видел и уважал человека. Но вместе с тем, этот воспитатель должен быть человеком авторитетным и чтобы этот авторитет чувствовал ребёнок, даже малыш.

Шестое. Страна нуждается в знающих людях, и эта потребность с каждым годом всё будет возрастать. Будут расти требования и к культуре человека и к знаниям. Необходимо не только готовить военный материал, но создавать культурных людей, подготовленных к высшей школе, хорошо знающих не только русский язык, но и иностранные языки.

Седьмое. Необходимо прививать трудовые навыки, приучать будущих офицеров, чтобы они не были барчуками, знали труд крестьянина и рабочего [7].

Особые требования обозначались для воспитателей и командиров, создаваемых учебных заведений. В одной из Директив отмечалось, что необходимо: «Отобрать лучший офицерский состав, имеющий достаточный опыт в педагогической и воспитательной работе и практический стаж в командовании подразделениями и частями Красной Армии. При наличии всех этих качеств преимущество отдавать офицерам, имеющим боевой опыт» [8]. Например, все командиры рот и двух приготовительных классов Воронежского СВУ до армии были директорами начальных школ. Те, кто такого педагогического опыта не имел, проходили обучение на факультете подготовки офицеров-воспитателей для суворовских военных училищ созданного в Военно-педагогическом институте. К началу 50-х годов XX века суворовские военные и нахимовские военно-морские училища сложились как новый тип средних специализированных военно-учебных заведений.

Итоги Второй мировой войны определили новое положение СССР на мировой арене. Победа в Великой Отечественной войне привела к образованию социалистического лагеря. Контингенты советских войск находились во многих странах Восточной Европы. Это обстоятельство предъявило новые требования к подготовке офицерского корпуса, который представлял народ страны-победителя. Социально-групповая общность выпускников СВУ и НВМУ, впоследствии офицеров, наделялась новыми социально-типическими характеристиками и функциями примера-образца советского гражданина.

Эти положения зафиксировали модель профессиональной социализации будущих офицеров в специализированных военно-учебных заведениях суворовско-нахимовского типа. Образовательные стратегии реализовывались, исходя из передовых педагогических и воспитательных методик, накопленных и апробированных в предшествующие годы.

Контент-анализ различных источников позволил получить следующие данные по социальному составу и географии поступающих в суворовские военные училища. В качестве примера приведен социальный состав Ставропольского СВУ (таблица 1).

Таблица 1

**Социальный состав воспитанников, поступивших в Ставропольское СВУ
в период с 1949 по 1954 гг.**

Социально-статусные группы воспитанников, поступивших в СВУ	Годы поступления						
	1949	1950	1951	1952	1953	1954	1955
Круглые сироты	10	16	20	26	23	8	15
Дети погибших отцов в годы ВОВ	70	54	44	45	89	13	36
Дети инвалидов войны и труда	7	3	2	3	-	4	18
Дети военнослужащих	5	4	-	4	3	2	3
Дети офицеров запаса	5	-	-	-	-	-	8
Другие статусные группы	-	-	9	-	-	-	-
Всего	97	87	75	78	115	27	80

Подобная картина была характерна и для других суворовских училищ. Например, в Воронежском училище первые наборы состояли не менее чем на 85 % из числа детей-сирот и погибших воинов Красной Армии. В Калининском СВУ из 500 воспитанников первого набора 236 – дети погибших на фронтах ВОВ, 165 – дети сражающихся воинов, 19 – дети инвалидов войны, 67 – дети рабочих и служащих (в том числе 29 сирот), 13 – дети партийных и советских работников [9].

Весьма разнообразна была и география поступающих в СВУ (см. таблица 2).

Только в одном Ставропольском училище в различные годы обучались воспитанники из 6 союзных и 3 автономных республик СССР, тем самым в коллективах уживались и различные этнические культурные практики.

Таблица 2

География поступающих в Ставропольское СВУ в период с 1949 по 1954 гг.

Социально-статусные группы воспитанников, поступивших в СВУ	Годы поступления						
	1949	1950	1951	1952	1953	1954	1955
Брянская область	-	-	-	-	-	-	7
Краснодарский край	-	-	-	-	-	15	-
Москва и Московская область	-	18	20	16	31	2	-
Саратовская область	-	-	-	-	-	-	8
Ставропольский край	45	28	29	24	41	10	9
Северо-Осетинская АССР	6	-	-	-	-	-	-
Дагестанская АССР	-	-	-	-	-	-	4
Чечено-Ингушская АССР	-	-	-	-	-	-	5
Азербайджанская ССР	17	13	9	12	12	-	-
Армянская ССР	10	5	-	-	-	-	8
Белорусская ССР	-	-	-	-	-	-	15
Грузинская ССР	10	11	9	14	7	-	-
Украинская ССР	-	7	8	12	24	-	-
Другие регионы	9	3	-	2	-	-	-
Всего	97	87	75	78	115	27	80

Высокое качество общеобразовательной подготовки иллюстрируют данные по Ставропольскому СВУ в период с 1948 по 1962 гг. В отдельные годы (1948, 1953, 1955, 1956) почти каждый третий выпускник заканчивал СВУ с медалью того или иного достоинства (см. таблица 3).

За годы существования училища из его стен вышло 975 его воспитанников, из которых 206 человек (а это более 20 %) окончили его с медалями (87 с «золотыми» и 119 с «серебряными»). Большинство воспитанников в качестве будущей профессии выбирали пехотные, артиллерийские, танковые военные училища. Хорошее знание иностранных языков позволило некоторым выпускникам поступить в институт иностранных языков (в 1949 году – 4, в 1950 году – 7) [10]. Тридцать военных училищ разных родов войск и три академии приняли в свои стены суворовцев-ставропольцев.

Таблица 3

Количество выпускников-медалистов, закончивших Ставропольское СВУ

Закончили училище	Годы														
	1948	1949	1950	1951	1952	1953	1954	1955	1956	1957	1958	1959	1960	1961	1962
С «золотой медалью»	1	5	2	2	7	14	3	9	12	5	2	5	5	5	
С «серебряной медалью»	16	4	9	5	7	17	6	15	15	9	12	4	11	3	1
Всего	47	66	65	53	62	119	25	75	90	86	57	56	61	85	22

Из 4848 выпускников суворовских училищ Поволжья (Горьковское, Казанское, Куйбышевское, Саратовское и Сталинградское СВУ) более двухсот суворовцев получили «золотые» медали, а более пятисот – «серебряные», т. е. медалистом стал каждый седьмой выпускник [11].

Высокой была успеваемость и в первый военный год (см. таблица 4).

В училищах работало большое количество предметных кружков: литературных, математических, химических, моделирования, иностранных языков, автомобильных, радиотехнических и других. В них занималось более 90 % воспитанников. Конкурсы на лучший перевод текстов на иностранном языке военного содержания также являлись неотъемлемым атрибутом общеобразовательной подготовки суворовцев. В таких конкурсах принимало участие более 70 % суворовцев. Большинство из них показывало умение переводить тексты из иностранных журналов с достаточной быстротой, в должной литературной форме.

Опыт императорских кадетских корпусов и передовой опыт советской школы были взяты в основу учебно-воспитательного процесса. В связи с этим был разработан ряд мер по дальнейшему улучшению подготовки будущих офицеров.

Таблица 4

Успеваемость воспитанников СВУ за 1943–1944 учебный год

Суворовские военные училища	Количество воспитанников	Количество аттестованных	Количество не аттестованных	% успеваемости	Количество не успевающих
Ставропольское	507	507	-	100	-
Калининское	507	507	-	99,8	1
Краснодарское	505	503	2	98,6	7
Сталинградское	505	498	7	96,0	20
Харьковское	507	502	5	95,6	22
Орловское	498	497	1	94,0	30

Воронежское	505	503	2	93,3	33
Курское	504	499	3	92,6	31
Новочеркасское	499	493	6	91,2	44
Всего	4537	4509	26	95,8	188

Одна из таких мер – увеличение в учебном плане часов (до двух тысяч) для занятий иностранными языками с тем, чтобы воспитанники могли приобрести навыки свободного владения одним из языков – немецким, английским или французским. Для проведения занятий по иностранным языкам подбирались лучшие педагоги, а на должности офицеров-воспитателей назначались офицеры, владеющие иностранным языком. И это документально формально закреплялось директивами Управления военно-учебных заведений и приказами начальников училищ. Например, в Ставропольском СВУ каждый вторник стал считаться «английским днем». В этот день все команды, общение, уроки проходили на английском языке.

С первых дней пребывания в училище серьезное внимание воспитанников и воспитателей обращалось на строевую и физическую подготовку. Приобщение к спорту происходило в общеучилищных и ротных спортивных секциях. В ежегодных училищных спартакиадах принимало участие подавляющее большинство суворовцев.

Кроме того, с 1949 года один раз в два года проводились Спартакиады суворовских военных училищ по легкой атлетике, гимнастике, стрельбе, боксу, баскетболу, фехтованию и плаванию [9].

Внутренний порядок в училищах поддерживался на основании «Правил внутреннего распорядка и поведения воспитанников Суворовского военного училища». В отличие от средней школы в учебные планы СВУ были включены геология, психология, военная, строевая и физическая подготовка. На изучение иностранного языка отводилось больше времени, чем в школе. После каждого учебного года проводились лагерные сборы.

Требования внутреннего распорядка и повседневной жизни суворовцев и нахимовцев публиковались в центральной прессе. Например, в газете «Красная звезда» от 29 марта 1961 года излагался даже порядок ношения причесок суворовцами.

Наряду с формированием творческих способностей прививались и трудовые навыки. В своих воспоминаниях выпускник СВУ О. Зинченко отмечает: «...С удовольствием работали в столярной, слесарной и переплетной мастерских. Изготавливали картодержатели, циркули, линейки, макеты, стенды, ремонтировали простейшую мебель и переплетали библиотечные книги, которых тогда не хватало. Много полезного, с точки зрения трудового воспитания, получил каждый воспитанник в стенах суворовского училища. И если впоследствии приходилось показывать солдатам, как надо мыть и натирать пол, переплести книгу, оформить стенд, то мысленно обращались к своим воспитателям и благодарили их за эту науку. Суворовское училище для каждого воспитанника стало не просто школой, оно стало семьей, семьей заботливой и боевой, с лучшими традициями русской и советской армии. В стенах училища мы впервые поняли важность и необходимость дисциплины, ощутили радость первого поощрения, горечь первого взыскания» [12].

Поощрения и система наказаний строилась в соответствии с Дисциплинарным уставом Советской Армии. Ежегодно лучшие воспитанники награждались почетными грамотами ЦК ВЛКСМ. К выпуску почти все были членами ВЛКСМ, а самые достойные принимались кандидатами в члены КПСС. Одной из действенных мер наказания было срезание погон перед строем на срок от нескольких дней до нескольких месяцев. Арест и помещение в карцер также имели место.

В 60-е годы XX века была проведена реорганизация системы средних специальных военно-учебных заведений. Часть суворовских военных училищ стала школами-интернатами в ведении Министерства просвещения РСФСР. В оставшихся училищах были изменены сроки обучения и порядок их комплектования. С 1963 года они перешли на трехлетний срок обучения. Для комплектования училищ был выбран старший подростковый возраст.

Суворовские военные училища занимались по программам средней школы, поэтому, как и средняя школа в 1969 году, училища перешли на двухлетний срок обучения. Этот срок обучения сохранился до начала 90-х годов XX века.

В 70-е годы XX века перед средней школой, а, следовательно, и перед суворовскими военными училищами жизнь ставила новые задачи. В документах того времени говорилось о необходимости «добиваться, чтобы каждый урок способствовал развитию познавательных интересов учащихся и приобретению ими навыков самостоятельного пополнения знаний» [13]. Естественно, это потребовало приведения методов обучения в соответствии с требованиями жизни, повышения удельного веса самостоятельной, творческой работы суворовцев на уроке. Занятия строились так, чтобы воспитанники не только воспринимали на уроках знания в готовом виде, но и учились работать самостоятельно, Разнообразием отличались формы воспитательной работы. Проводились конкурсы самостоятельно написанных стихотворений, рассказов, драматических произведений, изобразительного искусства по скульптуре и живописи, художественного чтения; смотры стенных газет. На выставках творческих работ представлялись макеты, скульптурные изображения, схемы, рефераты, сочинения, рисунки. На них приглашались директора школ, учителя, преподаватели вузов, студенты и школьники. Смотры художественной самодеятельности повышали музыкальную культуру воспитанников.

К 1991 году в ведении Министерства обороны СССР находилось 7 СВУ: Екатеринбургское, Казанское, Московское, Санкт-Петербургское, Тверское, Ульяновское и Уссурийское; Нахимовское военно-морское (г. Ленинград) и Военно-музыкальное училище (г. Москва). Такая структура средних специализированных военно-учебных заведений обеспечивала территориальную, социокультурную и инфраструктурную целесообразность.

В период советской истории в суворовских военных училищах было собрано все самое лучшее, что имела педагогика того времени. В течение нескольких десятилетий выстраивалась благоприятная образовательная среда, в которой весь спектр социальных взаимодействий находился в равновесном состоянии. Такая среда, которую В. Сухомлинский считал «необходимым условием полноценного педагогического процесса» и «средством воздействия на духовный мир воспитанников, средством формирования их взглядов, убеждений и хороших привычек» [14].

Знания и образцы поведения, связанные с социальной ролью будущего военного профессионала, детерминировались как институционально (т.е. со стороны органов управления образованием – посредством властных отношений, или со стороны научно-педагогического знания – через систему знания), так и через социальные и социально-психологические структуры конкретного учебного заведения. Выпускники имели четко направленное военное предназначение и, по окончании училища они, по старшинству баллов, распределялись для поступления в высшие военные учебные заведения, тем самым, выполняя сформированный государством и обществом запрос на офицерские кадры для Вооруженных Сил.

В аттестате отмечалось, что выпускник получил среднее общее образование и прошел производственное обучение по специальности «военная подготовка», которое давало ему право при прохождении службы в Советской Армии на рядовых должностях, занимать должности младшего командного состава - сержантов.

В качестве условий эффективного функционирования специализированных военно-учебных заведениях советского периода определяются следующие положения:

- соответствие целям и задачам воспитания;
- соответствие организации пространства организации учебно-воспитательного процесса в данном военно-учебном заведении;
- культуросообразность (соответствие общекультурным требованиям, учёт особенностей военной культуры);
- эмоциональная и информационная насыщенность;
- соответствие возрастным особенностям воспитанников;
- многоканальность и неразрывность учебного и воспитательного воздействия;
- соответствие санитарно-гигиеническим нормам и технике безопасности;
- эстетичность и аккуратность;

- поддержание в функциональном состоянии (своевременный ремонт, уборка, замена материальных средств; постоянное обновление и совершенствование предметно-пространственной среды);

- участие самих воспитанников в создании и поддержании благоприятной образовательной среды.

Эти условия обеспечили подготовку высокообразованных, всесторонне развитых граждан своей страны. Кроме того, в советский период были уравновешены практики институционального взаимодействия государства, образования, в том числе военного и армии. Социализационное влияние семьи и иных социальных общностей и групп заменено благоприятной социальной средой суворовского (нахимовского) училища.

В результате образовалась структура средних специализированных военно-учебных заведений, обладающих признаками самостоятельного социального института:

- общие цели жизнедеятельности субъектов социального взаимодействия;

- традиции, нормы и правила поведения;

- своя символика (знамя, гимн, нагрудный знак выпускника и т. п.);

- отличительная униформа;

- территориальное расположение;

- система санкций для поддержания норм и правил, дифференцированность их применения в отдельных случаях;

- система социальных статусов и ролей.

В образовательных и воспитательных практиках реализовывались в первую очередь такие идентификационные социальные роли, как:

- гражданин своей страны, как представитель единой социальной общности «советский народ»;

- представитель военной социальной среды, как носитель ее социокультурных практик вне зависимости от избранной профессии, в том числе и на гражданском поприще [15].

Между структурой социального мира и структурой личности всегда происходит процесс взаимного приспособления. Со стороны личности – это социализация, т.е. объективное и субъективное вхождение в социум, привыкание к определенному структурному порядку. Со стороны общества это – институционализация отношений, конституирование системы норм, регуляторов и принципов, с которыми человек будет согласовывать свое индивидуальное поведение. И такие отношения в советской модели были выстроены.

Процесс профессиональной социализации происходит в контексте специфической социальной структуры, которая предполагает согласованность взаимовлияний внешней и внутренней среды. Индивид всегда встречает определенную институционализированную программу поведения, некоторый социально-структурный порядок, в который он встраивается, вынужден принимать его или отвергать. Таковую программу действий задавала внешняя среда через систему ценностей, норм, правил и идентификаций с социальной общностью «советский народ».

В первые годы становления военно-учебных заведений: голод, послевоенная разруха, человеческие пороки – та внешняя среда, которая хуже, чем настоящее. А это настоящее реализовывалось в училище, как в благоприятной социальной среде, как в лучшем социальном мире, в том социальном мире, в который хотелось бы вернуться. Отсюда и множество воспоминаний выпускников и их попытки раздвинуть пространство и время.

Космонавт В. Джанибеков, закончивший Ташкентское СВУ в 1960 г., так отзывается о нем: «Если я чего и добился в жизни, то этим я обязан суворовскому училищу. Я убежден, что необходимо развивать сеть суворовских и нахимовских училищ. Так готовить кадры будущих офицеров, как это делают суворовские и нахимовские училища, не сможет никто!» [16].

Советский период функционирования института специализированных военно-учебных заведений дал наиболее впечатляющие результаты по подготовке для армии и общества такого количества выдающихся военных, государственных чиновников, ученых и спортсменов.

Ни одна другая национальная система обучения и воспитания граждан России не дала таких выдающихся результатов в чистом виде, которые отражаются в достижениях и

профессиональных маршрутах ее выпускников: 70 Героев Советского Союза, Социалистического труда и России; более тысячи генералов и 20 тысяч офицеров армии и флота; пять федеральных министров и Секретарь Совета Безопасности России; начальник Генерального штаба и четыре заместителя министра обороны; более 30 командующих войсками военных округов и их заместителей; более 100 командующих армиями и представителей командного состава оперативно-стратегического уровня; два академика РАН; три летчика-космонавта; около 500 докторов наук; три губернатора; десятки народных и заслуженных артистов СССР и России; целая плеяда известных творческих работников; более 30 чемпионов и призеров олимпийских игр, десятки чемпионов мира и тысячи мастеров спорта.

Советская модель специализированных военно-учебных заведений заложила основы парадигмы военного образования. Такая парадигма определяется П. Денисенко, как исходная базовая матрица, содержащая в себе основания, средства обучения и воспитания, идеал обучаемого в его качественной совокупности знаний, навыков и умений [17].

Заключение. Историко-социологический абрис модели специализированного военного образования советского периода позволяет определить ряд концептуальных положений, которые подтверждаются авторскими исследованиями, проведенными методами опроса и фокусированного интервью среди выпускников разных лет, преподавателей и сотрудников Курского СВУ (N=48) и Уссурийского СВУ (N = 44) в период с 1 по 5 июня 2013 года.

Во-первых, за несколько десятилетий советского периода в структуре общества сформировалась социальная общность – выпускники специализированных военно-учебных заведений, обладающая следующими характеристиками:

- высокий общеобразовательный уровень, интеллектуальный и творческий потенциал его членов;
- развитые лидерские качества и мужские гендерные признаки (надежность, мужество, стойкость, выносливость, хорошая физическая подготовка);
- претензии на элитарность на рынке труда;
- встроенность во все структуры советского общества, что отражается в профессиональных маршрутах в армии, на государственной службе и иных сферах деятельности;
- лидерские позиции по основным стратификационным признакам: доход, образование, престиж, власть;
- единение с народом по признакам идентичности (выходцы из рабочих, крестьян и трудовой интеллигенции).

Во-вторых, суворовские военные училища являлись государственными военными учебными учреждениями и являлись структурным элементом профессионального военного образования, подчинялись непосредственно Министерству обороны СССР и выполняли задачи и его разрядку на подготовку воспитанников для продолжения профессиональной военной службы в составе офицерского корпуса. Данная система подготовки офицеров, проверенная веками, позволяла в целом удовлетворять потребности государства в профессиональных военных кадрах.

В-третьих, профессиональная социализация - процесс не монотонный, а качественно дифференцированный. И эта дифференциация отражается в последовательном усвоении навыков военной профессии на каждом этапе служебного роста в процессе постоянной учебы: суворовское училище - высшее военное училище - военная академия - академия генерального штаба. Плюс различные курсы повышения квалификации. Фундамент профессиональной социализации – среднее специализированное военное образование.

В-четвертых, обучение и воспитание в училищах осуществлялось специально подобранным контингентом преподавателей и офицеров-воспитателей, каждый из которых отвечал высоким профессиональным требованиям (обязательное высшее образование, знание иностранного языка, способность и желание работать с детьми, собственная благополучная семья, любовь к детям).

Советская модель среднего специализированного военного образования определяется как пространство формирования образовательных стратегий подготовки будущих офицеров,

как исходная базовая матрица, содержащая в себе основания, средства обучения и воспитания, идеал обучаемого в его качественной совокупности знаний, навыков и умений.

Примечания:

1. Постановление Совета Народных комиссаров СССР «Положение о специальных школах народных комиссариатов просвещения РСФСР и УССР» № 452 от 9 апреля 1938 года.
2. Кучеров А.С. Специальные военно-подготовительные школы [Электронный ресурс]. - Режим доступа: <http://www.ruscadet.ru/history/milschool/comm.htm> (дата обращения 04.02.2013 г).
3. Историко-мемуарный сборник о 1 Московском артиллерийском подготовительном училище (1946–1955 гг.) / Под общ. ред. Б. П. Сыченкова. М., 2003. 216 с.
4. Алпатов Н.И. Учебно-воспитательная работа в дореволюционной школе интернатного типа. М., 1958. 244 с.
5. Постановление СНК СССР и ЦК ВКП(б) «О неотложных мерах по восстановлению хозяйства в районах, освобожденных от немецкой оккупации». № 901 от 21 августа 1943 года.
6. Суворовские военные училища // Красная звезда. 1943. 1 декабря.
7. Суворовские, нахимовские.... / Автор-составитель Г.П. Толокольников. М.: МСНС, 2001. 359 с.
8. Директива Генерального Штаба Красной Армии от 27 августа 1943 года за №8 орг/7/13865/с.
9. Бученков П.А. Суворовское военное. М.: Воениздат, 1981. 94 с.
10. Зинченко О. В. Помним, чье имя носим. Ставропольское суворовское училище (1943-1962). М.: ИИЦ «Дарков Сергей», 2003. 120 с.
11. Белов С.Н. Суворовские военные училища Поволжья (1943-1964 гг.): основные этапы становления и развития: дис... канд. ист. наук. 07.00.02. Самара, 2007. 199 с.
12. Зинченко О.В. Мы суворовцы. М.: Воениздат, 1974. С. 32.
13. Постановление ЦК КПСС и Совета Министров СССР «О дальнейшем совершенствовании обучения, воспитания учащихся образовательных школ и подготовки их к труду» № 1111 от 22 декабря 1977 года.
14. Сухомлинский В. А. Павлышская средняя школа. М., 1979. 184 с.
15. Абрамов А.П. Социокультурная трансформация личности в условиях реформирования системы средних специализированных военно-учебных заведений: монография. Курск: Юго-Зап. гос. ун-т, 2013. 340 с.
16. История образования суворовских училищ [Электронный ресурс]. - Режим доступа: http://www.ruscadet.ru/history/sms_nmns/comm.htm (дата обращения 02.02.2013).
17. Денисенко П.А. Парадигмы образования в социокультурном пространстве современного российского общества и армии (социально-философский анализ): автореф. дис... докт. философ. наук. М.: ВУ, 2009. 40 с.

References:

1. Postanovlenie Soveta Narodnykh komissarov SSSR «Polozhenie o spetsial'nykh shkolakh narodnykh komissariatov prosveshcheniya RSFSR i USSR» № 452 ot 9 aprelya 1938 goda.
2. Kucherov A.S. Spetsial'nye voenno-podgotovitel'nye shkoly [Elektronnyi resurs]. - Rezhim dostupa: <http://www.ruscadet.ru/history/milschool/comm.htm> (data obrashcheniya 04.02.2013 g).
3. Istoriko-memuarnyi sbornik o 1 Moskovskom artilleriiskom podgotovitel'nom uchilishche (1946–1955 gg.) / Pod obshch. red. B. P. Sychenkova. M., 2003. 216 s.
4. Alpatov N.I. Uchebno-vospitatel'naya rabota v dorevol'yutsionnoi shkole internatnogo tipa. M., 1958. 244 s.
5. Postanovlenie SNK SSSR i TsK VKP(b) «O neotlozhnykh merakh po vosstanovleniyu khozyaistva v raionakh, osvobozhdennykh ot nemetskoj okkupatsii». № 901 ot 21 avgusta 1943 goda.
6. Suvorovskie voennye uchilishcha // Krasnaya zvezda. 1943. 1 dekabrya.
7. Suvorovskie, nakhimovskie.... / Avtor-sostavitel' G.P. Tolokol'nikov. M.: MSNS, 2001. 359 s.

8. Direktiva General'nogo Shtaba Krasnoi Armii ot 27 avgusta 1943 goda za №8 org/7/13865/s.
9. Buchenkov P.A. Suvorovskoe voennoe. M.: Voenizdat, 1981. 94 s.
10. Zinchenko O. V. Pomnim, ch'e imya nosim. Stavropol'skoe suvorovskoe uchilishche (1943-1962). M.: IITs «Darkov Sergei», 2003. 120 s.
11. Belov S.N. Suvorovskie voennye uchilishcha Povolzh'ya (1943-1964 gg.): osnovnye etapy stanovleniya i razvitiya: dis... kand. ist. nauk. 07.00.02. Samara, 2007. 199 s.
12. Zinchenko O.V. My suvorovtsy. M.: Voenizdat, 1974. S. 32.
13. Postanovlenie TsK KPSS i Soveta Ministrov SSSR «O dal'neishem sovershenstvovanii obucheniya, vospitaniya uchashchikhsya obrazovatel'nykh shkol i podgotovki ikh k trudu» № 1111 ot 22 dekabrya 1977 goda.
14. Sukhomlinskii V. A. Pavlyshskaya srednyaya shkola. M., 1979. 184 s.
15. Abramov A.P. Sotsiokul'turnaya transformatsiya lichnosti v usloviyakh reformirovaniya sistemy srednikh spetsializirovannykh voenno-uchebnykh zavedenii: monografiya. Kursk: Yugo-Zap. gos. un-t, 2013. 340 s.
16. Istoriya obrazovaniya suvorovskikh uchilishch [Elektronnyi resurs]. - Rezhim dostupa: http://www.ruscadet.ru/history/sms_nmns/comm.htm (data obrashcheniya 02.02.2013).
17. Denisenko P.A. Paradigmy obrazovaniya v sotsiokul'turnom prostranstve sovremennogo rossiiskogo obshchestva i armii (sotsial'no-filosofskii analiz): avtoref. dis... dokt. filosof. nauk. M.: VU, 2009. 40 s.

УДК 316.354:355.1

Историко-социологический абрис советской модели подготовки будущих офицеров в системе среднего специализированного военного образования

Александр Петрович Абрамов

Юго-Западный государственный университет, Российская Федерация
305040, г. Курск, ул. 50 лет Октября, 94
Кандидат социологических наук, доцент
E-mail: abramov_ap@inbox.ru

Аннотация. В статье раскрывается исторический генезис и диалектика становления советской модели специализированного военного образования, как пространства формирования образовательных стратегий подготовки будущих офицеров, как исходной базовой матрицы, содержащей в себе основания, средства обучения и воспитания, идеал обучаемого в его качественной совокупности знаний, навыков и умений.

Ключевые слова: советская модель; будущий офицер; специализированное военное образование; спецшколы; суворовцы; нахимовцы.

Copyright © 2014 by Academic Publishing House *Researcher*

Published in the Russian Federation
 Voennyi Sbornik
 Has been issued since 2013.
 ISSN: 2309-6322
 Vol. 4, No. 2, pp. 80-82, 2014

DOI: 10.13187/issn.2309-6322

www.ejournal6.com

UDC 93/94

Remarks by Special Operations Soldier

Timofei E. Dolgoplov

Abstract. These remarks by a former soldier of a special task unit Dolgoplov Timofey Eliseevich were published for the first time. The remarks were made during a long interview on February 16, 2001. The soldier remembered episodes while ensuring security during Teheran Conference, military operations on occupied territory, the end of World War 2.

Keywords: the Great Patriotic War; special task units; remarks.

10 мая 1941 года я был призван в военное училище, где обучался май и июнь. С началом Великой Отечественной войны все училище было брошено на фронт, и мы под Ковелем в Белоруссии приняли боевое крещение. В этом же году я был ранен, но не тяжело, второй раз был ранен под Таганрогом и для излечения находился в целом ряде госпиталей, в том числе в Баку. Страшен был первый год войны, мы отступали, бросали без топлива, танки и машины, практически постоянно оставляли местному населению тяжелораненых бойцов и командиров, легко раненые шли сами.

В начале 1942 года я прошел спецучебу и был направлен в Тегеран в составе группы из 15 человек для выполнения спецзаданий. После начала Тегеранской конференции в 1943 году, меня и двоих других сослуживцев отпустили и мы вернулись в СССР. Прилетев в Москву, нас троих разъединили, я попал на 1-й Прибалтийский фронт к Баграмяну, в отдельный гвардейский батальон особого назначения, по выполнению особых заданий в тылу у немцев.

Забрасывались по пять человек, полковник или подполковник, обязательно радистка и трое других. Цели, как правило, разведывательные, передвижение войск противника, сбор информации и так далее. Связь поддерживали и с белорусскими партизанами, с ними встречались, белорусы действительно целым народом поднялись на борьбу с немцами, освобождали и удерживали целые районы. Наносили большой ущерб противнику. Потери были очень большие. Очень глупо погиб в 1944 году, мой сослуживец Николай Кузнецов с группой, ведь знал, что в районе Львова находятся бандеровские банды, их задержали, а он признался, что они разведчики, их всех и расстреляли.

24 декабря мы втроем пошли на задание, не думал, что вернусь живым. Оставили одного с вещами около дороги, а вдвоем, разделившись, пошли в разные стороны на разведку. Возвращаемся, и, не доходя триста метров, смотрим, около дороги немцы передвигаются. Оказывается наш третий, находясь с вещами, вылакал весь спирт из фляжки, схватил автомат, гранаты и побежал к дороге. Слышно было, как ухнули две гранаты, раздались несколько очередей, и все смолкло, его убили. Немцы выгрузили пехоту и пошли по нашему следу, мы отступать, второй напарник, тоже не пошел в болото как я, а пошел вдоль болота и также был убит, в ходе боя. Пять суток я пробирался болотом, весь промок. Вышел из болота, думаю, что должен быть уже на своей территории, смотрю - три немца стоят, дал две очереди, удачно получилось - двоих убил и одного тяжело ранил,

подошел, добил последнего. Забрал у них хлеб, кстати, такой же как у нас, «бородинский», ветчину, тушенку, рому флягу, покушал и пошел дальше. Перешел речку, вышел на поляну, на ней домов десять – одиннадцать, думаю ну тут уже точно свои, зайду и обсушусь. А время уже к вечеру. Подхожу к дому, смотрю в окно, а там человек шесть мужчин, может больше, один из них повернулся, а на рукаве нашивка полиции. Я назад, недалеко от опушки они меня заметили, я очередь дал, а они преследовать не стали.

Добравшись, наконец, до своих, увидел звездочки на шапках солдат и потерял сознание, очнулся в военном госпитале. 29 декабря 1943 года я получил тяжелое обморожение, пролежав в госпиталях около семи месяцев (хотели отнять правую ногу, но спасли, впоследствии мне дали из-за этого вторую группы инвалидности). Несмотря на то, что признали инвалидом я пошел на фронт добровольцем. Пошел я потому, что хотел отомстить за родного брата, в начале войны он командовал пограничной заставой, был ранен и находился на излечении у нас дома на Кубани в станице Каневской. С приходом немцев он ушел в подполье, но был предан своими же земляками-предателями, среди которых оказался и председатель колхоза. Брата и 16 летнюю сестренку мою, полицейские убили. В живых осталась одна моя мать, однако, бывший председатель вбил в нашем огороде колышки и запрещал на нем что-либо сажать, и если бы соседи не подкармливали ее, она бы непременно умерла от голода.

После ранения под Витебском я попал на 1-й Белорусский фронт, который возглавлял сперва Рокоссовский, а затем Жуков. Сначала я находился при штабе, но позднее меня направили в минометный батальон. Лучше всего из тех операций, в которых я участвовал, была спланирована операция по прорыву на Одере. За 15 дней мы прошли 500 километров, окружив Познаньскую группировку противника, одно там было плохо, когда группировка прорвала окружение, то она вышла в непосредственные наши тылы и нам пришлось очень туго. На Одере получилось так, что мы втроем трое суток держали оборону, а когда нас подменили, меня направили к Берзарину Николаю Эрнестовичу, командующему 5-й ударной армией, для прохождения учебы на офицерское звание. Однако от боев наш собранный контингент не освобождался, и мы продолжали участвовать в боевых действиях.

По поводу власовцев, нам приходилось многих брать в плен. Был случай, когда наша часть окружила за Варшавой с четырех сторон 300 власовцев, они тут же оружие побросали и сдались, говорят: «нас заставили окопы здесь рыть». Власовцев направляли в спецлагерь на территории Польши ближе к границе Советского Союза, там их и проверяли, кто сам сдался в плен, а кто случайно попал. Последним давали до 12 лет лагерей, а первых, как и власовцев-смертников, как правило, расстреливали. Со смертниками также доводилось сталкиваться, это были звери, они до последнего стояли, покуда их не добивали в окопе. Много власовцев было прибалтийских, украинских, с Кубани и впоследствии нами были разгромлены даже калмыцкие полки. Поражение наносили и чеченским полкам, после этого их перебросили во Францию и Италию для продолжения войны. Наш орган СМЕРШ раскрыл преступление крымских татар, которые в Крыму вырезали 5 тыс. наших военнопленных, целый лагерь. За что эти народы, впоследствии и повывесляли: калмыков, крымских татар, чеченцев, кабардинцев и так далее.

С власовцами приходилось сталкиваться часто, они до последнего обороняли Берлин, а летом 1944 года я получил ранение под Витебском, который удерживали власовцы, находясь в полном окружении*. Власовцы занимали позиции во всех 11 укрепленных районах, каждый из которых имел полную линию обеспечения, включая противотанковые рвы, колючую проволоку, окопы и огневые точки. Наши части их уже обошли со всех сторон, взяли Оршу, подошли почти к Минску, а власовцы не сдавались. Бои там были тяжелые. Позже Гитлер издал приказ из власовцев создать заградотряды и в случае отступления немцев, загонять обратно их в траншеи или расстреливать. Особенно были жестокими власовцы с нарукавными нашивками в виде андреевского флага и треугольника как у казаков.

Во время штурма Берлина мне довелось участвовать в штурме рейхстага, очищать его первый этаж. Когда здание было очищено, мною была оставлена мелом на колонне надпись и углем на стене «Дата и фамилия». Боевые действия я закончил в Берлине, 8 мая 1945 года.

* Речь идет о 6-м латышском корпусе СС, который оборонял город – Ред. ВС.

Будучи в почетном карауле мы встречали английскую, американскую и французскую миссии для подписания капитуляции. Туда же прилетел и Кейтель со своим штабом. В здании высшей академии СС “Адольф Гитлер” была и подписана капитуляция, это случилось почти в 12 часов дня. Из здания вышли руководители и повсюду зажглись огни, началась сильная стрельба в воздух, однако, так как мы стояли в почетном карауле нам стрелять было нельзя. 9 мая в 8 часов утра мы проводили английско-американскую миссии, через 40 минут проводили французскую миссию, а потом наше командование поблагодарило нас за исполнение функции почетного караула и организовало для нас праздник. После этого был проведен парад победы в Берлине от Рейхстага до Бранденбургских ворот, в котором участвовала и наша группа, особая часть полковника Лебедева. Этот парад принимал Берзарин, командарм 5-й ударной, Жуков. Должны были мы участвовать и в параде победы в Москве, но Берзарин случайно погиб, разбившись на мотоцикле, и нас в Москву не отправили. Провожали мы Берзарина до аэродрома почетным караулом, в котором стоял и я.

После войны с Германией, были собраны все четырехмесячные офицеры (прошедшие ускоренные курсы офицеров) и отправлены в Японию. Переправляли нас секретно в госпитальных поездах, с красными крестами. В начале и в конце поезда стояли открытые платформы, на которых находились по одному 76-мм орудию и пулеметы, на случай всякого рода обстоятельств. Помимо этих мер, вперед пропускался еще эшелон демобилизованных, за ним только мы. На территории Польши, поляки пускали против наших поездов свои поезда, для столкновения. Под Варшавой всех наших предупреждали, что ни фрукты, ни вино, ни чего у населения не брать. Однако, в одном вагоне демобилизованные взяли у поляков вино и все насмерть отравились. В Москве, где мы находились около суток, перед нами выступил генерал армии, который сказал, что раз мы выполнили одну боевую задачу, то нас отправляют выполнять другую. Доехав до Свердловска нас настиг другой приказ – об отправлении нас в Москву. Приехали в Москву, получили приказ следовать в город Глазово Пермской области для повышения квалификации сроком на один год. В это время вышел указ Ворошилова о том, что кто имеет тяжелые ранения или три ранения может ехать домой, независимо от того солдат или офицер. На этом основании по нашей просьбе нас пятерых и освободили. Однако домой сразу непустили, а дали по два вагона солдат новобранцев и мы их стали развозить, часть сдали в Бухаресте, часть сдали в Софии, а остальных сдали в Будапеште, а потом вернули нас обратно в Софию. Кстати болгары к нам относились очень тепло, в отличии от румын. Помню в Румынии, стоим мы втроем на перроне, и подошла к нам капитан медслужбы наших частей. И вот поезд подходит, и два румына выскочили и толкнули ее под колеса, ее тут же и перерезало. В Румынии нас предупреждали, чтобы даже по десять человек в глухие районы не заходили. Примерно также к нам относились и венгры, а вот болгары нормально. Из Софии нас 25 декабря 1945 годапустили домой, куда я и добрался 1 января 1946 года [1].

Примечания:

1. Из интервью с Т.Е. Долгополовым от 16.02.2001 г. // Личный архив А.А. Черкасова.

УДК 93/94

Записки осназавца

Тимофей Елисеевич Долгополов

Аннотация. Впервые публикуются воспоминания бывшего бойца частей особого назначения в годы Великой Отечественной войны Долгополова Тимофея Елисеевича. Воспоминания записаны в ходе глубокого интервью 16 февраля 2001 г. В воспоминаниях нашли отражение эпизоды обеспечения безопасности Тегеранской конференции, боевых действий на оккупированной территории и завершения Великой Отечественной войны.

Ключевые слова: Великая Отечественная война; войска особого назначения; воспоминания.

Copyright © 2014 by Academic Publishing House *Researcher*

Published in the Russian Federation
 Voennyi Sbornik
 Has been issued since 2013.
 ISSN: 2309-6322
 Vol. 4, No. 2, pp. 83-88, 2014

DOI: 10.13187/issn.2309-6322

www.ejournal6.com

UDC 93

From Glasgow to Genoa under three flags – the Yugoslav flotilla leader *Dubrovnik*

Zvonimir Freivogel

University Coburg, Germany
 Dr., Professor

Abstract. Royal Yugoslav Navy followed the tradition of the Austro-Hungarian Navy, but was missing modern warships, and her first new acquisition was the powerful destroyer-leader *Dubrovnik*, built in Great Britain. Two envisaged sister-ships were not built, and the single ship served before the war mostly to „show the flag“. She remained inactive in 1941 during the short „April War“, and was captured by the Italians, to serve under the name *Premuda* until summer of 1943. After being captured by the Germans, she received a new designation *TA 32*, she took part in several operations in the Ligurian Sea, to be scuttled at Genoa in 1945 during the German withdrawal.

Keywords: Royal Yugoslav Navy; Destroyers; Leaders; *Dubrovnik*; 1920s – 1930s; World War Two; April War 1941; *Premuda*; *TA 32*; Naval Operations; Adriatic; Mediterranean.

The former Royal Yugoslav Navy (RYN) was established after the World War One, and inherited the tradition and the personnel of the dissolved Austro-Hungarian Navy, but from the „bounty“ it received only some old and small vessels, and was compelled to build the fleet from the scratch. Only in the late 1930s Yugoslav shipyards were capable to build their own warships, because the A-H yards at Trieste, Fiume and Pola were taken over by Italy, the small shipyard at Kraljevica was on the verge of bankruptcy, and the small arsenal at Teodo/Tivat in the Bocche di Cattaro was not equipped for shipbuilding.

Many small navies were between the wars trying to order stronger and better vessels than those of the potential attackers. The RYN was no exception, with only one difference: *Dubrovnik* was to remain a single ship, in spite of the fact that initially a class of three big destroyers was planned: Yugoslav navy was considering and trying to introduce the French principle of *contre-torpilleur* half-flotillas.

During the World War I, French Navy lacked modern flotilla leaders and light cruisers, in contrast to the Austro-Hungarian adversaries. French destroyers on the Adriatic were coupled with British and Italian light cruisers and flotilla leaders to carry out their operations. After the war French Navy started to build several classes of strong destroyers (*torpilleurs d'escadre*), and even stronger flotilla leaders (*contre-torpilleurs*). French destroyers, similar to the British war-built *V & W* classes, were armed with four 130 mm guns; the leaders mounted five 130 mm or 138 mm guns, and last two units, belonging to the exaggerated *Mogador* class, carried eight 138 mm guns in twin gun-houses. *Contre-torpilleurs* were to operate as destroyer leaders with smaller destroyers or as

half-flotillas of three units that could theoretically overwhelm fast but weakly armoured Italian light cruisers of the *Condottieri* type.

During the World War One and afterwards, typical destroyer-leaders belonged to British *Scott* and *Shakespeare* classes, that represented a linear enlargement of the already powerful *V & W* class destroyers. In the 1920s and 1930s, several British yards were building and planning leaders for Spanish, Argentine, Romanian, Dutch and Polish navies. One of the best known shipyards was Yarrow & Co Ltd, Scotstoun, Glasgow, a traditional destroyer building company. At the time when the Yugoslav Navy was looking for a prototype flotilla leader, Yarrow shipyard was well prepared and ready to help.

It is interesting that the RYN was looking for British help to build ships after a French concept, but French shipyards were in late 1920s fully employed with the build-up of their own naval forces. Yarrow shipyard was having free stocks (building no destroyers for the Royal Navy between 1924 and 1933, when its prototype HMS *Ambuscade* was seemingly too costly for the *Royal Navy*), and was open to suggestions concerning the armament of the new class. Yugoslav customers were planning to mount Czechoslovakian Skoda guns on their ships; a solution that the French were obviously not willing to accept at the time, preferring to sell their own weapons.

The final reason to order first destroyer in Great Britain was the most significant: British Yarrow shipyard was going to buy the bankrupt shipyard at Kraljevica (Porto Ré), and to build ships or their parts in Yugoslavia. The Kraljevica yard was bought in 1930, and together with another shipyard at Split (Spalato), bought in 1931 by the French firm "Ateliers et Chantiers de la Loire", and with the small "Lazarus" yard at Susak (on the outskirts of the Italian occupied Rijeka /Fiume), was to be a part of the new consortium "Jadranska brodogradilista d.d." (Adriatic Shipyards Ltd Co.).

But all this was to happen in the future, after the first Yugoslav destroyer was built. First designs were based on the *Shakespeare* class, and to be armed with five 4.7in guns. Because Yugoslav ships were envisaged as counterparts to Italian *esploratori* ("scouts") of the existing *Leone* and the projected *Navigatori* classes, an enlarged *Shakespeare* was preferred, with five guns of 140 mm calibre (5.5in). The armament was later reduced to four mountings because of the excessive top weight, but in an intermediate design a seaplane was envisaged, to be finally replaced with the stronger AA battery in form of an 83.5 mm twin mounting.

According to the correspondence between Yarrow and Skoda, initially twelve 140 mm guns were ordered, which confirms the fact that one half-division of three *contre-torpilleurs* was to be built. World financial crisis put a stop to these plans, and only one unit was ordered and completed, the future *Dubrovnik*.

Royal Yugoslav Navy was to operate on the Adriatic and in the Mediterranean. To reach allied French bases in North Africa or British in Malta and Alexandria, an exaggerated operating range of 7000 nautical miles was envisaged. It is interesting to know that Japanese cruisers, built for the Pacific war theatre, were having the range of only 4000 miles, and British cruisers scheduled to operate worldwide of 6000 miles.

Regarding her armament and her range *Dubrovnik* could almost be classified as a light cruiser. In addition she was to serve as a Royal Yacht for state visits and cruises in the Mediterranean, Black Sea and probably on the Atlantic Ocean as well.

Name:	Builder:	Keel laid:	Launched:	Completed:
<i>Dubrovnik</i>	Yarrow, Glasgow	10 June 1930	11 Oct 1931	1932

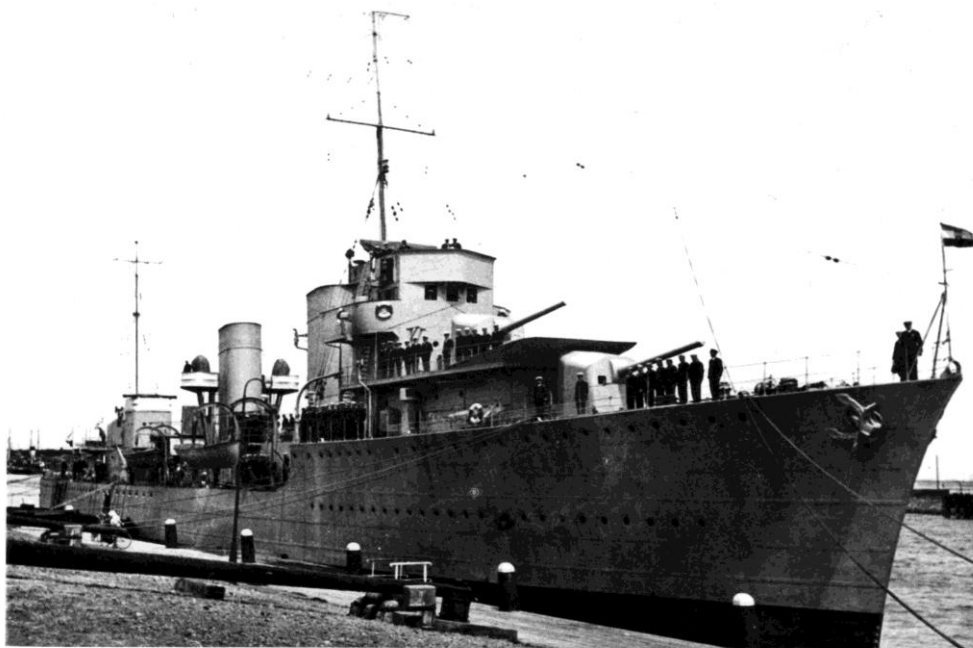
The new ship was christened *Dubrovnik*, after the famous Croatian Merchant Republic in southern Dalmatia, independent until the French occupation in the early 19th century, and having a large merchant fleet at its disposal. After the fall of Napoleon I, the city-state became in 1815 part of the Austrian ruled Dalmatia, later of first and second Yugoslavia, to be at least reunited with the Croatian motherland after the proclamation of Croatian independence in 1991.

RYN destroyer *Dubrovnik* was similar to the contemporary British destroyers and leaders, with a square box-like bridge, a long forecastle, and a sharp raked stem typical for British leaders of the *Tribal* class and following destroyer classes. Her stern was rounded and adapted for mine laying.

Her main machinery comprised two Parsons geared steam turbine sets in two separate machinery rooms, driving two shafts with two propellers. The overall output amounted to 42,000 shaft-horse-powers (shp), and reached a maximum of 48,000 shp at full power, for the designed speed of 37 knots. In 1934 and under ideal conditions an outstanding speed of 40,3kts was achieved. Later in the war, at the end of her career, *Dubrovnik* reached only 30 knots. One 900 shp Curtis cruising turbine was installed to maintain the cruising speed of 15 kts, and making the already mentioned range of 7,000 miles possible. The steam was generated by three Yarrow water-tube boilers with side firing, with each boiler in a separate boiler room. The working pressure reached 20.3 kg/square cm. In Italian hands the performances of the machinery were slightly different; the range was given with 5,070 nautical miles at 13 knots (with the cruising turbine only) and with 4690 miles at 18 knots. The bunkers were having a capacity of 590 tons, but under Italian flag it fell to only 543 tons, after the ship was rebuilt, ballast added and the displacement increased.

Yugoslav destroyer-leader was armed with four single semi-automatic 140 mm/L56 Skoda guns in super-firing mountings, two forward and two aft. Heavy anti-aircraft artillery was represented by a twin 83,5mm/L55 M.1929 Skoda mounting on the central „pavilion“ between two torpedo sets. Six 40mm/L67 Skoda guns (in one twin and four single mountings), and two 15mm Skoda heavy machine guns served as the light anti-aircraft battery. Torpedo armament comprised two triple 533mm Brotherhood torpedo-tube banks. For anti-submarine warfare (ASW) *Dubrovnik* carried two depth charge throwers (DCT), and two depth charge rails, and she was equipped to carry 40 mines.

Under Yugoslav flag *Dubrovnik* was manned by 20 officers and 220 ratings, in Italian hands - as *Premuda* - there were 13 officers and 191 ratings listed, and as the German TA 32 the number of crew members was given with 220.

Operational history

Dubrovnik was completed in 1932 in Glasgow, where her main and light anti-aircraft artillery were mounted, and received her 83,5mm AA guns at Tivat arsenal in the Bay of Cattaro in Yugoslavia, in Montenegro of today. In autumn 1933, under command of Captain (*kapetan bojnog broda*) Armin Pavich, the future C-in-C of the RYN, she served as Royal Yacht for a Marmara, Black and Aegean Sea cruise, to bring back Yugoslav King Aleksandar I and Queen Marija, who were visiting Romania. In Balchik the Royal couple was having their Quarter in the Villa of the Romanian Queen, the mother of Queen Marija. The Sovereigns came to *Dubrovnik* together with the Romanian King Karol and his spouse, to proceed afterwards to Bulgaria. On the way back other

Sovereigns and Heads of State were met, like the Bulgarian King Boris, President of Turkey Gazi Kemal Pasha, and Greek delegates at Korfu, where wreaths were laid for Yugoslav victims of World War One, perishing from wounds and sickness on this island. The voyage to the Balkan states was organised to promote a Balkan Pact, proclaimed on 9 February 1934. Afterwards Commander (*kapetan fregate*) Vladimir Shashkijevich replaced Captain Pavich as ships' Commanding Officer and remained at this post (being promoted to Captain in 1937) until April 1941.

In autumn of 1934, King Alexander was going to visit France aboard *Dubrovnik*, living Zelenika in the Bocche on 6 October, and suffering from sea-sickness underway to Marseilles, to be assassinated there on 9 October shortly after leaving the ship. His body was brought back to Yugoslavia aboard *Dubrovnik*, which was escorted through the Mediterranean by the units of the French Mediterranean Fleet (heavy cruisers *Duquesne* and *Colbert* with destroyers *Vautour* and *Gerfait*) and by an Italian naval detachment (light cruiser *Alberigo di Giusanno* with several destroyers) during the passage through Italian waters. After the death of King Aleksandar, Yugoslav Kingdom was leaving the Western Sphere of influence and became more attached to the Axis Powers; her newest warships, eight motor torpedo boats, were ordered in and delivered by Germany, and two oldest submarines were to be replaced by German vessels.

The later career of *Dubrovnik* under the Yugoslav flag was less dramatic: in 1937 *Dubrovnik* sailed to Piraeus together with the seaplane mother-ship *Zmaj* and submarines *Hrabri* and *Smeli*, to proceed to Istanbul afterwards. She remained the mightiest vessel of the small navy, and she served from 1940 onwards as the leader of the 1st Torpedo Flotilla (comprising new French-designed destroyers *Beograd*, *Zagreb* and *Ljubljana*). After the outbreak of World War Two, Yugoslavia remained neutral at first, but was attacked by Axis powers on 6 April 1941. Small Royal Yugoslav fleet was inactive during the short conflict, in spite of downing several Italian aircraft, which attacked Bocche fleet anchorage. The ships were changing their positions in the Bocche to remain hidden from the air, but finally most vessels were captured by the Italians after the capitulation was signed on 17 April 1941. Some of the ships – including ***Dubrovnik*** – were damaged by the civilian population before Italians took command of the whole Bocche di Cattaro.

In Italian hands ***Dubrovnik*** was renamed ***Premuda***, and was brought on 21 May 1941 to Taranto, together with the smaller *Beograd*, to be repaired and refitted there. She was the second Italian *Premuda*, the first was the former large German destroyer *V 116* from WW I. Both were named after the island, where on 10 June 1915 Italian motor torpedo boat *MAS 15* sank the Austro-Hungarian battleship *Szent István*. The after deckhouse with the emergency bridge was replaced with an anti-aircraft platform, her mainmast and the funnels were shortened. Her original anti-aircraft armament was replaced by a 120mm/L15 howitzer for star shells (replacing the 83,5mm twin mounting), and four single 20mm/L65 Breda heavy machine-guns (light anti-aircraft guns). Later a 37mm/L54 twin anti-aircraft mounting replaced the howitzer, and two additional single 20/65mm guns were mounted abreast of the after funnel.

Premuda was commissioned in February 1942, and served on North African convoy routes. From 12 to 16 June 1942 she took part in the operations against the British convoy „Harpoon“ underway to the beleaguered Malta. Almost the whole might of the *Regia Marina* (battleships *Littorio* and *Vittorio Veneto*, heavy cruisers *Trento* and *Gorizia*, light cruisers *Garibaldi* and *Aosta*, destroyers and submarines) was engaged in attacks against units of the British *Royal Navy*, supported by German E-boats from the 3rd Flotilla. *Premuda* operated with the Italian 10th Destroyer Flotilla, supporting the 7th Cruiser Division (light cruisers *Eugenio di Savoia* and *Raimondo Montecuccoli*). *Royal Navy* lost the cruiser HMS *Hermione*, three destroyers (HMS *Partridge*, HMS *Nestor* and the Polish *Kujawiak*), and several merchantmen from enemy air attacks, submarines' torpedoes and mines. Italian surface units were repelled, but the convoy hasn't reached Malta, this feat was accomplished only two months later during the Operation "Pedestal". Italian battleship *Littorio* and the cruiser *Trento* were damaged by aerial torpedoes, and the cruiser later sunk by a British submarine. After the battle, *Premuda* – under command of Lieutenant Commander (*Capitano di Corvetta*) Mario Bartalesi - towed the damaged Italian destroyer *Vivaldi* to Pantelleria, and both were escorted by the destroyer *Malocello*.

Between 6 January and 7 February 1943 *Premuda* served with other Italian destroyers (*Mitragliere*, *Carabiniere*, *Camicia Nera*, *Ascari*, *Da Noli*, *Granatiere*, *Zeno*, *Corazziere*, *Pigafetta*, *Malocello*, *Legionario*, *Bombardiere*, *Bersagliere*) to transport troops to Tunis in groups of three to five destroyers. Between 9 February and 22 March 1943, *Premuda* took part on two of

these voyages. Under the Italian flag she sailed to 130 operations, 57 as an escort and 14 as a fast transport, and during these operations she covered 30,966 nautical miles.

The „Italian career“ of *Premuda* came to an end on 17 July 1943, after developing serious machinery troubles off La Spezia. The ship was brought to Genoa to be repaired and rebuilt on similar lines as Italian destroyers of the *Navigatori* class, and her beam was to be increased for better stability. Because 140 mm shells for her Skoda guns were almost expended, it was planned to rearm the ship with new Italian 135mm/L45 single mountings, envisaged for the future (but never completed) Italian destroyers of the *Comandanti Medaglie d'Oro* class. These 135 mm /45 guns – but in twin mountings – served as the main armament on Italian cruisers of the *Capitani Romani* class, and in the triple mountings as the secondary armament of the modernised *Doria* class battleships.

The works on the ship were far from completion before the Italian armistice, and *Premuda* was captured by the Germans at Genoa on 9 September 1943. Her envisaged artillery was not ready, and Germans attempted to rebuild the destroyer as a night-fighter direction ship with only three German single 105 mm /L45 anti-aircraft guns, and with German *Freya* and *Würzburg* radar sets, with an additional FuMO 21 surface-fire-control set on her bridge. Because German Navy was lacking destroyers and torpedo boats on the Mediterranean, and many of captured Italian and French units were lost shortly after their commission, or still incomplete in the shipyards, this decision was reversed, and the ship completed without *Würzburg* and *Freya* radar sets as a „foreign torpedo boat“ (*Torpedoboot, Ausland*) under the new designation **TA 32**. She received four 105 mm/L45 guns, eight, and later ten 37mm anti-aircraft guns (in four twin and two single mountings), thirty-two to thirty-six 20 mm guns (in seven quadruple and four twin mountings!), and retained only three of her 533 mm torpedo tubes.

TA 32 was commissioned on 18 August 1944 under Lieutenant Commander (*Kapitänleutnant*) Emil Kopka for the German 10th Torpedo Boat Flotilla (*10. Torpedobootsflottille*). She was based in the Ligurian Sea, and she was almost immediately thrown into the battle. Together with other units of the Flotilla she shelled Allied positions along the Italian coast in August 1944, and was later undertaking scouting missions or laying mines in the western part of the Gulf of Genoa.

Last three operative units of the 10th Flotilla, **TA 24**, **TA 29** and **TA 32**, were sent out on 18 March 1945 to lay a minefield in the Ligurian Sea, but was ordered to switch-off their radar sets, to escape detection from enemy vessels. The group was intercepted by British destroyers HMS *Meteor* and HMS *Lookout*, and thanks to the better (and active) radar equipment and stronger artillery of British vessels, **TA 24** and **TA 29** were sunk. **TA 32** developed rudder damage, was driving in circles, and disappeared from British radar screens, so former **Dubrovnik** survived this encounter unscathed. One month later, when German troops were withdrawing from Genoa, **TA 32** was scuttled in harbour on 24 April 1945. After the war, her wreck was raised together with hundreds of other relics, to be broken up in the 1950s.

Yugoslav *Dubrovnik* was followed in 1940 by three smaller destroyers of French origin. Another larger flotilla leader, that was to be named *Split*, and armed with five 140mm/L56 automatic guns, has her keel laid at Spalato in 1939, but was completed after the WW II to a different design, being armed with four US 127 mm guns, a heavy anti-aircraft suite (40 and 20 mm guns), and with five torpedo tubes. Some Yugoslav sources were maintaining the fact that *Dubrovnik* served as a prototype for the British *Tribal* class, but *Tribals* represented a logical step in British destroyer development, and were the British answer to large Japanese, Italian and German destroyers, with a different general layout, reduced range, and the numerically stronger low-angle armament (but unfortunately “forgetting” to include a heavy anti-aircraft battery). Very similar to *Dubrovnik* were Portuguese destroyers of the *Vouga* class built by Yarrow and under licence in Portuguese shipyards.

Yugoslav “super-destroyer” was meant to cooperate with the French navy, but her capacities – like her “long legs” – were at best used by the Italians, the original enemy. Under the German flag she was restored too late to be successful, especially in face of the powerful Allied naval forces in the Mediterranean.

References:

1. J. Campbell: *Naval Weapons of World War Two*, Conway Maritime Press, London 1985

2. G. Fioravanzo, P.M. Pollina, G. Ricardi, F. Gnifetti: I Cacciatorpediniere Italiani 1900-1971, Ufficio Storico della Marina Militare, Roma 1971
3. H. Fock: Z-Vor! (Part 1: Destroyers and Torpedo boats 1914-1939), Koehlers Verlag, Herford 1989
4. H. Fock: Z-Vor! (Part 2: Destroyers and Torpedo boats 1940-1945), Koehlers Verlag, Hamburg 1998
- A. Fraccaroli: Italian Warships of World War Two, Ian Allan, London 1969
5. N. Friedman: British Destroyers & Frigates, The Second World War and After, Chatham Publishing, London 2006
6. R. Greger: Yugoslav naval Guns and the Birth of the Yugoslav Navy, Warship International 4/87
7. E. Gröner, D. Jung, M. Maas: Die deutschen Kriegsschiffe 1815-1945, Bd. 2, Bernard & Graefe, Koblenz 1983
8. & the Second Edition, Bernard & Graefe Verlag, Bonn 1999
9. W. Lohmann, H.H. Hildebrand: Die deutsche Kriegsmarine 1939-1945, E-Book Reprints, Dt. Wehrkundearchiv, 2007
10. J. Rohwer, G. Hümmelchen: Chronology of the War at Sea 1939-1945, Greenhill Books, London 1992
11. Weyers Taschenbuch der Kriegsflotten, various editions from 1930 to 1940
12. M. J. Whitley: Zerstörer im II. Weltkrieg, Motorbuch-Verlag, Stuttgart 1991

Copyright © 2014 by Academic Publishing House *Researcher*

Published in the Russian Federation
Voennyi Sbornik
Has been issued since 2013.
ISSN: 2309-6322
Vol. 4, No. 2, pp. 89-94, 2014

DOI: 10.13187/issn.2309-6322
www.ejournal6.com

UDC 93

An Estimation of the Pneumatic Gun's Effectiveness

¹ Kent R. Crawford

² Nicholas W. Mitiukov

³ Patrick McSherry

¹ Gunnery Fire Control Group, USA
Dr.

² Kama Institute of Humanitarian and Engineering Technologies,
Izhevsk State Technical University, Russian Federation
Professor

³ USS Olympia museum, USA
Eng.

Abstract. The paper presents a critical analysis of 19th Century pneumatic naval guns, based on a simple simulated model. Based on documentation available, the authors were able to ascertain the parameters that could be used to characterize the effectiveness of the pneumatic guns. In the process, some errors in previous literature were found.

Keywords: Naval History, USA, Pneumatic Gun, Historical Reconstruction, Mathematical Modeling.

At the end of 19th century, the armies and navies of several nations were experimenting with some systems of the pneumatic guns, which launched projectiles filled with dynamite. But the information about these guns contains many discrepancies, though the weapon's effectiveness was questioned. For example, Schroeder, writing in 1894 [see Bibliography], doubted the effectiveness for a number of subjective reasons. But Watson, writing in 1991, cites objective reasons for the weapon's failure. In an effort to arrive at an objective scientific conclusion, a simulation model program was created.

1. Describing of the model

The model consists of two components: internal and external ballistics. The first part is the gas-dynamic task. Its calculation scheme is the interplay of two fundamental components; the volume of the compressed air tank, and the volume of the chamber of the gun. The latter will increase as the projectile is propelled down the gun tube towards the muzzle. A simple schematic of gun's pneumatic-system is shown in the Fig. 1.

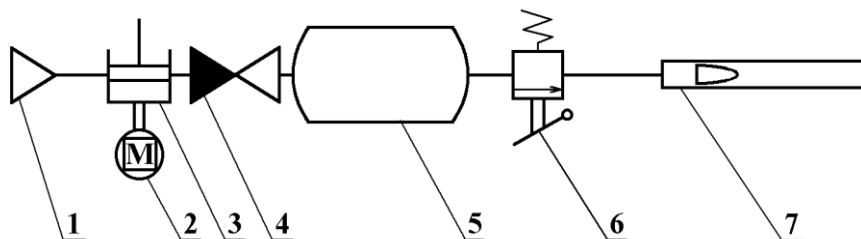

Fig. 1. The principal gun's pneuma-schematic: 1 - collector; 2 - compressor's drive; 3 - compressor; 4 - return valve; 5 - gas-reservoir; 6 - main valve; 7 - gun tube

The gas's outflow G from high-pressure balloon is over-critical only:

$$G = p_1 F_k \sqrt{\frac{k}{RT} \left(\frac{2}{k+1}\right)^{\frac{k+1}{k-1}}},$$

where p_1 – gas pressure in tank; F_k – the critical section of the main valve; k – the adiabatic index of the air; RT – the "powder's power", on this case power of the compressed air.

The gas pressure gives the acceleration to projectile during the travel through the gun tube, which at the muzzle yields the initial, or muzzle, velocity. That movement in the tube is the parameter of the interior ballistics component.

The mathematical model of this first component is contained in two differential equation: the equations of the law of the impulse preservation for the projectile in gun tube, and the equation of indissoluble (Law of Lomonosov – Low of the matter preservation) for the gas in the tank.

$$\frac{dm_b}{dt} = -G,$$

$$\frac{dv}{dt} = \frac{(p_2 - p_h)F}{m} - g(\sin \alpha - f \cos \alpha);$$

where m_b – the mass of gas in the tank; v – the projectile velocity; m – the projectile mass; p_2 – the air pressure in gun tube; p_h – the air pressure of the atmosphere; F – frontal area of projectile; g – gravity [9.81 m/s squared]; f – the index of friction (projectile and gun tube).

To this equation is added some algebraic equations:

$$p_1 = \frac{m_b RT}{V_b},$$

$$p_2 = \frac{(m_0 + \Delta m) RT}{V_g},$$

$$V_g = F \int v dt.$$

V_b – the volume of the air tank; V_g – the internal volume of the gun tube; m_0 – the initial mass of the air in the gun tube; Δm – the mass of the air released from the tank.

The equations of the second component of the mathematical model are very trivial, and are in every manual of exterior ballistics. The A.A. Dmitrievsky edition, for example, presents four differential equations and some algebraic equations to solve the exterior ballistics problem.

So, the model is complete and mathematically valid, only needing initial data for calculations. And for this, Patrick McSherry provided the research.

The initial pressure in the compressed air tank was about 70.5 atm. But the information about tank's volume is very interesting. Seaton Shroeder, the first commander of cruiser *Vesuvius*, which mounted three 381-mm [15-in] pneumatic guns, wrote: the "volume of tank is 276 sq feet" (7.83 m³). But in his book, Shroeder wrote: "It's interesting, but the mass of the air in the tank is about three tons – this is result of displacement augmentation...before and after filling the tank".

If the condition of gas is normal (temperature about 300 K), the equation of Mendeleev-Klapeiron gives the tank a volume of 48 m³. So, every gun had two tanks. It seems logical; one tank plumbed for the firing of the gun – the ‘propellant charge’ as it were -- and the second is connected to the compressor.

The interior ballistics component gave some interesting results (Fig. 2). Curves 1 and 2 show the normal changes of acceleration in the ordinary firing guns. If the velocity of combustion of the propellant is decreased, say by increasing the propellant powder grain size or form, the point of maximum acceleration occurs later and will be lower. Thus the difference between curve 1 and curve 2. But it turned out that the interior ballistics of pneumatic guns is very different!

Writing in 1993, M.C. West asserts that the air pressure in gun tube remains constant, and as a result of this, the acceleration is increased constantly for the length of the gun tube (curve 3b). But this is mistake! The assumption behind 3b can only be valid for a very great tank volume, and a large aperture diameter of main valve, providing a continuous flow of compressed air, which is not the case. Really, this is asymptotic assumption, and the more valid assumption is better reflected by curve 3a. It is similar to the curve for slow-burning powder. The maximum of pressure will be strongly pronounced, because the time the valve is open is small, anti-pressure is small too, and the consumption of compressed air is great. But with time, the anti-pressure will increase, and the compressed air consumption will decrease as the supply in the small tank used for ‘firing’ the gun is expended and the valve closed. So, if we have the extreme of pressure, then we also have the extreme of acceleration. From the point in time, represented by live T_3 , the valve is closed and no more compressed air enters the gun tube, so the force continuing to push the projectile is from the expansion of compressed gasses that is similar adiabatic law.

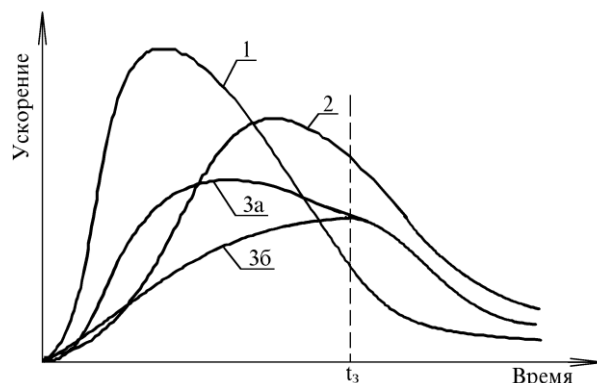

Fig 2. Projectile acceleration in the gun

The form of projectiles is very difficult to quantify. Theoretical determination of resistance law is very hard, as it had a very non-standard shape and inordinate length, so the existing methods for the determination of the form factor seem inapplicable. But, according to Shroeder, the projectile had a form factor using the Mayevskiy law of about 5.646. For the air resistance for the external ballistic component of the model, the superior Siacci law was used. So the form factor using Siacci law is about 5.06. The atmospheric condition used was the "Standard Atmosphere" (See GOST 4401-81).

2. The discussion of results

One of the complex criteria for estimating a projectile's ballistic characteristics can be served by the thickness of armour that a hypothetical AP shell can perforate. As can be seen in the graph (fig. 3), the curve for a Zalinsky-type projectile is "non-standard." For traditional artillery, armour penetration decreases as the distance increase. But for the pneumatic gun penetration increases. The "sawtooth" character of the curve for the Zalinsky projectiles is due to the necessity of using lighter projectiles to obtain longer ranges, see Tables below. *Vesuvius* used tables to estimate the maximum range for each weight of shell. The fixed elevation, coupled with the necessity to use lighter shells for longer ranges, effectively limits attack on armour to a small zone at the maximum range for each weight of projectile, reflected in Fig. 3 as the points in the "sawtooth" curve. Thus,

unlike traditional artillery projectiles which would have an effect at any point along the trajectory, for the pneumatic shell, attack on armour would be limited to a few spots at range. At the usual combat range of about 2...3 kms, the effect on armour of a pneumatic shell is commensurable with shells Mk III (102/40) and Mk II (127/40) guns of the American fleet. Though this comparison, certainly, is speculative sense, as the high-explosive effect of the dynamite shell, in any case, would be more damaging than ordinary armour penetration.

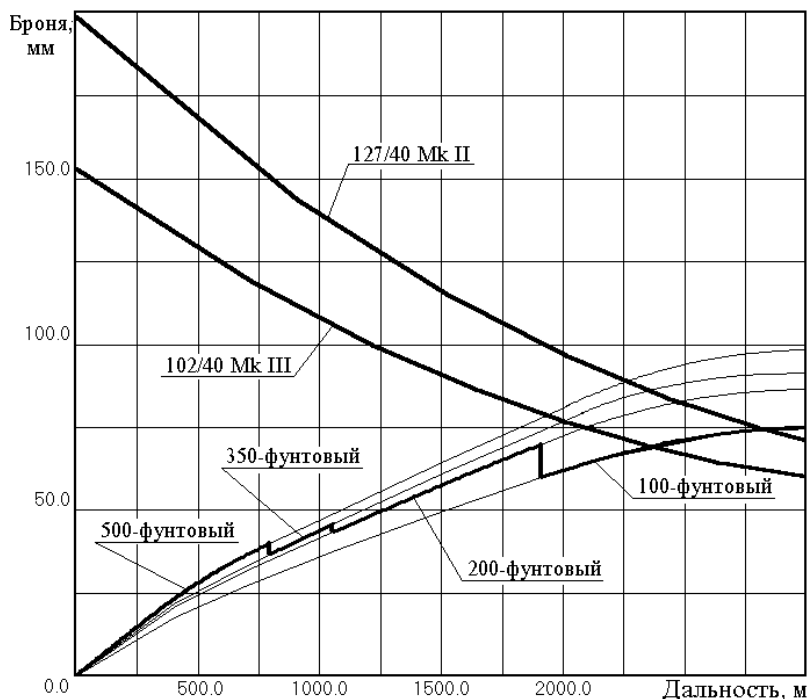

Fig. 3. Comparative perforate armour of the 127-mm, 102-mm shells and hypothetical armour piercing shell of a pneumatic gun

The simulation model revealed a “draw-down” effect in the pneumatic system, caused by continuous use. Bearing in mind that the main compressed air storage tank had to service three of the pneumatic guns, a decline of air pressure was inevitable, with a negative effect on shooting to range. This is best illustrated by simplifying the process to a single gun, shooting 200-pound [weight of explosive; 500 lb projectile weight] shell. For the first shot (muzzle velocity 204 m/s, the range 1880 m) pressure in the tank falls to 68.08 atm. So at the second shot and further these parameters are following:

2-nd	68.02 atm	198 m/s	1780 m
3-rd	65.73 atm	194 m/s	1700 m
4-th	63.55 atm	188 m/s	1600 m
5-th	61.50 atm	185 m/s	1550 m
6-th	59.52 atm	180 m/s	1470 m.

Thus, without recharging, the sixth shot range falls about a quarter. By the way, Shroeder tried to estimate fall of pressure after the first shot, using the law Boil-Mariott; increase of gas volume he has estimated as: 0.08 m³ – the volume of various internal cavities and 1.40 m³ – 3/4 volumes of the gun. Thus, there was the 59 atm [70.5 - 7.8 / (7.8 + 0.08 + 1.4) = 59 atm] remaining.

The simulation model also allows an estimate of the tolerance in operation of the valve. As has shown testing, the time of valve open-shut operation is ideally 0.2 sec. It is interesting that if the tolerance of operation is off by 0.001 sec, the change of range is about 10 m, plus or minus. For engineering of that time such of the tolerance was very good, but for the grouping of shots it was obviously unsatisfactory. In this connection, the mediosquare deviation of shells was almost in some tens greater than traditional guns. By the results of May 1891 firing trials, intended to

calibrate a single projectile weight, three shells were fired. The second landed about 50 yards short of the first, and the third about 50 yards over. So the probability of hitting a target was low.

And finally, probably most essential shortcoming as a naval weapon, as mounted in *Vesuvius*, is its lack of range. In the literature there is no information on the maximum range, but most likely it was no more than 3 kms. The usual combat distance at the time was about a mile. Besides, because of its low velocity, the shell was rather a long time in flight. The simulation model gives the following interesting results for an estimation flying time:

Range, m.	700	1000	1400
Time, sec.	6.4	7.7	9.2

At such flight times, the target not only could to see a shell, but depart!

A unique way to radically increase muzzle velocity was to increase of pressure in entire system. According to A. Yakimovich, in a folder there were items of information that there was design development of a pneumatic gun with pressure of compressed air about 350 atm. But if the tolerance of the valve operation of this gun also was 0.001 sec, than the change of range turns out 40 m! From here it is clear why that the gun design was not pursued farther than the drawings.

Also there is information that ostensibly "the experiments with 600-pound (272-kg) dynamite charges" were carried out. In this case the shell weighed 680 kg (1500 pound) and had length 2.1 m (7 feet). In the literature there is no information on its range, it is underlined only, that it was less than mile. The simulation model demonstrates why a shell of this type was not used. In a gun it could be launched only up to a velocity of about 100 m/s, and thus, the range would be hardly 500 m. At such range the firing ship itself could be damaged from the explosion of the shell!

The developed simulation model allows us to estimate the various factors of combat efficiency of pneumatic guns, that, for example, was made by the author in work for 267-mm of the pneumatic gun of the Brazilian cruiser *Nictheroy*. The basic data on this system are taken from A. Saks work, and applied to the 381-mm gun of the cruiser *Vesuvius*.

The comparative characteristics of the dynamite guns

System	203-mm	267-mm		381-mm of cruiser "Vezuvius"			
Length of tube, m / feet	18 / 60	16,47 / 54		16,47 / 54			
Pressure, ath.	70.5	70.5		70.5			
Mass of explosive, kg pound	45.3 100	91 200	22.6 50	227 500	159 350	91 200	45 100
Mass of shell, kg pound	62 137	158 348	91 200**	445 980**	350 780**	227 500	130 285**
Shell's kaliber, mm	203	267	267	381	381	381	381
Muzzle velocity, m/s	230*	160*	230*	130*	150*	200	290*
Range, m	2100*	1200*	2100*	760*	1100*	1900	3000*

System	381-mm coastal gun					381-mm
Length of tube, m / feet	15 / 50					15 / 50
Pressure, ath.	140					350
Mass of explosive, kg pound	227 500	181 400	136 300	91 200	45 100	91 200
Mass of shell, kg pound	448 990	390 860	330 728	252 558	195 430	227 500
Shell's kaliber, mm	381	381	381	381	381	381
Muzzle velocity, m/s	210*	230*	260*	300*	350*	520*
Range, m	1900*	2100*	2400*	3000*	3200*	4500*

Note: * – account; ** – is chosen in a proportion to the nearest analogue. Pneumoautomatics for all guns is taken, as for guns *Vezuvius*. The eminence angle of guns in all cases is 18°.

Also results of accounts for 381-mm of the coastal gun is interestingly. Work by V.G. Malikov contains the information, that the 227-kg shell flayed on range 1800 m (calculated data has given similar figure – see table), whereas the 51-kg shell on 5000 m. This last, however, appears exaggerated.

Conclusion

The history of creation and combat using of pneumatic artillery is very instructive. All its defects are objective, and caused by the low level of technical development of 19th century. But with our modern technology, the idea of pneumatic guns is very attractive. There are some advantages over traditional firing guns: noiseless, the ability to fire a shot in the every condition (even from under water!). And such a weapon would be useful in, say, anti-terrorists action.

Reerences:

1. Schroeder S.: "The USS Vesuvius", *US Naval Institute Proceeding*, 1, 1894, pp. 1-65.
2. Watson H.: "The Sims-Dudley Dynamite Gun Received its Test on Cuban Soil", *The Artilleryman*, 4, 1991, pp. 15-17.
3. Dmitrievsky A.A.: *Rocket's Ballistic and Navigation* (on Russian), Moskva, Mashinostroenie, 1985.
4. Schroeder S.: *A Half Century of Naval Service*, New York, D. Appleton & Co, 1922.
5. West M.C.: "The "Dynamite Cruiser"", *Naval History*, 1, 1993, pp. 31-34.
6. Anonymous: "Tests of Dynamite Cruiser Vesuvius" (on Russian), *Morskoy Sbornik*, 7, 1891, pp. 33-35.
7. Yakimovich A.: "Gun" (on Russian) en *Encyclopedia of F.A. Brokgauz and I.A. Efron*, 22, 1897, pp. 202–208.
8. Mitiuckow N.W.: ""Dynamite" cruiser "Niteroi"" (on Poland), *Okrety Wojenne*, 4, 1999, pp. 9-11.
9. Saks I.: "Dynamite cruiser" (on Russian) en *Naves of Americans States*, S. Peterburg, Tipografia morskogo ministerstve v Glavnom Admiralteistve, 1888. pp. 38-39.
10. Malikov V.G.: "Not only powder..." (on Russian), *Tekhnika Molodezhi*, 7, 1985, pp. 48–49.

Copyright © 2014 by Academic Publishing House *Researcher*

Published in the Russian Federation
Voennyi Sbornik
Has been issued since 2013.
ISSN: 2309-6322
Vol. 4, No. 2, pp. 95-119, 2014

DOI: 10.13187/issn.2309-6322
www.ejournal6.com

UDC 94

“Clear the Woods the Thugs are Hiding in With Poisonous, Asphyxiating, Gases...”: Myths and Facts about the Tambov Uprising (Ending)

¹ Aleksandr V. Glushko

² Natal'ya I. Shilo

¹ Scientific and Production Association Energomash named. Acad. Glushko, Russian Federation
E-mail: generalmajor_72@mail.ru

² Institute for Migration and Ethnic Relations, Russian Federation
E-mail: n_shilo@inbox.ru

Abstract. This article examines the events related to the suppression of an Anti-Soviet peasant rebellion in Tambov Governorate (“Antonovshchina”) in the summer of 1921 in the context of a use of chemical weapons against the rebels. Based on new archive documents and little-known works by Soviet and foreign military chemists, the article examines the process of making decisions on the use of chemical weapons, preparations for a chemic attack, issues related to tactics, and the composition of toxic substances in ammunition. The article concludes that in the course of preparations and the use of chemical weapons all conditions providing for the success of such operations were violated. More specifically, the use of gas cylinders amidst the increased complexity of objectives set proved impossible using the resources on hand due to the unpreparedness of the military personnel and an admittedly insufficient quantity of ammunition. Besides, shelling using chemical shells proved ineffective due to a lack of training with the artillery personnel and insufficient expenditure of ammunition. And finally, shells shipped over to Tambov Governorate were intended for putting the opponent out of action – not for physically destroying the opponent, since their combat effect was intended to be triggered through a lachrymatory effect toxic substance. In the end, the author draws a conclusion about the impossibility of an effective use of chemical weapons and, all the more so, impossibility of having human victims. Its use was of a one-off nature and was not the decisive factor for the elimination of the rebellion.

Keywords: Tambov rebellion of 1921; Antonovshchina; Red Army; M.N. Tukhachevsky; chemical weapons; gases; peasants; gas cylinder attack; chemical shell artillery shooting; tactics; toxic substances; victims.

Начало статьи в № 2. 2013

«Израсходовано снарядов: химических...»

В настоящее время известно несколько случаев газоснарядных обстрелов позиций повстанцев или их предполагаемых позиций. Ни задач, ни условий стрельб мы в

большинстве случаев не знаем и можем судить лишь по отчетам начальников артиллерийских частей о расходе боеприпасов, в числе которых упоминаются химические.

Вопреки ставшим стереотипными представлениям о массированном применении химического оружия, документально установлены всего три случая газоснарядных обстрелов – в районе Смольной Вершины (2-й боеучасток) в ночь с 12 на 13 июля, где израсходовано, помимо шрапнели, 15 химснарядов,⁷⁵ во время операций южнее озера Ильмень (6-й боеучасток) 14 июля, где выпущено, наряду со шрапнельными, 50 химических снарядов,⁷⁶ а также при очистке Паревского леса в 1-го по 10 августа силами 6-го боеучастка. *«...Взвод Белгородской батареи, 2 августа из Троицкое-Караул перешел в дер. Карай-Салтыково. Белгородская конная батарея опережала задачу в 8 часов 2 августа выступила на село Кипец, где и заняла позицию. В 16 часов, по острову, что с/з села Кипец был открыт огонь. Выпущено 65 шрапнелей, 49 гранат и 59 химических. В 20 часов батарея вернулась в Карай-Салтыково...»⁷⁷*

Потери повстанцев почти никогда не указываются, что равнозначно их отсутствию. Только один раз в оперсводке, сообщающей о столкновении с антоновцами у Смольной Вершины, отмечается, что *«по сведениям агентразведки, банда, наступавшая в ночь 12 на 13 на д. Смольная Вершина понесла потери 20 убитых и 45 раненых»*.⁷⁸ Однако следует отметить, что в том бою, продолжавшемся в течение часа, принимали участие, помимо артвзвода, гарнизон Смольной Вершины и пулеметная команда, так что можно с уверенностью сказать, что это потери от ружейно-пулеметного огня, а не от 15 химических снарядов.⁷⁹

Из заключения 33 ЦНИИИ: *«По представленным материалам видно три эпизода подготовки и применения химического оружия для выкуривания бандитов из лесов, однако ни по одному из описываемых эпизодов результатов нет»*.⁸⁰

Это закономерно, поскольку количество израсходованных боеприпасов заведомо недостаточно ни для создания газового облака над значительной площадью, ни для нанесения ущерба противнику, пусть даже и не имеющему средств защиты.

Так, об одном эпизоде командующий легким артиллерийским дивизионом Заволжского военного округа доложил следующее: *«Донесение Начарта 2 Смока. 20 июля 1921 г. 16-46. Тамбов Инспарт и Комвойск. 13-20 июля израсходовано снарядов двтчк химических 15 гранат 47 шрапнелей 69= Комлегартдив ЗВО Смок Адъютант Забелин»*.⁸¹

После этого уместно познакомиться поближе с тем самым легким артиллерийским дивизионом ЗВО, который в ходе боя выпустил куда-то аж целых 15 химснарядов.

«РСФСР.

Штаб войск Тамбовской губернии.

Управление Инспектора Артиллерии.

Состоящий для поручений

при Инспекторе артиллерии войск Тамбовской губернии.

№ 47 15 августа 1921 г.

Инспектору артиллерии Штаба Комвойск Тамбовской губернии.

Доклад.

Согласно Вашего предписания от 11 сего августа за № 1978, мною, совместно с военкомом тов. Комендантовым осмотрены 1-я и 3-я батареи Артдивизиона бригады ЗВО. Для выяснения степени знаний командного состава красноармейцев были устроены занятия в парке и конное ученье, во время коих комсоставу задавались простейшие задачи, как-то: работа на наблюдательном пункте и на батарее с примерной пристрелкой по разнообразным целям и при различных условиях; при чем выяснилось следующее:

1-я батарея 12 августа 1921 г. Комсостав: По списку 5 на лицо 4. Поголовное отсутствие понятия о сведениях о стрельбе по правилам, смутное представление о применении приборов и незнание уставов и наставлений и, следовательно, пристрастие к стрельбе по прямой наводке характеризуют комсостав батареи не способным вести борьбу с серьезным противником и, в настоящем своем составе – вести обучение артиллеристов в условиях мирного времени. Командир батареи, тов. Шевелев, благодаря отсутствию теоретических познаний и малограмотности не соответствует своему

назначению. Во время конного ученья он показал не понимание его смысла, незнание устава и неумение учить....

Комвзвод 1-го, тов. Лавров, по своим знаниям не годится в орудейные начальники, так как не знает угломера, и потому не может скомандовать установки угломера для направления основного орудия в цель по данной ему буссоли 51.20 обязательно выбирая точку наводки впереди. Совсем не знает правил стрельбы. Благодаря невнимательности перепутывает установки своего взвода. Авторитетом и симпатиями среди красноармейцев не пользуется. При обращении к начальнику – заносчив, с красноармейцами груб; недисциплинирован, противник строя и уставов, не любит точности, столь необходимой командиру артиллеристу. При опросе пытается отделаться общими фразами, желает выиграть время, чтобы уклониться от подания команды.

Комвзвод 2-го, тов. Левиц, на батарее работает хорошо, удовлетворительно знает буссоль и очень поверхностно правила стрельбы. Старателен и аккуратен; имеет способность стать хорошим строевиком и наставником. Жалуется на отсутствие пособий для самообразования....

Орудийные начальники: Не соответствуют назначению: в записи установок ошибаются, не могут измерить наименьший прицел, о построении параллельного веера и о ведении стрельбы не имеют понятия; уставы и наставления ими усвоены плохо. По словам Комбата они назначены из ездových.

Наводчики: Не имеют понятия о результатах изменения установок, углах. Сноровки в работе с прицельными приспособлениями нет. Обладают слабыми знаниями по материальной части. Замковые не обучены обязанностям наводчиков, и, при условии отвода последних, не могут их заменить....

Команда разведчиков и наблюдателей: 1-х пять, последних двое. Все абсолютные невежды. Наблюдатели с трудом измерили посредством стереотрубы угловое расстояние между двумя точками, но не могли дать понятия о высотах разрывов и ведении стрельбы. Разведчики плохо знают топографию и службу разведывания, и совершенно не знают приборов. Обучение специальных команд было поручено Завразведкой дивизиона тов. Усачеву, но им не предпринято никаких мер в этом направлении и сам он не пытался восстановить или пополнить свои знания.

Красноармейцы: Обучены плохо, обмундированы посредственно, военного вида не имеют и не умеют отвечать. Номера и ездových работают посредственно и не представляют собой благодарного, в смысле обучения материала. Большинство их дезертиры и пехотинцы....

Командир батареи объясняет слабую ее сплоченность невозможностью вести занятия, вследствие большого расхода людей на пастьбу лошадей и косьбу сена за 15 верст, на внутренние наряды в дивизионе, т.к. все цейхгаузы за отсутствием подходящих помещений расположены по отдельности, но, во всяком случае, кое-что хотя бы в смысле обучения красноармейцев могло бы быть сделано....

3-я батарея 13 августа 1921 г. 3-я батарея находится в стадии формирования.

Комсостав: по списку 6 налицо 5. Обладают достаточными познаниями для боевой обстановки. Кроме тов. Букетова, нуждающегося в повторении, но в административно-хозяйственном отношении слаб, не имеет опыта, преисполнен благих начинаний, но ленив. Дисциплинирован, и как состоящий в большинстве из краскомов, может, при наличии всесторонних пособий быть хорошим наставником красноармейцев.

Младший комсостав и номера: Не твердо знают свои обязанности и уставы. Наводчики не знают материальной части: станок называют лафетом, все же кое-что усвоили и, правда еще не бойко, но справляются с наводкой, умеют измерить наименьший прицел, имеют понятие о направлении орудия; но походная укладка им не объяснена, т.к. один наводчик во время конного ученья возил панораму с собой, засунув ее за поясной ремень.

Люди одеты плохо. Обучение при новых пушках еще не закончено. Прибывающее из Управления дивизиона пополнение представляет собой всякий сброд, поступивший по излечению, или из пехоты. Спайки нет. Общие уставы красноармейцами не усвоены, что заметно на каждом шагу. Особенно бросается в глаза партизанищина, разгильдяйство и

отсутствие начальнического глаза, в противном случае, в канале 3-го орудия не находилась бы шляпка от барочного гвоздя и на коновязи не стояли бы до ночи не кормленные и не поенные лошади.

Конский состав: Тела (за исключением 10% в лучшую сторону) неудовлетворительные, все лошади не кованы, встречаются побитые спины, ободранные морды. По-видимому дивизион ЗВО сумел избавиться от калечи и наградить свою 3-ю батарею. Ухода за лошадьми нет.

Материальная часть: Все орудия в хорошем состоянии, но, видимо, орудия еще не прочищались, т.к. в канале 3-го орудия находится посторонний предмет и замки, по причине густой смазки, открываются с затруднениями....

Амуниция: Выдана новая. Недоуздки и удила нет. Батарея выезжает на веревках и цепях. В настоящем составе батарея не может двигаться. Для поручений Тупицин». ⁸²

Очевидно, что, несмотря на все заботы инспарта Касинова о вверенной ему артиллерии, все его усилия, направленные на организацию обучения и слаживания батарей, боеспособность указанного дивизиона, равно как и квалификация самих артиллеристов оставляли желать много лучшего. Отсюда и такая стрельба.

Соответствующие выводы об умении артиллеристов обращаться с химическими снарядами можно сделать из военной печати 1920-х годов. Так, инспектор артиллерии Западного фронта Р.И. Башинский в 1924 году в статье, посвященной, в том числе, газоснарядной стрельбе согласно французскому полевому артиллерийскому уставу, отмечал:

«Мне не раз приходилось слышать от многих артиллеристов сетования на то, что мы мало знаем разрушительность действия различных наших снарядов при различных условиях и обстоятельствах стрельбы и поэтому мы вынуждены в значительной степени ощупью подходить к вопросу о выборе того или иного снаряда для разрешения поставленной боевой задачи. Также точно стоит и вопрос о подсчете количества боевых припасов, которое нужно иметь в распоряжении для решения определенной боевой задачи. Действительно, специальных опытов для оценки разрушительного действия снарядов у нас почти не производилось, да и норм для расчета потребного в каждом случае количества боевых припасов не встречается в официальных уставах и наставлениях; не приходилось видеть сколько-нибудь обоснованных и ценных данных ни в одном из справочников и руководств». ⁸³

Как представляется, сообщения Р.И. Башинского соответствовали истинному положению дел. Хотя о газоснарядной стрельбе в 1920-е годы в военной литературе писали много, но либо в очень общих чертах, либо эти описания сопровождалось таким количеством оговорок, что вывести из них общие закономерности чрезвычайно трудно.

Тем не менее, некоторое представление о цифрах применительно к нормам расходов боеприпасов при газоснарядной стрельбе получить все-таки возможно.

«Несмотря на то, что в империалистическую войну артиллерийская химическая стрельба применялась весьма широко, - нет разработанной и достаточно обоснованной тактики артхимстрельбы, как нет до сих пор и установленных норм и правил артхимстрельбы... В различных армиях существуют самые разнообразные классификации видов артиллерийских химических стрельб. Все они, в конечном счете, сводятся к 3 основным видам стрельб: 1/. Внезапное артхимнападение (газовый налет), 2/. Артхимстрельба для сковывания и изнурения противника (нейтрализующая стрельба) и 3/. Стрельба для заражения местности. Внезапное артхимнападение... Нормы для этого вида стрельб зависят от ряда условий: 1/. Дистанции стрельбы, 2/. Силы и направления ветра у цели, 3/. Природы ОВ, 4/. Калибра орудия, 5/. Характера почвы, 6/. Времени года, 7/. Температуры, 8/. Состояния погоды, 9/. Состояния материальной части (степень изношенности), 10/. Обученности личного состава, 11/. Степени предварительной пристрелки, 12/. Величины цели и 13/. Характера поставленной задачи.

Из многообразия условий, влияющих на величину, нормы, понятно, как трудно составить числовую таблицу для таких норм и как трудно артиллеристу, особенно мало знакомому со свойствами ОВ, ориентироваться в этом вопросе. Трудностью вопроса, пожалуй, можно объяснить и то, что в различных армиях существовали и

существуют поныне нормы расхода артхимснарядов, весьма отличающиеся друг от друга.

Так, по германским нормам требуется для совершения 2-минутного фосгенного налета по 1 га:

200 снарядов – 77-мм

100 -//- 105 мм

50 -//- 152 мм

По американским нормам необходимо для получения желательного боевого эффекта в минимальный промежуток времени (2 минуты и менее) выпускать по площади в 1 га около 180 кг фосгена, что составит свыше 300 снарядов 75-мм, т.е., примерно, в 1 ½ раза больше германских норм. Принимая во внимание, что американцы с увеличением дистанции стрельбы значительно увеличивают нормы расхода снарядов, делая поправку на рассеивание снарядов, получим еще большую разницу в нормах. Все же кажется, что немецкие нормы по крупным калибрам достаточны и более отвечают реальным возможностям современных армий». ⁸⁴

«...говорить о нормах применения химических снарядов вообще (отвлеченно) весьма затруднительно. Ниже приводимые цифровые данные, которые характеризуют эти нормы применительно к определенным калибрам и видам действия снарядов, надлежит принимать с известной оговоркой, ибо они представляют собой нечто среднее из имеющихся (в большинстве случаев иностранных) материалов. Эти данные могут быть сведены к следующим:

а/. При обстреле 75-мм химическими снарядами кратковременного действия площадей – следует выпускать один снаряд на каждые 40 кв. метров в течение времени от 3 до 10 мин. – при коротком обстреле – и один снаряд на каждые 80 кв. метров в течение одного часа – при продолжительном обстреле.

в/. При обстреле 75-мм химическими снарядами долговременного действия площадей – следует выпускать 120 снарядов на один гектар (германская норма. Французская норма: один 75-мм снаряд на 20 кв. метров), не преследуя при этом скорости стрельбы.

По отношению к 105- мм и 150 мм химическим снарядам приводимые нормы могут быть уменьшены соответственно в 2, 3 и 4 раза.

Действительный результат стрельбы химическими снарядами достигается лишь при значительном числе снарядов, выпущенных с надлежащей точностью и определенной скоростью. Поэтому нужно помнить, что при стрельбе химическими снарядами кратковременного действия скорость стрельбы не должна быть достигаема в ущерб меткости; при стрельбе же снарядами долговременного действия на меткость должно быть обращено особое внимание....

Нанесение потерь живой силе противника могло бы быть достигнуто в следующих четырех случаях. Первый случай, - если выводящая из строя концентрация ОВ создается у цели столь быстро, что противник захватывается врасплох и не успевает использовать имеющиеся у него средства защиты. Такое применение химических снарядов достигается ведением шквального огня в течение 1-2 минуты, причем для производства стрельбы необходимо назначить несколько батарей для обстрела одной цели... Например, при обстреле 4-оруд. батареи, имеющей протяжение по фронту 100 м., при самой малой норме расхода выстрелов – 3 снаряда на 1 погонный метр – потребовалось бы выпустить в 1-2 минуты 300 снарядов. Для этой цели понадобилось бы 25-50 орудий или 9-17 батарей (3 орудийных)». ⁸⁵

Свои нормы расходов химбоеприпасов предложил в 1929 году В.К. Триандафиллов в работе «Характер операций современных армий». По ним минимальное количество 37-миллиметровых снарядов с нестойкими ОВ, необходимое для газового налета на участок площадью менее 100 метров - 200-240 штук при продолжительности стрельбы в 3 мин. из 12-15 орудий. ⁸⁶ Предложенные им нормы были приближены к таковым у французов: «Тактика артиллерийской химстрельбы, принятая у союзников, явилась результатом изучения немецкой тактики. Союзники различали следующие типы химических снарядов: раздражающие, ядовитые и стойкие. Ядовитые вещества (фосген) употреблялись для газовых налетов по небольшим живым целям. Во Франции для обстрела этих целей

ставили следующие требования: в течение 2-3 минут на 100 метров фронта нужно, в зависимости от расстояния до цели, 200-400 снарядов калибра 75 мм. При больших калибрах – соответственно меньше снарядов... В американских войсках – в течение 2 минут на 1 гектар – 100 снарядов калибра 75 мм...»⁸⁷

К слову сказать, в свете вышесказанного, инструкция Касинова от 22 июля, а также рапорт начарта 6 Родова, вошедший в приказ по войскам 6-го боеучастка № 43 от 28 июля 1921 года, выглядят чрезвычайно упрощенными.

«Выписка из приказа по войскам 6 боеучастка 28 июля 1921 г. с. Инжавино. Приказ № 43 войскам боевого участка № 6 под гор. Тамбовом

§1. Для сведения и руководства объявляю краткие указания о применении химснарядов:

1. Химические снаряды применяются в тех случаях, когда газобаллонный выпуск невозможен по метеорологическим или топографическим условиям. Например: при полном отсутствии или слабом ветре, если противник засел в лесах, в местах труднодоступных для газов.

2. Химические снаряды разделяются на два типа: первые - удушающие, вторые – отравляющие.

3. Быстродействующие химснаряды употребляются для немедленного действия на противника; испаряются через 3-5 минут.

Медленно действующие – употребляются для создания непроходимой зоны, - для устранения возможности отступления противника: испаряются через 15 минут.

4. Для действительной стрельбы необходим твердый грунт (т.к. снаряды, попадая в мягкую почву не разрываются, и никакого действия не производят); местность лучше закрытая и поросшая негустым лесом. При сильном ветре, и также в жаркую погоду стрельба делается недействительной.

5. Стрельбу желательно вести ночью. Одиночных выстрелов делать не стоит, т.к. не создается газовой атмосферы. Стрельба должна вестись настойчиво и большим количеством снарядов (всей батареей) для большего действия и создания эффекта. Общая скорость стрельбы не менее 3-х выстрелов в минуту на орудие. Сфера действия снарядов 20-25 кв. шагов. Стрельбу нельзя вести при частом дожде.

Стрельба невозможна, если до противника 300-400 шагов и ветер в нашу сторону. Весь личный состав батарей должен быть снабжен противогазами боевыми.

*Справка: Рапорт Начальника артиллерии тов. Родова от 25.07 с.г. за №124/п».*⁸⁸

О неумении артиллеристов использовать химические снаряды писал и «Военный вестник»: «Несмотря на широкую пропаганду идеи о значении химии в военном деле, все же надо признать, что в этом отношении не во всех отделах этой весьма сложной проблемы у нас достигнуты хорошие результаты. В частности, нельзя считать удовлетворительно поставленным вопрос о стрельбе артиллерии химическими снарядами. Можно сказать даже более резко и откровенно: о стрельбе химическими снарядами у артиллеристов нет должного представления, а самая организация стрельбы еще не только не достаточно осознана, но даже не вполне разработана ... Между тем организация стрельбы химснарядами говорит даже об отсутствии понимания основной идеи стрельбы. Были, например, случаи равного распределения отпущенных химснарядов по батареям с предложением им провести стрельбу самостоятельно. На батарею, например, пришлось по 25-30 снарядов. Что даст такая стрельба? – судите сами...»⁸⁹

Таким образом, хотя теоретически с химснарядами должен был уметь обращаться любой грамотный артиллерист, на практике же картина была совершенно другой. И не случайно отечественные военные, разрабатывая вопросы тактики газоснарядной стрельбы, все время обращались к западноевропейскому опыту Первой мировой войны и ориентировались на европейские уставы, наставления и разработки. Всего этого у себя дома толком не было.

Примечательно, что даже С.М. Касинов, будучи, без сомнения, грамотным артиллеристом, при составлении инструкции по применению химического оружия в части, касающейся газоснарядной стрельбы, допустил несколько ошибок:

«Применение химических снарядов. Химические снаряды могут применяться в тех случаях, когда газо-баллонный выпуск невозможен по метеорологическим или топографическим условиям, например: при полном отсутствии или чрезвычайно слабом ветре, если противник засел в лесах или за возвышением, в местах трудно доступных для газов, но имеющих то преимущество, что если туда попал газ, то он держится там упорно.

Виды и действия снарядов:

Химические снаряды разделяются на два типа:

1). Синие, начиненные удушливыми газами и сильно ядовитыми веществами (циановые соединения) действия чрезвычайно сильного, но кратковременного.

2). Красные, начиненные ядовитыми жидкостями, вызывающими слезотечение и воспаление слизистых оболочек глаз и носа более продолжительны (более суток, в зависимости от температуры воздуха). Сильный ветер (более 3м/с), обильный дождь, ниже 15 градусов делают стрельбу недействительной.

Стрельба.

Каждый снаряд отравляет площадь 400-500 квадратных сажень, что служит основанием для расчета количества подлежащих выпуску химических снарядов».⁹⁰

Как видно из документа, как стойкость снарядов с первичным слезоточивым эффектом, так и площадь газового облака, образующегося от разрыва одного снаряда, очень сильно завышены.

Обращая внимание на крайне незначительный расход боеприпасов, не позволявший создать газовое облако концентрации, достаточной для нанесения ущерба противнику, не следует забывать о том, что для химической стрельбы требовалось не только много снарядов, но и большое количество орудий. К примеру, для такого вида архимстрельбы как «газовый налет», сущность которого состояла в том, чтобы быстро создать на выбранной площади⁹¹ газовое облако достаточной концентрации (во-первых, нестойкие ОВ быстро рассеиваются сами по себе, во-вторых, нужно было успеть застать бойцов противника без противогазов), было необходимо, чтобы все нужные для обстрела снаряды выпускались в течение одной минуты.⁹² В цифрах это выглядело следующим образом:

«Возьмем в качестве цели участок в 500 мтр. по фронту и 200 мтр. в глубину, на котором расположены звенья роты. При благоприятных метеорологических условиях, каковыми являются штиль или тихий ветер (не более двух метров в секунду), невысокая температура, отсутствие восходящих токов воздуха, отсутствие сильного дождя или снега и т.д., и при благоприятных топографических условиях (конфигурация местности и растительный покров способствуют застою газа в районе цели), - 1 снаряд 76-мм. калибра дает облако, токсичность которого остается достаточной, пока диаметр его при расширении не превысит 7 метров. Круг на местности, имеющий в диаметре 7 метров, представляет собою площадь, равную приблизительно 40 кв. метрам. На заданную цель, при расчете один снаряд 76-мм. пушки на 40 кв. метров, потребуется

2500 снарядов ($\frac{500 \cdot 200}{40} = 2500$), которые необходимо выпустить в течение одной минуты. Считая, что каждое орудие, принимающее участие в этой стрельбе, даст 6 выстрелов в минуту, понадобилось бы назначить для решения такой задачи 416 орудий <...> Положение не изменится к лучшему и при назначении для производства газового налета других полевых орудий, так как гаубицы ведут стрельбу в 2-3 раза медленнее 76-мм. пушек (прим. ред. - при этом следует еще отметить, что ни при каких условиях боя вся наличная артиллерия не может быть отвлечена от решения других огневых задач, ради стрельбы химическими снарядами)».⁹³

Так что тамбовские артиллеристы отстрелялись, как умели. Тем, что было и из того, что было.

Не все благополучно обстояло с обучением военно-химическому делу даже в конце 20-х годов.

*«Приказ по Военной Академии РККА им. М.В.Фрунзе № 34
26 февраля 1927 г. г. Москва*

22-го февраля мною осмотрены химическое отделение артиллерийского кабинета, пехотный кабинет и административный кабинет.

Химическое отделение: должно было бы:

- 1/. Дать историю развития противогазов в старой армии и в Красной армии,
- 2/. Иметь образцы отравляющих веществ;
- 3/. Показать современные маски, как наши, так и заграничные /из последних особенно те, которые находятся на вооружении соседей/.

Между тем, в кабинете не только нет этого, но он находится прямо в недопустимом состоянии. Он представляет несколько случайных экспонатов, при том содержащихся в весьма неряшливом виде. Такое состояние химического отделения артиллерийского кабинета ставлю на вид Заведующему артиллерийским кабинетом тов. Токаревскому и руководителю кафедры химических средств борьбы т. Баташеву.

Начальник академии Эйдеман

Пом. нач. акад. по уч. части – Шиловский». ⁹⁴

Иными словами, даже в конце 1920-х годов обучение строевых и штабных начальников, получавших высшее военное образование, военно-химическому делу было отнюдь не на должном уровне. Что же после этого хотеть от тех, которые «академиев не кончали»?

Много лучшего оставляло желать знакомство с химическими снарядами не только в РККА, но и у белых. Свидетельством тому являются встречающиеся временами в мемуарной литературе упоминания об использовании газов в гражданскую войну.

«Несмотря на столь острые переживания, у нас совершенно не было потерь. Красные, вероятно от радости, что сумели так близко и ловко заманить белых, сильно волновались и взяли слишком высокий прицел – весь их возможный успех пролетел над нашими головами. У них же на переезде осталось лежать несколько убитых красноармейцев. Пехота белых, пройдя станцию Привольская, продолжала цепями продвигаться в сторону города, находившегося от станции в 2-3 верстах, а наши две пушки стали на позицию недалеко от нее на большой поляне. Едва мы успели осмотреться, как около позиции и все ближе и ближе к ней начали рваться снаряды, но какие-то подозрительные. Раньше таких нам еще никогда не приходилось видеть. Не было того обычного взрыва, от которого всегда вверх летели столбы осколков и земли. Эти, ударившись об землю, лопались как-то особенно нежно и выпускали из себя довольно большой клубок желтовато-грязного дыма, который, гонимый ветром, быстро полз по земле, распространяя едкий неприятный запах. Батарея красных, стоявшая на позиции где-то вблизи города, возможно желая поздравить своего противника с блестящей победой, стреляла химическими снарядами, от которых у него не было никакой защиты. Снаряды ложились очень аккуратно, что показывало, что красные артиллеристы прекрасно видели наши пушки со своего наблюдательного пункта. Запах хлористого газа, шедший от рвавшихся снарядов, сразу привлек внимание нашего начальства и заставил его поторопиться отдать приказ орудийным номерам обеих орудий немедленно отойти от них и укрыться в довольно глубоком овраге, находившемся немного позади позиции, на которой стояли пушки. Но обстрел как-то быстро прекратился. По всей видимости, наступавшая на город наша пехота спугнула красную батарею с ее позиции, а другой она еще не успела найти. Предварительно дав немного проветриться воздуху около пушек, мы вылезли из оврага и подошли к ним...» ⁹⁵

Если учесть, что батарея белых на какое-то время огонь прекратила, можно считать, что красные цели своей достигли – артиллерию противника подавили, пусть и временно. А вот идея белых, увидевших химснаряды впервые, прятаться от газов в канаве, вызывает серьезные сомнения. В канаве надо прятаться от осколков, но химснаряды, тем более отечественные, осколочного эффекта не имели, ⁹⁶ а не от газов, которые, в случае затекания их в оную, там застаиваются и, как следствие, сохраняют поражающие свойства дольше.

В завершение необходимо сказать следующее. Если газовых баллонов тамбовское командование получило заведомо недостаточно для выполнения серьезных боевых задач, то общее количество направленных в губернию артиллерийских снарядов было вполне приемлемым. Во всяком случае, оно сопоставимо с запасами, имевшимися в распоряжении действующих армий РККА ⁹⁷ в ходе гражданской войны. Однако количество боеприпасов,

израсходованных во время нескольких известных газоснарядных стрельб, позволяет утверждать, что их было явно недостаточно для создания газового облака нужной концентрации на сколько-нибудь значительных площадях. Либо стрельба велась без учета химических особенностей – такой вывод возможен, исходя из явно недостаточного уровня знакомства артиллеристов с особенностями таковой.

Таким образом, 59 или тем более 15 снарядов, выпущенных четырехорудийными батареями, были совершенно безвредными ввиду крайне ограниченной площади поражения, а также низкой плотности газового облака и низкой концентрации ОВ. При этом следует учесть, что токсичные вещества – это единственное, что обеспечивало поражающий эффект чисто химических снарядов. Противник либо получал отравление той или иной степени тяжести, либо снаряды превращались в обыкновенные болванки.

В любом случае, никакого эффекта, кроме чисто морального, произвести такая стрельба не могла. Впрочем, как следует из воспоминаний участников подавления восстания,⁹⁸ этот эффект на повстанцев неплохо оказывали и обычные осколочные.

В 1920-е годы всякий опыт боевого применения химического оружия изучался очень активно.⁹⁹ Но о «тамбовских газах» никаких упоминаний в печати нет. Несколько случаев газоснарядной стрельбы с нулевым результатом, да несостоявшиеся газобаллонные атаки не представляли из себя ничего поучительного с точки зрения изучения опыта с целью дальнейшего использования. Поэтому о них попросту позабыли до тех пор, пока не вспомнили в конце 1980-х годов.

Какие ОВ использовались в Тамбове.

Еще одним поводом для многочисленных спекуляций вокруг сюжета о «тамбовских газах» стали токсичные вещества, применявшиеся в 1921 году в Тамбовской губернии.

В массовом сознании химическое оружие времен Первой Мировой войны прочно ассоциируется только с ипритом, фосгеном и хлором. Хотя только этими ОВ химические арсеналы армий воюющих стран не исчерпывались. «В войну 1914-1918 гг. было применено около 40 боевых ОВ. Тысячи были испытаны и отвергнуты ввиду несоответствия боевым требованиям».¹⁰⁰ Более подробно с номенклатурой можно ознакомиться в недавно переизданной книге преподавателя Военной академии РККА им. М.В. Фрунзе А.М. Де Лазари «Химическое оружие на фронтах Мировой войны 1914-1918 гг. Краткий исторический очерк» и примечаниях к ней.¹⁰¹

Подавляющее большинство этого разнообразия было совершенно недоступно для русской армии и РККА, которая все свое химическое оружие получила в наследство от армии царской. Россия сравнительно поздно включилась в химическую войну в силу отсталости собственной химфармпромышленности, которая, к тому же, находилась в сильнейшей зависимости от германской. Соответственно, ее химические арсеналы были гораздо более бедными.

На вооружении старой русской армии имелись трех- и шестидюймовые химические снаряды, снаряженные тактическими смесями фосгена, различных хлористых соединений - хлорпикрина, хлорного олова, хлористого сульфурила, хлорацетона, хлористого метилмеркаптана и хлористой серы в различных сочетаниях и пропорциях (указанные снаряды считались удушающими), а также синильной кислоты и треххлористого мышьяка (ядовитые). Все. «Король газов» - иприт - в России не производился вплоть до 1925 года.¹⁰²

По составу жидкости, заполняющей корпус снаряда, отечественные химбоеприпасы разделялись на: 1. Удушающие, снаряжаемые хлорпикрином с различными добавками. На корпусе, окрашенном в «серо-дикий» и красный цвета, выбивались буквы «А», или «Г», или «Ж», или «ЖА», или «АЖО», условно обозначавшие токсичные вещества в снаряде. Их действие вызывало раздражение слизистых оболочек дыхательных органов и глаз, кашель с обильным выделением мокроты и, при высоких концентрациях и длительной экспозиции, отек легких. 2. Ядовитые, скоро отравляющие, снаряженные синильной кислотой с различными добавками (хлороформ, треххлористый мышьяк). Головная часть и боковая поверхность снаряда окрашивались в синий цвет. На корпусе выбивались буквы «Х» или «ХЗ». На слизистые оболочки они не действовали, а вызвали общее отравление организма и, в тяжелых случаях, смерть. 3. Ядовитые, медленно отравляющие. Головная

часть снаряда окрашивалась в «сероцикий» цвет, боковая поверхность - в синий, выбивалась буква «Ю».¹⁰³

Состав смесей токсичных веществ, применявшихся в наиболее распространенных в русской армии снарядах, обозначался на корпусах следующим образом: для трехдюймовых снарядов «ЖА», «АЖ» - 56 % хлорпикрина, 44% хлористого сульфурила, «АЖО» - 45 % хлорпикрина, 35 % хлористого сульфурила, 20 % хлорного олова (удушающие), «ЮО» - 60% фосгена и 40% хлорного олова (ядовитые, медленно отравляющие), «ХЗ» - 50 % синильной кислоты, 50 %, треххлористого мышьяка (ядовитые скоро отравляющие).¹⁰⁴

Известно, что 22 июня 1921 года из Шуйского Временного Огнесклада со сдатчиком Воентрансагентом Ярославского представительства Увогрозтранса тов. Митягиным¹⁰⁵ в распоряжение тамбовского командования было отправлено:

«Выписка из отчета по движению и наличию боеприпасов в Шуйском огнескладе за июнь 1921 г.

Шуйский Временный склад огнеприпасов

*3дм химические снаряды, Удушающие, I-я группа, снаряжения 05.16 – 10.17г. – 2000 шт. – отправлено в Тамбов».*¹⁰⁶

Обнаружить буквенную маркировку отгруженных в Тамбов снарядов пока не удалось. Тем не менее, некоторые выводы сделать можно.

Иприт можно исключить сразу. Во-первых, он никогда не относился и не относится к категории удушающих, но к категории нарывных.¹⁰⁷ Во-вторых, в 1921 году ипритных снарядов в республике явно не было вообще.¹⁰⁸ И наконец, с точки зрения простого здравого смысла, а также требований тактики газоснарядной стрельбы, с ипритными снарядами на Тамбовщине совершенно нечего было делать. Ведь химические снаряды предполагалось использовать во время очистки от повстанцев лесов, где одновременно с антоновцами нужно было находиться и красноармейцам. А иприт в силу замедленного действия и повышенной стойкости (считалось, что в лесу иприт сохранял свои поражающие свойства, и, соответственно, был опасен для своих войск, в течение 7-10 дней¹⁰⁹) предполагался к использованию, будучи, главным образом, средством заграждения, только там и тогда, где и куда свои войска в ближайшее время идти были не должны. Между тем, никаких других средств индивидуальной защиты для красноармейцев, кроме заведомо недостаточных для пребывания в зоне ипритного заражения противогазов, на Тамбовщину не привозили и даже не заказывали.

Также можно исключить хлор. Он использовался только при газобаллонных атаках. В снарядах он в чистом виде не применялся никогда в силу своей относительно (в сравнении с другими ОВ) низкой токсичности.¹¹⁰ Более того, *«уже в середине и в конце войны хлор перестали употреблять в качестве самостоятельного боевого газа. С одной стороны, это произошло вследствие уменьшившегося применения газовых волн, замененных химическими артиллерийскими снарядами, и, с другой, вследствие того, что при необычайной химической активности хлора весьма легко защититься от него ... И, действительно, очень скоро после первой хлорной атаки англичане и французы совершенно оградили себя от хлора масками, пропитанными реагирующими с хлором веществами».*¹¹¹

Точно так же можно исключить смеси с синильной кислотой (марка «ХЗ»)¹¹². По принятой в старой русской армии и в РККА классификации, они также относились не к «удушающим», но к «ядовитым».¹¹³ Или же их выделяли по своему составу как «цианистые».¹¹⁴ Кроме того, как представляется, снаряды на основе синильной кислоты вообще были редкостью для РККА. Так, когда осенью 1920 года ГАУ готовило снаряды для Южного фронта и с этой целью проводились инспекции на артиллерийских складах, только на Софринском огнескладе обнаружилось всего 46 снарядов марки «ХЗ», да и те с проржавленными корпусами.

Ключ к пониманию может дать неудачная попытка организации и проведения газовых атак на Южном фронте осенью 1920 года.¹¹⁵

Тогда удалось полностью подготовить лишь 13.360 3-х дюймовых химпатронов исключительно марки «АЖО».

*Рапорт об отправке баллонов и хлорпикриновых снарядов
Инспектору артиллерии Полевого Штаба РВСР*

на № 3624/арсек
9 ноября 1920 г.

По сведениям, полученным от начальника МОКАРТУ 9-го сего ноября в 11 час. дело отправки на Южный фронт баллонов и химических снарядов было в следующем положении. Баллоны грузятся, и таковая погрузка закончится в среду, 10 ноября.

6.000 шт. 6" снарядов грузятся в Шилове, погрузка их будет закончена также в среду; недостающая 1000 спешно подготавливается из снарядов марки АЖО, т.к. подготовленные к отправке 6.000 шт. 6" марки Ю.О. не могут быть использованы ввиду неудовлетворительности испытания их на Главартполигоне, 3" химические патроны в количестве 13.360 шт., исключительно марки АЖО, начаты погрузкой в Лефортовском складе, под каковую погрузку уже получены вагоны.

За Нач. управления Е.Г.Тамм

Нач. 5-го отдела И. Ястребов

Нач. 16-го отделения М. Григорьев». ¹¹⁶

Таким образом, к лету 1921 года в республике имелся определенный запас химснарядов, сравнительно недавно заранее отобранный, проверенный и годный к боевому применению. Его уже отправляли на фронт, хотя до применения дело не дошло. В части, касающейся трехдюймовых удушающих снарядов, он был представлен исключительно снарядами марки «АЖО».

После несостоявшихся газовых атак против Врангеля, Главное артиллерийское управление распорядилось возвращенное боевое имущество поддерживать в полной исправности, чтобы в случае необходимости его можно было быстро выслать к месту назначения. Еще в ноябре 1920 года начальнику Мокарту было предписано: «Имея в виду, что опыт последней подготовки к отправке на фронт химснарядов и химбаллонов показал, что для приведения в полную боевую готовность и баллонов и химснарядов требуется значительное время, ГАУ предлагает возвращенное боевое имущество поддерживать в полной исправности и в хранении его во всем руководствоваться следующими инструкциями, чтобы, в случае надобности, баллоны и химснаряды могли быть отправлены на фронт в самый кратчайший срок». ¹¹⁷

Таким образом, можно предположить, что когда химснаряды потребовались снова летом 1921 года, их отгрузили из этого боезапаса.

Таким образом, в Тамбов должны были отправить трехдюймовые снаряды марки «АЖО» (хлорпикрин, хлористый сульфурил, хлорное олово). Что касается фосгеновых снарядов марки «ЮО», то еще в период подготовки к отправке на врангелевский фронт они не прошли испытаний и крайне маловероятно, что в Тамбов стали бы отправлять заведомо негодные боеприпасы.

Таким образом, на Тамбовщину были отправлены снаряды, основным боевым компонентом которых был хлорпикрин или нитрохлороформ, т.е. лакриматор, слезоточивый газ, который в Первую Мировую на фронте прозвали «рвотным газом» за соответствующий сопутствующий эффект. В полевых условиях достижение смертельной концентрации хлорпикрина крайне маловероятно даже при артхимстрельбе в соответствии с боевыми нормами. В ныне действующей Конвенции о запрещении разработки, производства, накопления и применения химического оружия, хлорпикрин проходит по списку 111, т.е. по списку токсичных веществ и прекурсоров, находящихся широкого применения в промышленности и, как следствие, разрешенных к производству, хотя и под контролем. В современной российской армии используется при обучении личного состава обращению с противогазами.

Основные свойства хлорпикрина или нитрохлороформа, являвшегося основным ОВ в этих снарядах, в плане воздействия на организм выглядят следующим образом:

«5. Опасность для человека.

5.1 Общий характер действия.

Пары хлорпикрина сильно раздражают слизистые глаз (сильнейший лакриматор), верхние дыхательные пути, поражает легочную ткань, разрушает капилляры, возможен токсический отек легких. Опасен при вдыхании, попадании на кожу и слизистые, внутрь. Обладает общетоксическим действием.

5.2. Острое отравление.

*Ощущение специфического запаха, слезотечение, раздражение верхних дыхательных путей, кашель, иногда с кровавой мокротой, тошнота, рвота, боли в животе, понос, головная боль, мышечная слабость; часто слабы и неправильный пульс. Смерть наступает от отека легких, чувствительность к хлорпикрину постепенно повышается, а при вдыхании малейших его следов внезапно, преимущественно ночью, появляются стеснение в груди, ощущение удушья (Практически, в полевых условиях, достижение смертельной концентрации маловероятно)».*¹¹⁸

Хлорпикрин считался токсичным веществом относительно стойким. Открытая местность, обстрелянная хлорпикриновыми снарядами, считалась безопасной для прохождения своих войск через час, лесистая - через 20 часов (для сравнения, фосген – 20 минут и 3 часа, иприт - 24 часа и 7-10 дней соответственно).¹¹⁹

Хлорное олово в снарядах использовалось не в качестве самостоятельного боевого ОВ, а со вспомогательными целями в качестве дымообразователя.¹²⁰ Дымообразователи добавлялись в снаряды с нестойкими и быстро рассеивающимися ОВ для увеличения продолжительности действия, т.е. в качестве утяжелителя, с тяжелыми газами – для создания более плотного газового облака и более длительного сохранения его первоначальной концентрации. Кроме того, присутствие дымообразующих веществ облегчало артиллеристам пристрелку и корректирование огня, поскольку делало разрывы снарядов более видимыми (разрывы химснарядов издали практически не заметны, поэтому те или иные дымообразователи входили в состав практически всех боевых токсичных смесей), а заодно внушало противнику страх перед любыми дымами вообще.¹²¹ Также со вспомогательными целями использовался в снарядах хлористый сульфурил, пары которого обладают резким раздражающим действием на носоглотку.¹²² Ввиду своей агрессивности и способности разъедать ткани и кожные покровы, использовался как дополнительное средство, чтобы пробить противогазовую защиту противника.¹²³

Отсутствие в составе снарядов марки «АЖО» токсичных веществ, гарантированно обеспечивавших массовые летальные исходы, не должно вызывать недоумения, ведь выведение противника из строя или его изнурение (вполне самостоятельные цели применения ХО), и его физическое уничтожение - отнюдь не одно и то же. Если боец, получив отравление ипритом, отправлялся на пару месяцев в госпиталь, он, таким образом, выводился из строя, причем надолго, но совершенно необязательно должен был от этого отравления непременно скончаться. И наконец, нанесение непосредственного ущерба живой силе противника, то есть его физическое уничтожение, никогда не было единственной целью газоснарядной стрельбы равно как и применения химического оружия вообще.¹²⁴

«Антоновщина» дорого обошлась Тамбовщине. По данным советского историка-агрария В.П. Данилова, ссылающегося на отчеты руководителей подавления восстания за сентябрь 1920 года – август 1921 года, только убитыми губерния потеряла около 11800 убитых в бою и до 1,5 тысяч расстрелянных антоновцев, дезертиров и заложников, всего – свыше 13 тыс. человек, а также до 2 тыс. убитых с большевистской стороны – военнослужащих и партийно-советских работников из числа местных жителей. Итого – только убитыми 15 тысяч человек. Это не считая потерь РККА – порядка 4 тысяч человек.¹²⁵

Однако с уверенностью можно сказать, что газоотравленных среди них не было ни одного.

К вопросу о запрещенности «оружия массового уничтожения».

В заключение следует сказать несколько слов о проблеме гипотетической запрещенности «оружия массового уничтожения» применительно к этой конкретной ситуации.

Незадолго до Первой Мировой войны была принята целая серия международно-правовых документов, регламентирующих законы и обычаи сухопутной войны. Так, в Гааге 17 (29) июля 1899 года была принята Конвенция «О законах и обычаях сухопутной войны», к которой было добавлено «Приложение о законах и обычаях сухопутной войны, состоящее из четырех отделов. В отделе II Приложения – «О военных действиях», в главе I «О средствах нанесения вреда неприятелю, об осадах и бомбардировках», в ст. 22 записано: «*Воюющие не*

пользуются неограниченным правом в выборе средств нанесения вреда неприятелю». А ст. 23 поясняла: «Кроме ограничений, установленных особыми соглашениями, запрещается также: а) употреблять яд или отравленное оружие... е) употреблять оружие, снаряды и вещества, способные причинять излишние страдания...»¹²⁶ Спустя восемь лет, 5 (18) ноября 1907 года, в Гааге 46 странами были подписаны 13 конвенций и 1 декларация, также посвященные правилам ведения войны. Так же, как и в 1899 году, в Конвенции «О законах и обычаях сухопутной войны» в «Приложении о законах и обычаях сухопутной войны» (Отдел 11, гл. 1, ст. 22-23) были повторены все вышеперечисленные формулировки.¹²⁷

Тогдашнее военное право при введении этих ограничений руководствовалось следующими соображениями: «В отношении способов устранения неприятельской армии принято за неоспоримое и само собой понятное правило, что военные власти и их органы пользуются по отношению к неприятельским комбатантам правом убиения и уничтожения; дозволены все изобретаемые современной техникой средства, даже наиболее совершенные и опасные, убивающие неприятеля целыми массами. Последние, достигая цели войны в кратчайший срок, совершенно неизбежны и, строго говоря, должны быть признаны наиболее гуманными. В дополнение указанного выше правила обычное военное право желает лишь, чтобы не применялись средства более суровые, когда для достижения той же цели имеются более мягкие и при том достаточные средства. Кроме того, некоторые средства, применение которых влечет за собой безцельные страдания, не должны быть допускаемы. Сюда относятся: Пользование ядом, как против отдельных лиц, так и против масс, отравление колодцев, съестных припасов, распространение заразных болезней (1) Как доказано применялось часто в войне испанцев против Наполеона 1-го). Вероломное убийство и объявление неприятеля вне закона. Пользование оружием, причиняющим безцельные страдания (стрельба нарубленным свинцом, стеклом и т.п.) Убийство раненых и пленных, неспособных более сражаться; Отказ в пощаде солдатам, уже положившим оружие и сдающимся в плен. Развитие современной техники сделало излишним специальное запрещение некоторых более старых средств (цепных, шестовых и каленых ядер, смоляных венков), так как они заменены теперь более действенным. Однако Петербургская конвенция от 11-го декабря 1868 г. воспретила пользование разрывными снарядами весом менее 400 грамм. Т.е. только ружейных пуль».¹²⁸

Иными словами, сами по себе средства массового уничтожения не только не запрещались, но считались неизбежными и даже гуманными, поскольку позволяли достичь целей войны быстрее. Декларируя те или иные ограничения, военное право руководствовалось лишь принципом разумной достаточности. Если человека можно убить обыкновенной пулей, незачем пользоваться разрывной, результат тот же, но быстрее и гуманнее.

Довоенные представления о недозволённых методах ведения войны были вообще порой весьма своеобразными. Так, международное право, не запрещая использования колониальных войск на европейских театрах военных действий, было склонно расценивать это как варварство - по отношению к европейцам. «Употребление нецивилизованных войск на европейских театрах войны. С вопросом о недозволённых средствах ведения войны тесно связано употребление нецивилизованных и диких народов в европейских войнах. С точки зрения права ни одному государству нельзя, конечно, воспретить привлекать боевые силы из внеевропейских колоний. Однако применение не имеющих понятия о цивилизованном способе ведения войны людей и войск, совершающих всякие запрещенные обычаями войны жестокости и безчеловечные поступки прямо противоречит современным стремлениям – сделать ведение войны более гуманным и уменьшить страдания. Поэтому применение подобных войск следует приравнять к пользованию упомянутыми выше запрещенными средствами. Применение африканских тюркосов-магометан на европейском театре войны в 1870 г. следует рассматривать, как возврат от цивилизованного к варварскому способу ведения войны, так как эти войска не имели, да и не могли иметь, никакого представления о европейско-христианской культуре, о пощаде имуществу, о личной и женской чести и т.п.»¹²⁹

Следует обратить внимание еще на два аспекта. Во-первых, на статьи 1 и 2 самой Конвенции: *«Статья 1. Договаривающиеся Державы дадут своим сухопутным войскам наказ, согласный с приложенным к настоящей Конвенции Положением о законах и обычаях сухопутной войны. Статья 2. Постановления упомянутого в статье 1 Положения, а равно настоящей Конвенции обязательны лишь для Договаривающихся Держав и только в случае, если все воюющие участвуют в Конвенции».*¹³⁰ Это был межгосударственный договор, распространявшийся лишь на армии государств, присоединившихся к Конвенции, и только в том случае, если все воюющие стороны были ее участниками. Будучи межгосударственным документом, Конвенция никак не регулировала действия государств на их собственной территории. Во-вторых, под ядами и отравленным оружием Конвенция, как следует из комментариев германского генштаба, принятым к сведению генштабом российским, на момент ее принятия понимала яды в буквальном смысле слова – запрещенными считались отравление колодцев и пищевых продуктов. То есть совершенно другие вещи.

Вскоре после начала Первой мировой войны все «договаривающиеся державы», где существовала хоть какая-нибудь химическая промышленность, в том числе Россия, проигнорировали всякие «гуманитарные соображения» насколько дружно, что после окончания войны эти конвенции приобрели фактическую ценность законов Хаммурапи.

Новый запретительный документ - Женевский протокол о запрещении применения на войне удушливых, ядовитых или других подобных газов и бактериологических средств был принят лишь в 1925 году в Женеве.¹³¹ И вот только в нем уже вводился запрет на применение *«удушающих, ядовитых или других подобных газов, равно как и всяких аналогичных жидкостей, веществ и процессов»*, то есть на то, что в то время понималось под химическим оружием - на «газы» и другие «аналогичные жидкости и вещества».

Очевидно, что это не Конвенция от 1907 года пыталась сработать на опережение, а Женевский протокол 1925 года составлялся задним числом.

Побудительным мотивом для его заключения служили отнюдь не соображения гуманности, но желание стран Антанты поставить под контроль мощную химическую промышленность Германии, обезвредив, таким образом, своего основного конкурента на европейских рынках. К этому протоколу СССР присоединился спустя некоторое время, но с оговорками – с обязательством не применять химическое оружие первым, но с официальным правом на ответное применение.¹³²

Первая Мировая война сформировала отношение к газам, как к обычному оружию боевого применения наравне с любым другим.¹³³ Привычного нам сейчас понятия ОМУ в те годы не существовало, равно как и не воспринимались «газы» как нечто безоговорочно запрещенное. Химическое оружие считалось очень эффективным и перспективным на будущее. На страницах советской и зарубежной военной печати специалисты открыто обсуждали различные вопросы «газовой войны» как в части обороны, так и в части нападения. Спорили о том, какие ОВ более удобны для применения в качестве боевых, для какой ситуации какие ОВ годятся лучше всего, разрабатывали вопросы тактики применения «газов» родами войск и т.д. Рассматривались проблемы защиты от ОВ как армий, так и гражданского населения. Химики занимались поиском новых ОВ - более токсичных и удобных в применении. Промышленность решала вопросы производства и хранения. То есть все, как у всех. Причем эта «химическая гонка вооружений» была абсолютно законной с точки зрения тогдашнего международного права, поскольку заниматься подготовкой к «химической войне» никакой закон не запрещал.

Более того, в ходе Первой Мировой войны и сразу после нее в определенных военно-политических кругах Западной Европы (в меньшей степени России) сформировалось мнение о газах как об оружии гуманном ввиду сравнительно низкого процента безвозвратных потерь по отношению к потерям общим.¹³⁴

«...Если взять вещества другого класса - «слезовывывающие» - и в частности хорошо известный нам хлорпикрин, то картина физиологического действия получается совсем иная. Дело в том, что специфическое раздражение глаз и неудержимый кашель, переходящий в мучительную рвоту, начинаются у людей, находящихся в атмосфере, отравленной хлорпикрином, при концентрации в несколько раз меньше той, которая грозит их здоровью. Вот почему человек, разумеется, без противогаза, подвергшийся

воздействию хлорпикрина, физически не может оставаться в той атмосфере много раньше, чем воспримет опасную дозу, и удержат его в этом ужасном состоянии можно, разве приковав на цепь, иначе он бежит все равно куда, хоть бы на верную смерть от пули. Подобные же приблизительно свойства имеют и другие слезовыводящие вещества ...», - убеждал читателей «Артиллерийского дела» профессор А.А.Дзержкович, начальник IX - химической - секции Арткома ГАУ, для большей убедительности поделившийся личным опытом: «Что же касается случаев более легкого отравления, то отравление напр., фосгеном, по нашему личному опыту, не как врача, а как пациента, тяжело и, пожалуй, ближе всего может быть сравнено со страданием жестоко простуженного человека, но не более этого».¹³⁵

Действительно, если судить по числу безвозвратных потерь, «оружием массового уничтожения» в Первую мировую был отнюдь не газ, а обыкновенный пулемет, косивший пехоту гораздо эффективнее любого газа.¹³⁶

Заключение. Таким образом, ничего особенно «варварского», возмутительного или позорного в том, чтобы зарядить орудие химическим снарядом вместо обыкновенного осколочного, в начале XX века не было. Вне зависимости от того, кому этот снаряд предназначался – противнику-иностранцу или противнику-соотечественнику. Сегодняшние попытки возмущаться идеей применения газов на Тамбовщине являются не более, чем неоправданной экстраполяцией современных, зачастую обывательских, представлений о химическом оружии, на таковые почти девятидесятилетней давности без учета разницы в его восприятии в то время и сейчас.

Примечания:

¹Первые публикации, посвященные использованию химического оружия при подавлении Тамбовского восстания: Фельдман Д. Крестьянская война // Родина. 1989. №10; Аптекарь П.А. Как Тухачевский крестьянское восстание подавлял // Независимая газета. 1992. 22 авг. № 161; Аптекарь П.А. Крестьянская война // Военно-исторический журнал. 1993. № 1; «Химчистка» по-тамбовски. Публикации П. Аптекаря // Родина. 1994. № 5 и др.

²В начале XX века термина «химическое оружие» не существовало. Он появился несколько позднее. В начале 1920-х годов все боевые ОВ именовались «газами» (с соответствующими композитами - «газоборьба», «средства газовой борьбы», «газооборона», «газонападение» и т.д.) или «удушающими средствами». Термин возник отчасти исторически, поскольку в Первую Мировую войну самые первые ОВ, примененные на фронте - хлор (впервые применен немцами 22 апреля 1915 года) и фосген (впервые применен немцами в смеси с хлором при газобаллонной атаке в декабре 1915 года) - как в обычном, так и в боевом состоянии (т.е. в состоянии, в котором ОВ находится в момент применения, вызывая при этом максимальный эффект в поражении живой силы) были именно газообразными. Кроме того, несмотря на то, что большинство ОВ, применявшихся на фронтах (свыше 40 токсичных веществ в течение всей войны), представляли собой либо жидкости, либо твердые вещества в нормальных условиях, т.е. при обыкновенной температуре и давлении, в боевом состоянии все равно характеризовались той или иной степенью дисперсности. В настоящее время термин «газы», будучи изначально достаточно условным, является устаревшим, однако в настоящей книге используется наравне с современным, поскольку определение понятия «химическое оружие», сформулированное в ныне действующей Конвенции о запрещении химического оружия, полностью покрывает его тогдашнее значение.

³Смотри: Бобков А.С. Тамбовское восстание: вымыслы и факты об использовании удушающих газов // Военно-исторический журнал. 2011. № 1; Бобков А.С. К вопросу об использовании удушающих газов при подавлении Тамбовского восстания // Скепсис. 2011. Сетевой журнал. http://scepisis.ru/library/id_2974.html.

⁴Смотри, в частности: Сенников Б.В. Тамбовское восстание 1918-1921 гг. и раскрестьянивание России 1929-1933 гг. М.: Посев, 2004 и др.

⁵К началу мая 1921 года большая часть разрозненных в прошлом партизанских отрядов была сведена в две армии, состоявшие каждая из нескольких полков, численность которых варьировалась от 350 до 500 человек. Общая численность вооруженных повстанцев в Тамбовской губернии к 1 мая 1921 года, по данным военной разведки, составляла 21 тысячу

человек. Из них примерно 9 тысяч находились в составе мелких отрядов, не входивших в состав двух партизанских армий и действовавших самостоятельно. Смотри: Самошкин В.В. Антоновское восстание. М., 2005. С. 98-99.

⁶Инструкция по искоренению бандитизма в Тамбовской губернии, 12 мая 1921 года // «Антоновщина». Крестьянское восстание в Тамбовской губернии в 1920-1921 годах. Документы, материалы, воспоминания. Тамбов, 2007. С. 363.

⁷Из протокола № 19 заседания Полномочной комиссии ВЦИК от 9 июня 1921 г. РГВА. Ф.235. Оп.2. Д.13. Л.34 - 34 об. Заверенная копия. Цит. по: «Антоновщина». Крестьянское восстание в Тамбовской губернии в 1920-1921 годах. Документы, материалы, воспоминания. Тамбов, 2007. С. 401.

⁸Приказ №130 командующего войсками Тамбовской губернии М.Н. Тухачевского о мерах борьбы с повстанцами. 12 мая 1921 г. Государственный архив Тамбовской области (далее – ГАТО). Ф. Р-1832. Оп. 1. Д. 1000. Л. 9а. Типографский экземпляр. Смотри: «Антоновщина». Крестьянское восстание в Тамбовской губернии в 1920-1921 годах. Документы, материалы, воспоминания. Тамбов, 2007. С. 361-362.

⁹Какурин Н.Е. Организация борьбы с бандитизмом по опыту Тамбовского и Витебского командований // Военная наука и революция. Военно-научный журнал. 1922. Книга 1. С. 93.

¹⁰Согласно приказу № 108/опс. от 15 мая 1921 года о разграничении боеучастков, их границы сочетались с административными границами уездов губернии. «2-й боеучасток – Тамбовский уезд в его административных границах на севере, восток и запад, и на юге до условной линии селение Павлодарово, озеро Лебяжье, озеро Ильмень, селение Семеновка и далее по рекам Солонка, Плоскуша до административных границ Усманского уезда». Смотри: «Антоновщина». Крестьянское восстание в Тамбовской губернии в 1920-1921 годах. Документы, материалы, воспоминания. Тамбов, 2007. С. 366.

¹¹Протокол № 19 заседания Полномочной комиссии ВЦИК – о результатах проведения на местах приказа №130 и катастрофическом продовольственном положении в губернии. 9 июня 1921 г. Цит. по: «Антоновщина». Крестьянское восстание в Тамбовской губернии в 1920-1921 годах. Документы, материалы, воспоминания. Тамбов, 2007. С. 401.

¹²Протокол № 19 заседания Полномочной комиссии ВЦИК – о результатах проведения на местах приказа №130 и катастрофическом продовольственном положении в губернии. 9 июня 1921 г. Цит. по: «Антоновщина». Крестьянское восстание в Тамбовской губернии в 1920-1921 годах. Документы, материалы, воспоминания. Тамбов, 2007. С. 400.

¹³Этот документ представляет собой не стенограммы выступлений, а именно протокольные фрагменты, т.е. содержит только наиболее важные положения, без подробностей.

¹⁴Заключение по историческим материалам о роли Тухачевского в применении химического оружия в Тамбовской области. С. 12.

¹⁵*«Чтобы окончательно ввести нас в заблуждение о намеченном главном ударе в Восточную Пруссию, фельдмаршал Гинденбург приказал 9-ой армии произвести энергичное наступление в последних числах января на Бзуре в районе Болимова. 29-го и 30-го января обозначилась германская усиленная рекогносцировка, после которой последовало трехдневное, крайне энергично ведшееся наступление семью дивизиями на десятиверстном фронте против стыка между нашими 1-ой и 2-ю армиями. После артиллерийской подготовки огнем до 100 батарей, из которых около 40 больших калибров, с применением, впервые в эту войну, удушливых газов, действующих также и на глаза (так назыв. слезоточивые газы) – противник был вполне уверен в своем успехе. Однако, эти газы еще не были достаточно испытаны при различных атмосферических условиях. Оказалось, что их действие в холодное, сырое время, как в данном случае, далеко не отвечало ожиданиям. Помимо выпущенного большого количества (до 8000) таковых гранат еще было пущено в дело и другое новое изобретение – так называемые огнеметы. Хотя первое впечатление было ошеломляющим и даже вызвало частичные паники в 1-ом Сиб. и У1-ом корпусах, там не менее эти отличные корпуса весьма скоро оправились и в течение всего этого дня сдерживали напор уверенного в крупной победе противника. Мы потеряли пространство глубиной в 3-4 версты. В последующие дни мы успели подвезти резервы, и бой был локализован около Господского Двора Воля-Шидловска... При рассмотрении всех обстоятельств этого германского наступления против*

Варшавы, невольно возникает некоторое сомнение в его цели. Употребление новых боевых средств – газов и огнеметов, сосредоточение невиданного до того времени количества артиллерии и наступление семи дивизий на узком десятиверстном фронте – носили все признаки прорыва. Он не удался лишь по случайности – от неожиданно слабого действия газов. Противник до атаки, очевидно, возлагал большие надежды на эффект от газов. Если прорыв увенчался бы успехом, то противник наверняка использовал бы выгодное положение, ибо резервы еще имелись наготове; они лишь позже поступили на формирование группы генерала Гальвица. Наступление, поэтому, фактически сыграло роль лишь сильнейшей демонстрации». Генерал-лейтенант Хольмсен. Мировая война. Наши операции на Восточно-Прусском фронте зимой 1915 г. Воспоминания и мысли. Париж, 1935. С. 51-52.

¹⁶Войска радиационной, химической и биологической защиты 1918-2008 / под ред. Е.Г. Старкова. М.: Си-Эс-Ди, 2008. С.29.

¹⁷Сведения о расходе и наличии огнеприпасов в войсковых частях 5 армии фронта. РГВА. Ф. 106. Оп. 5. Д. 632. Л. 3-125а.

¹⁸Бобков А.С. Тамбовское восстание: вымыслы и факты об использовании удушающих газов // Военно-исторический журнал. 2011. № 1; Бобков А.С. К вопросу об использовании удушающих газов при подавлении Тамбовского восстания // Скепсис: сетевой журнал. 2011 г. http://scepsis.net/library/id_2974.html.

¹⁹Подробнее об истории боевого применения химического оружия на фронтах Первой Мировой войны смотри: Де Лазари А.М. Химическое оружие на фронтах Мировой войны 1914-1918 гг. Краткий исторический очерк. Научная редакция и коммент. М.В. Супотницкого. М., 2008, а также серию статей М.В. Супотницкого в журнале «Офицеры» за 2010-2011 годы. <http://www.supotnitskiy.ru/book/book5.htm>.

²⁰R.M. Douglas. Did Britain Use Chemical Weapons in Mandatory Iraq? // The Journal of Modern History 81 (December 2009): pp. 859-887. // J. Davidson Pratt, First Report of the Secretary of the Chemical Warfare Committee, para. 255. PRO, WO 33/987B.

²¹Приказ-обращение Полномочной комиссии ВЦИК к повстанцам. 11 июня 1921 г. Смотри: «Антоновщина». Крестьянское восстание в Тамбовской губернии в 1920-1921 годах. Документы, материалы, воспоминания. Тамбов, 2007. С. 402-403.

²²Приказ командования войсками Тамбовской губернии о применении удушливых газов против повстанцев. 12 июня 1921 года Смотри: «Антоновщина». Крестьянское восстание в Тамбовской губернии в 1920-1921 годах. Документы, материалы, воспоминания. Тамбов, 2007. С. 406.

²³Телеграмма Инспектору Артиллерии Республики Ю.М. Шейдеману. 13 июня 1921 года. РГВА. Ф.235. Оп.3. Д.59. Л.17.

²⁴Телеграмма Главкому С.С. Каменеву. 14 июня 1921 года. РГВА. Ф.7. Оп.2. Д.511. Л.1470б.

²⁵Телеграмма Инспектору Артиллерии Республики Ю.М. Шейдеману. 13-15 июня 1921 года. На документе дата отсутствует. Дата указана ориентировочно. РГВА. Ф.235. Оп. 3. Д.59. Л.15.

²⁶Телеграмма Главкому С.С. Каменеву. Июнь 1921 года. Дата отсутствует. РГВА. Ф.235. Оп.3. Д.59. Л.19.

²⁷Выписка из регулярного рапорта Тамбовского Инспарта Касинова Комвойсками Тухачевскому. 15 июня 1921 года. РГВА. Ф.235. Оп.3. Д.34. Л.7.

²⁸Из протокола №18 заседания Комиссии по борьбе с бандитизмом при РВСР – о положении в Тамбовской губернии. 19 июня 1921 года. Смотри: «Антоновщина». Крестьянское восстание в Тамбовской губернии в 1920-1921 годах. Документы, материалы, воспоминания. Тамбов, 2007. С. 418.

²⁹Телеграмма из Штаба РККА Командвойск Тухачевскому. 20 июня 1921 года. РГВА. Ф.7. Оп.2. Д.511. Л.151.

³⁰Циркуляр Тамбовского командования, 20 июня 1921 года. РГВА. Ф.235. Оп.3. Д.59. Л.8; Телеграмма из Штаба РККА Командвойск Тухачевскому, 20 июня 1921 года. РГВА. Ф.235. Оп.2. Д.82. Л.40.

³¹Известно, что во время экспериментального газопуска 10 февраля 1915 года на полигоне из-за внезапно изменившегося ветра от хлора едва не погиб изобретатель

газобаллонного способа химического нападения профессор Фриц Габер - начальник военно-химической службы германской армии, директор Института физической химии и электрохимии кайзера Вильгельма, лауреат Нобелевской премии по химии (за 1918 год).

³²Заключение по историческим материалам о роли Тухачевского в применении химического оружия в Тамбовской области. С. 1-3.

³³Приказ-обращение Полномочной комиссии ВЦИК к повстанцам. 11 июня 1921 года. См. «Антоновщина». Крестьянское восстание в Тамбовской губернии в 1920-1921 годах. Документы, материалы, воспоминания. Тамбов, 2007. С. 402-403.

³⁴Циркуляр Тамбовского командования. 17 июня 1921 года. РГВА. Ф.235. Оп.3. Д.56. Л.4.

³⁵Краткие указания о защите от удушливых газов и способы применения их. 22 июля 1921 года. РГВА. Ф.235. Оп.3. Д.59. Л.13.

³⁶Тухачевский М.Н. Борьба с контрреволюционными восстаниями. // Война и революция. 1926. №7. С. 7-8.

³⁷Приказ командования войсками Тамбовской губернии о применении удушливых газов против повстанцев. 12 июня 1921 года. См. «Антоновщина». Крестьянское восстание в Тамбовской губернии в 1920-1921 годах. Документы, материалы, воспоминания. Тамбов, 2007. С. 406.

³⁸Краткие указания о защите от удушливых газов и способы применения их. 22 июля 1921 года. РГВА. Ф.235. Оп.3. Д.59. Л.13.

³⁹*«К первому виду, к так называемым большим (тяжелым) газобаллонным выпускам, относятся такие, которые имеют продолжительность выпуска от одного часа и более. Выпуск производится обычно несколькими последовательными волнами, продолжительностью от 20 и до 60 минут каждая. Промежутки между отдельными волнами колеблются от 20 минут и до 1 часа. Таким образом, общее время газобаллонного выпуска составляет от одного и до нескольких часов (4-6). Фронт такого выпуска бывает или сплошным, или составляется из нескольких участков с общим протяжением от одного до пяти, а иногда и более километров. Общая площадь, занимаемая отравленным воздухом при больших газобаллонных выпусках, достигает нескольких сот квадратных километров, при глубине проникновения газовой волны до 15-25 и более км. Никаким другим способом химического нападения (обстрел артиллерийскими химическими снарядами, газометный обстрел) невозможно покрыть таких громадных площадей. В этом состоит основная особенность данного способа химического нападения»* // Военно-химическое управление РККА. Военно-химическое дело: пособие для начальствующего состава РККА. Под ред. Я.М. Фишмана. М. - Л., 1930. С. 82.

⁴⁰Подробнее об условиях, влиявших на газобаллонный выпуск, см. Военно-химическое управление РККА. Военно-химическое дело. Пособие для начальствующего состава РККА. Под ред. Я. М. Фишмана М.- Л., 1930. С. 85-90; Главное артиллерийское управление. Сведения по военно-химическому делу. М., ВВРС, 1923. С. 24-28 и др.

⁴¹Некоторое представление о том, как выглядела волновая атака, можно составить по фрагментам учебного фильма по противогазовой обороне, показанным в «Исторических хрониках Николая Сванидзе. 1921 год. Маршал Тухачевский». На кадрах видно, как бойцы химкоманды, прикрепив концы выводных шлангов к вентилям баллонов, выбрасывают за пределы окопа, в котором установлены баллоны, свободные концы шлангов с дисками-распылителями, где и происходит переход сжиженного ОВ в газообразное состояние. Баллоны, судя по их размерам и длине выводных шлангов – Е70. Фильм, однако, не следует воспринимать как полностью документальный. Он именно учебный и посвящен противохимической обороне, популяризации противогазов как средства индивидуальной защиты и отечественных фильтрующих противогазов Кумманта-Зелинского. На это указывает не только показанный во всех подробностях процесс одевания указанных противогазов, но и некоторая условность самой газовой атаки. В ленте присутствует целый ряд неточностей, не имевших места при реальных газобаллонных атаках. Так, бойцы химкоманды в окопах – без противогазов, тогда как при подготовке и проведении газопуска на них противогазы должны были быть в обязательном порядке. Еще одной явно выраженной неточностью относительно реальной боевой обстановки является то обстоятельство, что газопуск начался до окончания его подготовки – на одном конце окопа

уже начали выпуск газа, тогда как на другом конце окопа его еще только начали отрывать. И наконец, на ленте представлены единичные газопуски, тогда как на практике тяжелые газовые баллоны чаще всего собирали в батарею, когда несколько баллонов подсоединяли к одному коллектору с общим выводным шлангом – это позволяло экономить арматуру и сократить число людей, обслуживавших батарею. В фильме показана не реальная газовая атака, а лишь условно обозначено ее наличие с одновременной демонстрацией фрагментов ее подготовки.

⁴²Фишман Я.М. Газовая война. М., 1924. С. 282. В конце войны, но главным образом уже после нее, были предприняты попытки снаряжать баллоны фосгеном с углекислотой или сжатым воздухом для распыления. См. Фишман Я.М. Военнохимическое дело в современной войне. М.-Л., 1930. С. 61.

⁴³Для усиления эффекта газобаллонные выпуски могли сопровождаться газоснарядной стрельбой ствольной артиллерии.

⁴⁴«...Главком полагает, что в настоящей войне, в коей боевые действия носят чисто полевой характер, случаи применения выпуска газов едва ли возможны. Однако возможны исключения для тех участков фронтов, где боевые действия носят характер позиционной войны (Карельский перешеек)...» - Резолюция Главкома о применимости газов в условиях текущей войны. 22 мая 1919 года. РГВА Ф.20. Оп.9. Д.94. Л.78.

⁴⁵РГВА Ф.6. Оп.6. Д.87. Л.74-76. Подробнее смотри: Бобков А. С.. Об одном случае подготовки газовой атаки во время Гражданской войны // Скепсис. Сетевой журнал. http://scepsis.ru/library/id_3051.html.

⁴⁶Главное артиллерийское управление. Сведения по военно-химическому делу. М., ВВРС, 1923. С. 28.

⁴⁷Главное артиллерийское управление. Сведения по военно-химическому делу. М., ВВРС, 1923. С. 45-46.

⁴⁸Владимир Никитич Баташев - военный инженер-технолог, редактор Артиллерийского комитета; мл. инспектор (с июня 1924 года), пом. по химии инспектора (с ноября 1924 года), для особых поручений 1 разряда Инспекции артиллерии и бронесил РККА; инспектор химической подготовки РККА (с февраля 1925 года), член Химического комитета при РВС СССР (с июля 1925 года); пом. нач. Военно-химического управления УС РККА, Инспектор Химической подготовки РККА (с сентября 1927 года). См. Реформа в Красной Армии. Документы и материалы 1923-1926 гг. Кн. 2. М., 2006. С. 494.

⁴⁹Баташев В.Н. Вопросы тактики химической войны. Издание Военной академии РККА. М., 1924. С. 13-15.

⁵⁰Подробнее смотри: Военно-химическое управление РККА. Военно-химическое дело. Пособие для начальствующего состава РККА. Под ред. Я. М. Фишмана М.- Л., 1930. С. 77-82.

⁵¹Смотри, в частности, Фишман Я.М. Военнохимическое дело в современной войне. М. – Л., 1930. С. 62-64 и далее.

⁵²Баташев В.Н. Вопросы тактики химической войны. Издание Военной Академии РККА. М., 1924. С. 1.

⁵³Рапорт ГАУ о планах снабжения химическими боеприпасами и другим имуществом. 30 ноября 1919 года. РГВА Ф.20. Оп.9. Д.94. Л.207

⁵⁴Доклад начальника ГАУ по вопросу о возможности выдачи газовых баллонов из боевого запаса на нужды ВСНХ. 14 марта 1919 года. РГВА Ф.46. Оп.4. Д.479. Л.55 и др.

⁵⁵Краткие указания о защите от удушливых газов и способы применения их. 22 июля 1921 года. РГВА. Ф.235. Оп.3. Д.59. Л.13.

⁵⁶Главное артиллерийское управление. Сведения по военно-химическому делу. М., ВВРС, 1923. С. 27.

⁵⁷Военно-химическое управление РККА. Военно-химическое дело. Пособие для начальствующего состава РККА. Под ред. Я. М. Фишмана М.- Л., 1930. С. 86-87.

⁵⁸В это время большая часть специалистов – военных химиков находилась в экспедициях по линии Наркомата земледелия, главным образом на Кубани, для борьбы с нашествием саранчи. Отозвать их в Тамбов для «выкуривания повстанцев из лесов» никому даже в голову не пришло. Это обстоятельство само по себе говорит о приоритетах советского правительства и о том, что на самом деле тогда было важнее.

⁵⁹РГВА. Ф.12163. Оп.1. Д.2. Л. 62-150. Смотри: Бобков А.С. К вопросу об использовании удушающих газов при подавлении Тамбовского восстания // Скепсис, 2011. Сетевой журнал. http://scepsis.ru/library/id_2974.html.

⁶⁰Рапорт Пуськова об инспектировании Химроты. 5 июля 1921 года. РГВА. Ф.235. Оп.3. Д.35. Л. 9.

⁶¹ Военно-химическое управление РККА. Военно-химическое дело. Пособие для начальствующего состава РККА. Под ред. Я. М. Фишмана М.-Л., 1930. С. 87-89.

⁶²Фишман Я.М. Военнохимическое дело в современной войне. М.-Л., 1930. С. 62.

⁶³Рапорт Пуськова об осмотре прибывших газовых баллонов. 1 июля 1921 года. РГВА. Ф.235. Оп.3. Д.42. Л.43.

⁶⁴Военно-химическое управление РККА. Военно-химическое дело: пособие для начальствующего состава РККА. Под ред. Я.М. Фишмана. М.-Л., 1930. С. 77-78. Смотри также Приложение к настоящей главе.

⁶⁵Выписка из регулярного рапорта Тамбовского Инспарта Касинова Комвойсками Тухачевскому. 13 июля 1921 года. РГВА. Ф.235. Оп.3. Д.34. Л.17.

⁶⁶Краткие указания о защите от удушливых газов и способы применения их. РГВА. Ф.235. Оп.3. Д.59. Л. 10 об.

⁶⁷Об отправке Украинского Химотряда в Тамбов. 21 июня 1921года. РГВА. Ф.235. Оп.3. Д.59. Л.9.

⁶⁸Подробнее см.: Бобков А. С. Об одном случае подготовки газовой атаки во время Гражданской войны // Скепсис. Сетевой журнал. http://scepsis.ru/library/id_3051.html.

⁶⁹Рапорт о проведенных учениях. 27 июля 1921 года. РГВА. Ф.235. Оп.3. Д.59. Л.31, 31об.

⁷⁰Запрос Касинова на отпуск баллонов для учений. 20 июля 1921 года. РГВА. Ф.235. Оп.3. Д.59. Л.25.

⁷¹Ответ ГАУ об отправке неиспользованных химических боеприпасов. 6 сентября 1921 года. РГВА. Ф.235. Оп.4. Д.72. Л.11.

⁷²Письмо НачАОН Тамбовскому Инспарту относительно Химроты. 8 сентября 1921 года. РГВА. Ф.235. Оп.3. Д.59. Л.43.

⁷³Писарев Е.В. Газовая атака // Белая гвардия. 2002. №6. С. 105.

⁷⁴Сенников Б.В. Тамбовское восстание 1918-1921 гг. и раскрестьянивание России 1929-1933 гг. Серия «Библиотечка россиеведения». Выпуск 9. М.: Посев, 2004.

⁷⁵Донесение Начарта 2 Смока. 20 июля 1921 года. РГВА. Ф.235. Оп.3. Д.42. Л.55.

⁷⁶Донесение Начарта 6 Родова. 16 июля 1921 года. РГВА. Ф.235. Оп.3. Д.42. Л.56.

⁷⁷Донесение Начарта 6 Родова. 3 августа 1921 года. РГВА. Ф.235. Оп.3. Д.37. Л.7.

⁷⁸Оперсводка 2-го боеучастка к 14 часам 14 июля 1921 года. 14 июля 1921 года. РГВА. Ф.451. Оп.1. Д.78. Л.42.

⁷⁹Оперсводка 2-го боеучастка к 23 часам 13 июля 1921 года. 13 июля 1921 года. РГВА. Ф.451. Оп.1. Д.78. Л.41.

⁸⁰Заключение по историческим материалам о роли Тухачевского в применении химического оружия в Тамбовской области. С. 4.

⁸¹Донесение Начарта 2 Смока. 20 июля 1921 года. РГВА. Ф.235. Оп.3. Д.42. Л.55.

⁸²Доклад инспектору артиллерии штаба Комвойск Тамбовской губернии. 15 августа 1921 года. РГВА. Ф. 235. Оп. 3. Д. 35. Л. 10.

⁸³Башинский Р.И. Действительность артиллерийского огня // Революция и война. 1924. Сб. 1-28. С.15.

⁸⁴Фишман Я.М. Военнохимическое дело в современной войне. М.-Л., 1930. С. 48-49.

⁸⁵ Военно-химическое управление РККА. Военно-химическое дело: пособие для начальствующего состава РККА. Под ред. Я.М. Фишмана. М.-Л., 1930. С. 111-112, 159.

⁸⁶Триандафиллов В. К. Характер операций современных армий. М., 1936. С. 116.

⁸⁷Банчик. Материалы к вопросу о химической стрельбе // Военно-химическое дело. 1924. Декабрь. С.13.

⁸⁸Выписка из приказа по войскам 6 боеучастка. 28 июля 1921 года. РГВА. Ф.34228. Оп.1. Д.208. Л.70.

⁸⁹Иванов В. Стрельба химическими снарядами // Военный вестник. г.н. №29. С.22.

⁹⁰Инструкция Касинова о защите от удушливых газов и способы применения их 22 июля 1921 года. РГВА. Ф.235. Оп.3. Д.59. Л.13.

⁹¹При определении боевых норм исходили из того, что нужно создать газовое облако на территории определенной площади, то есть стрельба велась всегда по площадям. Стрельба единичными снарядами повсеместно была запрещена как бессмысленный расход боеприпасов.

⁹²«Газовый налет» был не единственным известным в Первую Мировую войну и сразу после нее типом архимстрельбы, но остальные исходят из необходимости воздействовать на противника в противогазе, поэтому здесь не рассматриваются. Также не рассматривается стрельба на заражение местности по причине отсутствия, как в Тамбовской губернии, так и вообще в России в 1921 году ипритных снарядов.

⁹³Бенкевич И.. Роль химических минометов в маневренной войне // Военно-химическое дело. 1924. Декабрь. С. 4.

⁹⁴Приказ по Военной Академии РККА им. М.В.Фрунзе. 26 февраля 1927 года. РГВА. Ф. 24696. Оп. 1. Д. 216 Л. 71.

⁹⁵Лебедев В. Борьба русской демократии против большевиков. // 1918 год на Востоке России. М., 2003. С. 169. Об авторе: Лебедев Владимир Иванович. Полковник, морской министр Временного правительства, член Учредительного собрания. В белых войсках восточного фронта; летом 1918 года член Самарского военного штаба, организатор Народной армии, помощник военного министра Комуча. Дело происходит ранней осенью 1918 года (по сюжету, до занятия красными Сызрани, то есть до 3 октября 1918 года). Ближайший более или менее крупный населенный пункт - город Вольск. Со стороны белых там действовали отряды полковника Махина, а со стороны красных – отряды Четвертой армии Восточного фронта.

⁹⁶Химические снаряды с нестойкими ОВ не имели осколочного действия, так как содержали уменьшенный заряд взрывчатого вещества. ВВ в химснарядах являлось вспомогательным и предназначалось только для вскрытия корпуса снаряда, или для разрыва корпуса снаряда с последующим разбрызгиванием заряда ОВ. Поэтому химические снаряды, строго говоря, не взрывались, а разламывались – в этом плане описание В.И.Лебедева очень точно, он сообщает, что обычного взрыва не было, а снаряды «лопались особенно нежно». Незначительный осколочный эффект могли иметь снаряды с усиленным зарядом ВВ, которые снаряжались медленно испаряющимися жидкими ОВ, т.е. ОВ с высокой температурой кипения, или же специальные осколочно-химические, снаряжавшихся твердыми ОВ. В конкретном плане речь идет о снарядах с арсинами и ипритных, которых ни в старой армии, ни в РККА в то время не было. Подробнее смотри: Военно-химическое управление РККА. Военно-химическое дело: пособие для начальствующего состава РККА. Под ред. Я.М. Фишмана. М.-Л., 1930. С. 106.

⁹⁷Так, в течение 1919 года на армейских артскладах 5 армии Восточного фронта постоянно хранилось около двух тысяч химических снарядов. Единственным исключением являлся Северный фронт, где боевые действия носили в значительной степени позиционный характер.

⁹⁸Смотри, в частности: Мокеров В. Курсантский сбор на борьбе с антоновщиной. Цит. по: Самошкин В.В. Антоновское восстание. М., Русский путь, 2005. С. 334. Примечательно, что Мокеров жалеет о том, что химических снарядов у них не было: *«К сожалению, артиллерия курсантского сбора да и все прочие части не обладали химическими снарядами, использование которых могло бы дать действительно большие результаты, хотя бы даже только в моральном отношении».*

⁹⁹Вопросы газоборьбы широко обсуждались на страницах газет, в частности, «Красной звезды», а также специализированных журналов - «Военный вестник», «Военная наука и революция», «Военная мысль и революция», «Военное обозрение», «Военный зарубежник», «Военное знание», «Война и революция», «Военно-химическое дело», «Артиллерийское дело», «Красная армия» и др.

¹⁰⁰Фишман Я.М.. Военнохимическое дело в современной войне. М.-Л., 1930. С.13-14.

¹⁰¹Де Лазари А.М. Химическое оружие на фронтах Мировой войны 1914-1918 гг. Краткий исторический очерк. Под ред. М.В. Супотницкого. М., 2008. http://www.supotnitskiy.ru/book/book5_prilogenie12.htm, http://www.supotnitskiy.ru/book/book5_kommentarii11_20.htm, http://www.supotnitskiy.ru/book/book5_kommentarii21_30.htm и др.

¹⁰²Подробнее о производстве удушающих средств смотри: Сводная ведомость о заводах и фабриках – производителях У.С. 21 июня 1919 года. РГВА Ф.20. Оп.9. Д.94 Л.125; Об условных обозначениях удушающих средств. 29 марта 1919 года. РГВА. Ф 20. Оп. 11. Д. 33. Л. 51; Рапорт о результатах инспектирования Софринского артсклада. 15 октября 1920 года. РГВА Ф.20. Оп.11. Д.142. Л.22.

¹⁰³Выписка из инструкции на хранение в мирное время химснарядов в Артскладах. РГВА Ф.20. Оп.11. Д.156. Л.291-292.

¹⁰⁴Супотницкий М.В. Химическая война в России // Офицеры. 2010. № 6 (50). С. 52–57; Федоров Л.А. Химическое вооружение - война с собственным народом (трагический российский опыт). В 3-х т., Том 1. Долгий путь к химической войне. - М.: Лесная страна, 2009. С.111.

¹⁰⁵Сопроводительное письмо на отправленные химснаряды 22 июня 1921 года. РГВА. Ф.235. Оп.4. Д.101. Л.104.

¹⁰⁶Выписка из отчета по движению и наличию боеприпасов в Шуйском огнескладе за июнь 1921 года. РГВА. Ф.20. Оп.11. Д.156. Л.674.

¹⁰⁷См. Баташев В.Н. Вопросы тактики химической войны. Издание Военной Академии РККА. М., 1924. С. 3. При всей условности каких-либо классификаций, полностью отказываться от них нельзя, поскольку и для тогдашних военных классификация ОБ в зависимости от физиологических, физических или тактических свойств представляла интерес не столько чисто теоретический, но в первую очередь практический, поскольку разные типы снарядов использовались с разными целями.

¹⁰⁸Подробнее смотри Приложение.

¹⁰⁹Луговой Б.Н. Артиллерийская газовая атака. Белград, 1926. С. 18.

¹¹⁰Фишман Я.М. Военнохимическое дело в современной войне. М.-Л., 1930. С. 14.

¹¹¹Фишман Я.М. Газовая война. М., 1924. С. 75.

¹¹²Синильная кислота ввиду высокой летучести (ее пары легче воздуха) никогда не использовалась в чистом виде – только в тактических смесях (в частности, т.наз. «винсеннит» - 50% синильной кислоты, 30% треххлористого мышьяка, 15% хлорного олова и 5% хлороформа), призванных «утяжелить» пары синильной кислоты, в противном случае при разрыве химического снаряда образовать газовое облако концентрации, достаточной для оказания воздействия на организм, она просто не успевала. Смотри: Сыромятников А. Тактика химической борьбы. М., 1925. С. 61-62

¹¹³ Главное артиллерийское управление. Сведения по военно-химическому делу. М., ВВРС, 1923. С. 4.

¹¹⁴В частности, в ведомости о состоянии оружия и боевых припасов в парках и складах Западной армии (белых) Восточного фронта по состоянию к 21 июня 1919 года снаряды на основе синильной кислоты обозначались отдельно и выделялись из категории «химических».

Наименование частей

Окружной арт. Склад

Челябинск

Снаряды

3" шрапнели – 132777 из них не оконч. снар. – 55488

3" гранаты – 26232 из них не оконч. снар. – 1480 химич 378 цианист 3484

6" бомбы – 355 химич 195

Заведующий артиллерийской частью Западной армии подполковник Федоров

Начальник 11 отделения подполковник Лукин

(Артиллерийское. Оперативного отделения штаба Западной Армии. Начато 21 мая 1919 года, кончено 7 августа 1919 года. РГВА. Ф. 39624. Оп. 1. Д. 194. Л. 20, 20 об, 21, 21 об.).

¹¹⁵Подробнее смотри: Бобков А. С. Об одном случае подготовки газовой атаки во время Гражданской войны // Скепсис. Сетевой журнал. http://scepisis.ru/library/id_3051.html.

¹¹⁶Рапорт об отправке баллонов и хлорпикриновых снарядов. 9 ноября 1920 года. РГВА Ф.20. Оп.11. Д.140. Л.120.

¹¹⁷Информационное сообщение о прекращении поставок химических боеприпасов на Южный фронт в связи с исчезновением необходимости в них. 16 ноября 1920 года. РГВА Ф.20. Оп.11. Д.140. Л.123.

¹¹⁸Заключение по историческим материалам о роли Тухачевского в применении химического оружия в Тамбовской области. С. 7.

¹¹⁹Луговой Б.Н. Артиллерийская газовая атака. Белград, 1926. С. 18. Те же данные приводит Е.П. Банчик. Согласно ему, доступ на обстрелянные участки считался возможным при скорости ветра 2 м./сек. через такие сроки: при обстреле синильной кислотой (винсеннитом) – в открытом поле через 8 минут, в лесу – через 30 минут, фосгеном – 20 минут в поле и 3 часа в лесу, хлорпикрином – 1 час и 20 часов соответственно, ипритом – 24 часа и 7-10 дней соответственно. См. Банчик. Материалы к вопросу о химической стрельбе // Военно-химическое дело. 1924. Декабрь. С. 15.

¹²⁰ Главное артиллерийское управление. Сведения по военно-химическому делу. М., ВВРС, 1923. С. 14; Фишман Я.М. Военнохимическое дело в современной войне, М.-Л., 1930. С. 31-34; Федоров Л.А. Химическое вооружение – война с собственным народом (трагический российский опыт). Том 1. Долгий путь к химической войне. М., 2009. С. 111.

¹²¹Каппелевич. Артиллерийская химическая стрельба по данным иностранных армий // Война и революция. 1925. Кн. 3

¹²²Франке З., Франц П., Варнке В. Химия отравляющих веществ. М., «Химия», 1973. Т. 2. С. 344-345.

¹²³По мнению Л. А. Федорова, хлористый сульфурил использовался также и в качестве дымообразователя. См. Федоров Л.А. Химическое вооружение – война с собственным народом (трагический российский опыт). Том 1. Долгий путь к химической войне. М., 2009. С. 111.

¹²⁴Баташев В.Н. Вопросы тактики химической войны. Издание Военной Академии РККА. М., 1924. С. 1-9; Годжелло М. Организация стрельб химическими снарядами // Военно-химическое дело. 1924. №5; Бенкевич И. Роль химических минометов в маневренной войне // Военно-химическое дело. 1924. № 2 и др.

¹²⁵«Антоновщина». Крестьянское восстание в Тамбовской губернии в 1920-1921 годах. Документы, материалы, воспоминания. Тамбов, 2007. С. 17.

¹²⁶http://avalon.law.yale.edu/19th_century/hague02.asp

¹²⁷http://avalon.law.yale.edu/20th_century/hague04.asp, <http://www.memo.ru/Prawo/hum/haag07-1.html>.

¹²⁸Военные обычаи в сухопутной войне. Составлено германским генеральным штабом в 1902 году. Перевел с немецкого Генерального штаба полковник Михельсон. Издание Военно-статистического отдела Главного Штаба. СПб., 1904. С. 10-11.

¹²⁹Военные обычаи в сухопутной войне. Составлено германским генеральным штабом в 1902 году. Перевел с немецкого Генерального штаба полковник Михельсон. Издание Военно-статистического отдела Главного Штаба. СПб., 1904. С. 12. Излишне напоминать, что с началом Первой Мировой войны колониальные войска использовались, в том числе на европейском театре военных действий, всеми странами, имевшими колонии. В одной только Британской Индии в ходе войны было мобилизовано 1 440 437 человек, около 1 000 000 индийских военнослужащих были отправлены за пределы Британской Индии, из которых 64 449 военнослужащих погибли, 128 000 человек были ранены и 11 264 человек попали в плен.

¹³⁰Смотри текст Конвенции на сайте общества «Мемориал».

¹³¹Смотри текст Протокола на сайте общества «Мемориал».

¹³²*«ПРОТОКОЛ. (Париж, 5 апреля 1928 года) Посол Союза Советских Социалистических Республик в Париже прибыл сего числа в Министерство иностранных дел Французской Республики и сдал на хранение грамоту ратификации Центральным Исполнительным Комитетом Союза Советских Социалистических Республик Протокола относительно запрещения применения на войне удушливых, ядовитых или других подобных газов и бактериологических средств, подписанного в Женеве 17 июня 1925 года, сделав нижеследующие оговорки:*

1) что названный Протокол обязывает Правительство Союза Советских Социалистических Республик только по отношению к государствам, которые его подписали и ратифицировали или к нему окончательно присоединились;

2) что названный Протокол перестанет быть обязательным для Правительства Союза Советских Социалистических Республик в отношении всякого неприятельского

государства, вооруженные силы которого, а также формальные или фактические союзники которого не будут считаться с воспреещением, составляющим предмет этого Протокола.

Указанная грамота была предъявлена и будучи, по ознакомлении, найдена в добром порядке и надлежащей форме, была вверена Правительству Французской Республики для оставления на хранение в его архивах.

Заверенная копия настоящего Протокола будет сообщена Договаривающимся державам.

В удостоверение чего нижеподписавшиеся составили настоящий Протокол, к которому они приложили свои печати.

Учинен в Париже 5 апреля 1928 года. (Подписи)» <http://www.lawmix.ru/abro.php?id=1697>

¹³³Боевое применение химического оружия в Первую Мировую войну изучено сравнительно неплохо. Гораздо менее известны факты применения газов в гражданскую войну, хотя они шли в ход гораздо чаще, чем об этом известно широким слоям читающей общности.

¹³⁴Подробнее смотри: Держкович А. К вопросу о гуманности химической войны // Техника и снабжение Красной Армии. Артиллерийское дело. 1923. № 44-45, 1 окт. С. 1-7; Фишман Я. Газовая война. М., 1924. С. 36-43; Комментарии по указанному вопросу М.В.Супотницкого – http://www.supotnitskiy.ru/book/book5_kommentarii1_10.htm

¹³⁵Держкович А. К вопросу о гуманности химической войны // Техника и снабжение Красной Армии. Артиллерийское дело. 1923. № 44-45, 1 окт. С. 5.

¹³⁶Безвозвратные потери от газов русской армии за всю Первую Мировую войну составили 11 тысяч человек (по данным М.В.Супотницкого) при общем числе безвозвратных потерь 626 440 человек, по данным ЦСУ СССР 1925 г. Смотри: Россия в мировой войне 1914–1918 гг. (в цифрах). М.: ЦСУ СССР, военно-статистический отдел, 1925.

УДК 94

**«Леса, где прячутся бандиты,
очистить ядовитыми, удушливыми газами...»:
Мифы и факты о Тамбовском восстании (Окончание)**

¹Александр Валентинович Глушко

²Наталья Игоревна Шило

¹ Научно-производственное объединение Энергомаш им. акад. В.П. Глушко, Российская Федерация

E-mail: generalmajor_72@mail.ru

² Институт миграции и межнациональных отношений, Российская Федерация
сотрудник

E-mail: n_shilo@inbox.ru

Аннотация. В статье рассматриваются события, связанные с подавлением антисоветского крестьянского восстания в Тамбовской губернии («антоновщины») летом 1921 г. в контексте применения против повстанцев химического оружия. На основе новых архивных документов и малоизвестных работ советских и зарубежных военных химиков рассматривается процесс принятия решения на применение химического оружия, подготовка к химическому нападению, вопросы тактики и состав токсичных веществ в боеприпасах. В статье делается вывод о том, что в ходе подготовки и применения химического оружия были нарушены все условия, обеспечивающие его успешность. В частности, использование газовых баллонов в условиях повышенной сложности поставленных задач оказалось невозможным наличными силами и средствами по причине неподготовленности личного состава и заведомо недостаточного количества боеприпасов. Также неэффективными оказались артобстрелы с использованием химических снарядов по

причине необученности личного состава артиллеристов и недостаточного расхода боеприпасов. И наконец, присланные в Тамбовскую губернию снаряды предназначались для выведения противника из строя, а не для его физического уничтожения, поскольку их основной боевой эффект обеспечивался с помощью токсичного вещества слезоточивого действия. В итоге делается вывод о невозможности эффективного применения химического оружия и тем более о невозможности человеческих жертв. Его использование носило единичный характер и не оно явилось решающим фактором для ликвидации восстания.

Ключевые слова: Тамбовское восстание 1921 г.; антоновщина; Красная армия; М.Н. Тухачевский; химическое оружие; газы; крестьяне; газобаллонная атака; артхимстрельба; тактика; токсичные вещества; жертвы.

Copyright © 2014 by Academic Publishing House *Researcher*

Published in the Russian Federation
Voennyi Sbornik
Has been issued since 2013.
ISSN: 2309-6322
Vol. 4, No. 2, pp. 120-133, 2014

DOI: 10.13187/issn.2309-6322
www.ejournal6.com

UDC 94(470)"18/19

The Governmental Regulation of Medical Provision for Russian Army from 18 Till the Middle of 19 Century

Nataliya N. Koroteeva

The South-West State University, Russian Federation
305040, Kursk, 50 years of October street, 94
Dr. (History), Professor
E-mail: koronna.nat@mail.ru

Abstract. In the article the procedure of medical supply of Russian army from 18 till the middle of 19 century was viewed. Special attention was paid to the governmental regulation of medical provision for military subdivisions. The roots go back to Chemistry department – the first agency of medical regulation in the Russian nation. Its functions included the medical supply of military subdivisions with medical means and its distribution. During the reign of Peter the first the foundation of military chemistry was based. The principals were connected with the need of regular supply of the army and hospitals by medicines due to frequent wars. Military pharmaceutical net was represented by drug stores, controlled by Chemistry Department in the beginning of the 18 century. Then it was the section of state medical provision by Ministry of Home Affairs. The Stores were divided into state, hospital and in-the-field, depending on their purpose and functions of medical supply. Organizational and technical Arrangements of medical regulation were stated in details. The purposes of different types of chemist's were also taken up. The author considered the legislative basis and archival sources, found the leading role of the government in management of pharmaceutical supply of armed forces. Organizing and controlling government functions were determined by the special way of business management. It included the possibility of hygiene infractions, also abuse of authority and overdoses.

Keywords: medical supply; military chemistry; state pharmacy; drugs, medical treatment; drugs' forms.

Введение. В истории российского аптечного дела можно выделить три направления развития: частная аптечная сеть, военная фармация и общественное аптечное дело. Основы военной аптечной службы были заложены Петром I с организацией сети казенных аптек для упорядочения снабжения медикаментами армии и флота. Лекарственное снабжение армии в допетровскую эпоху осуществлялось Аптекарским приказом – первым органом управления медицинским делом в Русском государстве. Аптекарский приказ, осуществлял снабжение всех воинских подразделений лекарственными средствами и распределение их по полкам. Исторические источники не содержат сведений о регулярном медицинском снабжении армии до этого времени, что позволяет сделать вывод о том, что его просто не существовало. В ходе военных операций приходилось оказывать медицинскую помощь многим сотням раненым, в связи с чем практика выдачи денег для лечения теряла смысл. Государству стало выгоднее брать полковых лекарей на полное довольствие и обеспечение

медикаментами. Вначале медикаменты выдавались полковым лекарям за плату, которую они компенсировали взиманием с раненых и больных платы за услуги: «По государеву указу дано из государевы аптекарские казны на службу лекарем Тобиюсова полку Ивану Шлюцу да Валентинова полку Росдармова Немчину Ивану Генику два сундука, а в них обтекарских всяких лекарств и снастей барберских на сто на один рубль на три алтына с деньгой а те деньги указал государь на них взятии на три срока...» [1]. Для доступности лекарственной помощи раненым выдавалось денежное пособие «на лечбы ран и зелье» [1]. Объем работ по лекарственному снабжению возрастал. Для обеспечения армии медикаментами были организованы аптечные склады в Полоцке, Могилеве, Архангельске. Рациональная постановка снабжения требовала ведения постоянного учета наличия и расходования медикаментов войсках, поэтому полковые лекари обязывались регулярно посылать в Аптекарский приказ отчеты о том, сколько «наши ратные люди на боях будут ранены и больны и сколько каких лекарств в расход выдет...» [2]. Движение медикаментов в полках строго учитывалось, а в случае необходимости производилось перераспределение запасов. Новинкой этого времени стала передвижная, следовавшая за полками, аптека, с несколькими учеными лекарями.

Необходимость регулярного обеспечения армии и госпиталей медикаментами, вследствие частых войн (Северная 1700-1721 гг., русско-турецкие войны 1710-1713, 1735-1739 и 1768-1774 гг., война за польское наследство 1733-1735 гг., русско-шведская 1741-1743 гг., Семилетняя 1756-1763 гг. войны, а также народные восстания и мятежи 1706, 1708, 1773-1775 гг.) способствовала развитию сети полевых и госпитальных аптек. В Петербурге первая аптека для лекарственного снабжения армии была основана почти одновременно с основанием города, а именно в 1704 г. Размещалась она в Петропавловской крепости, а в 1734 г. была переведена в специально построенное здание Медицинской канцелярии [3]. Аптека эта называлась Главной. Из Санктпетербургской Главной аптеки отпускались медикаменты в полки: «Кецгольмский пехотный», «Янбургский драгунный», в «Вологоцкой пехотный», «Нижегородский пехотный» [4] и др. Параллельно статус Главной получила и одна из московских аптек в 1706 г., когда туда был назначен комиссар П. Веселовский «для управления всякими делами» [5]: «...где есть гарнизоны, и в те города во все Комендантам, и к кому надлежит послать о сборе за медикаменты денег Свой Великаго Государя Указ, чтоб сборныя деньги присылали к Москве в Его Государеву тое Главную аптеку...также какая лекарства понадобятся, и о тех лекарствах присылають росписи...» [5]. Московская главная аптека снабжала медикаментами отдаленные воинские подразделения, например «Якуцкий полк Сибирского гарнизона» [6]. Таким образом, Главные аптеки становятся центром лекарственного снабжения непосредственно полков. В 1704 г. учреждается аптека в крепости Кроншлот (Кронштадт). Аптека снабжала медикаментами гарнизон крепости и гражданское население. Через несколько лет она была переведена в Петербург и стала называться «верхней» аптекой [7]. Затем были открыты еще две аптеки – Нижняя (на территории современного Гостиного двора) и Адмиралтейская (в Адмиралтействе). В 1707 г. была учреждена полевая аптека в Лубнах, в 1715 г. – открылась полевая аптека в Киеве, в 1716 г. – в Сибири при войсках Сибирского корпуса [8].

В царствование Петра I открываются и госпитальные аптеки для лекарственного снабжения раненых и больных. Указом Петра I в Москве в 1706 г. началось строительство первого постоянного военного госпиталя: «...построить гошпиталь за Яузой рекою против Немецкой слободы, в пристойном месте, для лечения болящих людей. А у того лечения быть доктору Николаю Бидлоо, да двум лекарям, Андрею Рыбкину, а другому, кто прислан будет; да из иноземцев и из русских, изо всяких чинов людей набрать для аптекарской науки 50 человек...» [9]. Построен был госпиталь за счет средств Монастырского приказа [10]. 21 ноября 1707 г. состоялось торжественное открытие госпиталя, рассчитанного на 300 коек. Его организатор доктор Бидлоо в этот же день докладывал царю: «...впервые несколько больных в тот дом приведено» [8]. При госпитале была создана аптека: «просторная зала с окнами на три стороны» [8], которая размещалась на втором этаже главного деревянного корпуса, соединенного переходами с другими деревянными зданиями. При аптеке имелась лаборатория для приготовления настоев, отваров и лекарственных форм из растительного сырья, которое выращивалась в саду и на аптечном огороде госпиталя.

В своей деятельности аптека руководствовалась «Генеральным регламентом о госпиталях» 1735 г. Согласно регламенту медикаменты поступали в аптеку из Главной аптеки Москвы ежемесячно, о чем записывалось в специальные книги прихода, а отпускались по рецептам докторов, о чем также записывалось в книги расхода. «Аптекарью надлежит прилежному, трезвому, в науке искусному и осторожному человеку быть, понеже при опрвлении медикаментов и малое пересмотрение, великой ущерб учинить может... Должен в имеющейся при оной аптеке лабораториум, изготовлять всякие медикаменты... и давать в том подлекарям и ученикам госпитальным обучение; також в оной лаборатории вино двоить, и наставлять травами определенными... також всякую аптекарскую посуду содержать в чистоте и в добром охранении, чтоб напрасно ничего утрачено не было...» [8]. Лаборатория госпитальной аптеки, по тем временам, была хорошо оснащена: «2 котла больших медных, 2 котла медных меньших, 2 куба медные, один пять ведр, другой в полтрети ведра с крышками, которой вставлен в медную жаровню; третий котел большой, который вновь сделан из аптеки, медной с крышкой и с трубою, три горшка чугунных, сковорода железная, 2 пруты железных, на которых в горну котлы содержатся, одно решето липово, один ушат деревянный, жаровня железная большая...» [11].

Помимо приготавливаемых лекарственных форм аптека осуществляла закупку лекарственных препаратов и инструментов в Главной аптеке, на что тратилось около 30 % от суммы, ассигнованной на содержание всего госпиталя. Для примера приведу следующие цифры. В 1708 г. на содержание госпиталя было ассигновано 7 000 руб., а расход по аптеке составил 1826 руб. [8]. Номенклатура применявшихся аптечных лекарственных форм был достаточно разнообразна и насчитывала около 300 наименований: камфара, миндаль, имбирь, ревень, кардамон, олений рог, шпанские мухи, жженая кость, бобровая струя, минералы и др. Московская госпитальная аптека создавалась с целью медикаментозного обеспечения раненых и больных, находившихся на лечении в данном госпитале.

В царствование Петра I в России было открыто 10 госпитальных аптек при военных госпиталях в Москве, Санкт-Петербурге, Кронштадте, Ревеле, Казани, Астрахани и др. В последующие годы их численность значительно увеличилась, поскольку они стали обязательным подразделением каждого госпиталя. В документах Медицинской коллегии мы находим, что в 1800 г. в России функционировало 52 госпитальные аптеки [12].

Петром I были утверждены реестры лекарственных припасов, которые, в обязательном порядке, должны быть на судах и в полевых аптеках. Они включали 160 наименований лекарственных водок, эссенций, экстрактов, микстур, порошков, корней, масел, мазей, пластырей. Среди них такие лекарства: «квасцов жженных, нежженных, ртути, алоес сукотрина, антимониум крудудум, диарефотикум, водок: поплектиковой, глазной синей, крепкой, болус армена, канфары, сафрану, шпанских мух, гумле, мирре, суфорбиум, спермацету, купоросу, белаго, синяго, бальзамус, зультурус амизатус, теребинтинатус, копаиве, перувианус, кремортартари, конзерва розарум, конфекцию, алкермес ...» [13].

Указанные лекарства бесплатно отпускались для лечения солдат, находившихся в устроенных в Санкт-Петербурге морском и сухопутном госпиталях и «лечебных избах», куда помещались заболевшие «работные люди», присланные на строительство новой столицы. По распоряжению Петра I в указанные лечебные заведения в весьма значительном количестве отпускались водка и пиво, в обязательном порядке поили водкой, настоенной на сосновой хвое, как противоцинготным средством.

В 1725 г. была учреждена полевая аптека в Астрахани: «для той аптеки сделать в Астрахани двор с принадлежащим к аптеке строением и огород в удобном месте, а аптекарскими уборами и посудой и прочим удовольствовать из Московской нижней аптеки, которая близ гостины двора... на содержание той аптеки положить в штате сумму, а именно: в аптеку аптекарей два по 300 руб., аптекарских гезелей два по 160, учеников два по 48, работников восемь по 18 руб. человеку, и того 1160 рублей; на материалы заморские 2000 руб.; на припасы, кои покупаются в России и на содержание при аптеке огорода 1500 и того 3500 рублей...» [14]. В документах РГАДА есть сведения, что содержание Астраханской полевой аптеки обходилось дешевле, чем планировалось. Так, например в 1740 г. оно составило 3262 руб. 30 коп. [15], в 1794 г. – 3495 руб. 60 коп. [16] Но в 1797 г. аптека была закрыта, при этом в документах отсутствует ссылка на причину ее закрытия [17].

В 1727 г. учреждается аптека в Риге [18]. В 1736 г. был принят регламент о содержании полевых аптек, которые к этому времени были: в Санкт-Петербурге, Москве, Лубнах, Астрахани, Киеве и которым учреждалась Смоленская полевая аптека. Регламент также определил – каким должен быть аптекарь: «к походу искусных и достойных аптекарских гезелей имели...аптекарю старание возиметь, чтоб при аптеки добрая и способная рецептирная коляска...всегда в готовности была...» [19]. По регламенту каждая полевая аптека должна была иметь восемь аптекарских гезелей в военное время, а в мирное – пять, с окладом 120 руб. в год [20]. Но с 1756 г. их количество было увеличено до восьми человек: «ныне де по умножению армии в заготовлении медикаментов большего пред прежним в аптеках труда требуется, почему и служителей при аптеках без недостатка иметь должно...» [21].

В Сибири в 1736 г. была открыта аптека в Барнауле при военной крепости. В 1738 г. была учреждена Воронежская полевая аптека: «полевую аптеку учредить в Воронежском Губернаменте и туда перевести обретающихся в Азове и Изюме аптекарских служителей, с имеющимися там аптекарскими припасами, и стоящих в Азове и около Изюма полков удовлетворять медикаментами по усмотрению, из Воронежской полевой аптеки» [22]. Для открытия этой аптеки в Воронеж был послан аптекарь Волтерс и для него Медицинская канцелярия требовала «дабы оному аптекарю Волтерсу по прибытии его в Воронеж дана была надлежащая квартира и для свободного собирания во всех местах где надлежит... и по Дону всяких аптекарских трав и кореньев и прочего от оной канцелярии по требованию показанного аптекаря Волтерса дан был надлежащий пашпорт...» [23]. Воронежская полевая аптека снабжала лекарствами не только полки, стоящие в Азове и около Изюма, но и гарнизонный полк в Тамбове [24].

При Адмиралтействе были учреждены помимо Санкт-Петербургской еще три аптеки: Ревельская, Кронштадская и Архангелогородская [25]. В регламенте Петра I об управлении адмиралтейством указывается следующее: «В Санктпетербургском госпитале, иметь главную аптеку для флота и больных. А в прочих госпиталиях, во всяком иметь особливую аптеку качеством по разсуждению архиатера» [26; с. 145] и указываются обязанности аптекаря: «содержать лекарства в добром порядке и сбережении..., отправлять лекарства по рецептам докторским..., об отдаче лекарских сундуков лекарям корабельным..., испорченных лекарств не принимать и не держать..., о приеме в аптеку лекарств добрых..., о записывании в книгу приходу и расходу лекарств и отчет давать Архиатеру...» [26; с. 161-162].

Таким образом, в начале XVIII в. происходит последовательное расширение сети казенных аптек госпитальных и полевых, находившихся под контролем государства. Петром I были заложены основы государственного управления лекарственным обеспечением армии и флота.

Данная тема не нашла широкого отражения в отечественной историографии, имеются лишь отрывочные сведения о некоторых фактах лекарственного обеспечения русской армии.

Материалы и методы. Основным источником для написания статьи стали нормативно-правовые акты: Полное собрание законов Российской империи (Собрание 1 и Собрание 2) и Свод законов Российской империи, в которых нашли отражение правовые акты, направленные на становление и развитие государственного регулирования лекарственного обеспечения русской армии.

Обширный пласт информации отложился в фондах органов управления аптечной службой Российского государственного архива древних актов: в фонде 344 Медицинская коллегия, фонде 346 Медицинская канцелярия, а также в документах фонда 796 Канцелярия Синода Российского государственного исторического архива.

Значимым подспорьем в изучении темы послужили опубликованные труды историков досоветского периода и некоторые работы исследователей советского и постсоветского периодов.

Объективное исследование государственного регулирования лекарственным снабжением русской армии конца XVIII – XIX вв. базируется на использовании трех групп методов: общелогических, общенаучных, специально-исторических. Они позволили проникнуть в логику явлений и событий. К общелогическим методам относятся: анализ, синтез, абстрагирование, аналогия, индукция и дедукция. Общенаучные методы и, прежде всего, системный и

структурно-функциональный анализ, обеспечили взаимосвязь и взаимодействие философской методологии со специально-историческими методами.

Историко-системный метод позволил раскрыть внутренние механизмы инициирования, разработки и реализации политики государства в области лекарственного обеспечения российских вооруженных сил. Он дал возможность проанализировать теоретические основы, факторы, объективные и субъективные условия формирования государственных решений в сфере военной фармации, в их взаимообусловленности. На его основе государственная политика в данной сфере рассмотрена как система, характеризующаяся внутренней взаимосвязью, образующей единое целое. Применение историко-системного метода в сочетании с диалектическим позволило на примере развития государственного регулирования лекарственного снабжения российской армии показать последствия доминирующей роли государства.

На основе системного анализа были выявлены системообразующие признаки, отражающие целостность и устойчивость политики государства в области военной фармации. К таким признакам отнесены абсолютизация роли государственного регулирования; централизованная система управления; унификация. Использование в процессе исследования системного анализа показало относительную устойчивость политики государства. А с учетом применения метода единства исторического и логического позволило проанализировать изменения в структуре управления военной фармацией.

На основе метода единства исторического и логического автор осуществил сочетание описания хронологии событий в истории военной фармации с теоретическим анализом внутренних взаимосвязей. Применение данного метода позволило выявить существенные тенденции функционирования военного аптечного дела. Особенностью данных тенденций было усиление его централизации.

Структурный анализ дал возможность определить изменения в структуре органов государственного управления исследуемого периода. Он также показал существование стабильных связей на центральном и региональном уровнях.

Историко-сравнительный метод позволил исследовать цели, задачи, сущностные особенности политики государства в сфере военной фармации на различных этапах развития общества, а также проанализировать эффективность внедрения в практическую деятельность нормативных актов в области лекарственного снабжения армии в каждый исторический период. Здесь автор также применил историко-типологическое сравнение, которое позволило объяснить сходство и различие исследуемых объектов с одинаковыми условиями генезиса. Историко-сравнительный метод дал возможность позволяет получить дополнительную информацию о таких малоизученных явлениях, как специфика государственного регулирования деятельности казенных аптечных учреждений, особенности и характер управления ими.

Использование в научном исследовании рассмотренных методов позволило переосмыслить и обобщить опыт государственной политики в области военного аптечного дела в исследуемый период.

Обсуждение. Как уже отмечалось, тема государственного регулирования лекарственного обеспечения русской армии в исследуемый период, слабо представлена в исторических исследованиях.

В конце XVIII – середине XIX вв. Россия вела ряд войн (русско-турецкая 1787-1791 г., русско-шведская 1788-1790 г., польское восстание 1794 г., русско-персидские войны 1796 г., 1804-1813 и 1826-1828 гг., русско-австро-французская 1805 г., русско-прусско-французская 1806-1807 гг., русско-турецкие 1806-1812 и 1828-1829 гг., Отечественная война 1812 г., Крымская война 1853-1856 г. и др. военные походы), которые требовали четкой организации лекарственного обеспечения.

Лекарственное снабжение армии, как показывает изучение нормативно-правовой базы, осуществлялось через сеть казенных аптек. Казенные аптеки учреждались по распоряжению министерства внутренних дел. Управление ими осуществлял департамент казенных врачебных заготовлений.

Фармацевты казенных аптек назначались и увольнялись департаментом казенных врачебных заготовлений, с разрешения министра внутренних дел. Они предварительно причислялись сверх штата к Санкт-Петербургской рецептурной аптеке или к аптечному

магазину на двухмесячный испытательный срок. Если департамент признавал их достойными службы, то по окончании испытательного срока, делал представление министру внутренних дел о зачислении на службу. В случае если фармацевт не проявил себя в течение испытательного срока, ему давалась возможность использовать дополнительный двухмесячный испытательный срок. Если же он не проявил себя и за этот период, то его отстраняли от занятий.

В департаменте казенных врачебных заготовлений существовала должность инспектора аптекарской части, который назначался и увольнялся министром внутренних дел. Инспектору аптекарской части подчинялись все аптекарские чины, служившие в ведомстве департамента казенных врачебных заготовлений. Инспектор аптекарской части должен был заботиться о снабжении подведомственных ему аптек, принимая меры к своевременному пополнению запасов медикаментов. Для этого инспектор аптекарской части собирал от аптечных заведений требования о необходимых медикаментах, посуде, аптечных материалах. Эти требования проверялись и в соответствии с текущей потребностью и представлялись в департамент. Кроме того, инспектор осуществлял ревизии подведомственных ему аптечных заведений, составляя при этом отчеты, которые также представлялись в департамент казенных врачебных заготовлений.

Для снабжения армии и флота, некоторых казенных мест гражданского ведомства медикаментами существовали следующие учреждения: аптечные магазины Санкт-Петербургский и Варшавский, запасные аптеки Московская и Лубенская с ботаническим садом, рецептурные аптеки Архангельская, Оренбургская, Ставропольская, Тифлисская, Тобольская, Иркутская, Пятогорская и Санкт-Петербургская, безрецептурные аптеки Ревельская, Киевская, Херсонская, Виленская, Тавастгусская, Кяхтинское учреждение для бракования ревеня, инструментальные заводы Санкт-Петербургский и Тобольский, Смотрительная часть Аптекарского острова в Санкт-Петербурге.

До 1804 г. существовал Московский Главный аптекарских материалов магазин, обслуживавший казенные аптеки: Кавказскую, Смоленскую, Херсонскую, Лубенскую, Карасубазарскую, Тобольскую, Иркутскую, Житомирскую и Оренбургскую, затем он был упразднен и его функции переданы Санкт-Петербургскому Главному аптечному магазину.

Казенные аптеки подразделялись на две группы: подвижные и неподвижные. К неподвижным относились: Главная Санкт-Петербургская рецептурная, Адмиралтейская, Главная Московская, Кронштадтская, Тобольская, Херсонская, Ревельская, Архангельская, Оренбургская и аптеки при главных госпиталях. К подвижным – аптеки при полевых госпиталях, а также полевые аптеки: Рижская, Кавказская, Смоленская, Лубенская, Карасубазарская, Житомирская, Гродненская.

Для заведывания казенными аптечными заведениями, подчиненными департаменту казенных врачебных заготовлений, существовали шесть инспекторств аптекарской части: 1) при действующей армии, заведующие Варшавским аптечным магазином; 2) в Киеве, заведующие аптеками Киевской и Лубенской и Лубенским ботаническим садом; 3) в Херсоне; 4) в Оренбурге; 5) в Вильне; 6) в Москве, заведующие местными аптеками (Херсонскую, Оренбургскую, Виленскую и Московскую). Инспекторские управления состояли из инспекторов и их помощников. Управлениям инспекторств подчинялись все аптекарские чины и служители подведомственных им заведений [27; с. 10-11].

Инспекторские управления контролировали снабжение подведомственных им аптек медикаментами и аптечными припасами для удовлетворения требований военного начальства. Для снабжения подведомственных аптек инспекторства могли расходовать до двухсот рублей. Кроме того, они наблюдали, чтобы закупка медикаментов и аптечных припасов происходила по выгодным ценам с торгов, произведенных законным порядком или хозяйственным образом с разрешения местного губернского начальства и по его утвержденным ценам. Поступающие аптечные припасы, прежде всего, свидетельствовались в качестве и количестве комиссией, куда входили инспектора аптекарской части, их помощники и старшие фармацевты при аптеках. Затем составлялся акт за подписью всех членов комиссии, который направлялся в департамент. В случае выявления недоброкачественного товара, его пробы вместе с актом направлялись в департамент, а сам товар возвращался обратно.

Инспекторские управления должны были контролировать удобное и безопасное размещение аптечных запасов для предохранения их от расхищения и порчи, а также выявление излишков припасов, о чем они ставили в известность департамент вместе с соображениями о способах оптимального расходования этих излишков. Инспекторские управления также контролировали процесс приготовления в лабораториях лекарств на предмет соблюдения санитарного режима и экономного расходования лекарственных веществ.

Инспекторские управления получали требования на лекарства от гарнизонных батальонов, инвалидных команд, полков, госпиталей, морских экипажей и других воинских подразделений, ставили свои отметки о правильности требований и направляли их в аптеки для точного и своевременного отпуска медикаментов по этим требованиям.

Перед наступлением каждого года, инспекторские управления получали от департамента казенных врачебных заготовлений шнуrowые книги для записи прихода и расхода медикаментов и денежных средств и снабжали ими все подведомственные аптечные учреждения. По истечении каждого месяца, инспекторы и их помощники проверяли денежную наличность и денежные шнуrowые книги, как инспекторских управлений, так и подведомственных аптек. Такая проверка осуществлялась также инспекторами и их помощниками по истечении полугода. Сведения о результатах проверки представлялись в департамент. Кроме плановых проверок инспектора или их помощники осуществляли внезапные свидетельствования подведомственных аптек. Все замечания, сделанные инспектором или его помощником во время ревизии, заносились в особый журнал, подлинник которого представлялся в департамент, а его копия оставалась в инспекторском управлении. По истечении года инспекторские управления проводили полную проверку шнуrowых книг, как управления, так и подведомственных аптек и составляли отчеты, которые направлялись вместе со шнуrowыми книгами в департамент. Вместе с этими отчетами представлялись также особые отчеты об издержках, произведенных из сумм, положенных на разъезды по инспекторской части. После проверки шнуrowых книг выдавалась квитанция, как в случае правильности действий, так и в случае недостачи или излишка сумм, о чем отмечалось в ней. Выявленные излишки взыскивались немедленно инспекторским управлением, не дожидаясь проверки отчетов в департаменте [27; с. 12-13].

Департамент казенных врачебных заготовлений министерства внутренних дел обеспечивал заготовку, распределение, хранение медикаментов для армии и флота, а также для некоторых казенных мест гражданского ведомства. Департаменту казенных врачебных заготовлений предоставлялось право беспроцентной выписки на сумму пошлин до пяти тысяч рублей серебром ежегодно из-за границы лекарств на коммерческой основе, с доставкой в Санкт-Петербургский аптечный магазин. Заготовление российских аптечных припасов производилось подрядом с торгов или же покупкой. Поступающие в запасный Санкт-Петербургский аптечный магазин медикаменты освидетельствовались при приеме: качество иностранных лекарств проверяли два члена медицинского совета, а количественный состав – советниками общего присутствия департамента казенных врачебных заготовлений; российские медикаменты свидетельствовали назначенные департаментом казенных врачебных заготовлений чиновники: качество освидетельствовали медицинские чиновники, а количество – гражданские. Во всех случаях проверки присутствовали управляющий магазином и его помощник. При этом составлялись акты, с подробным описанием какие медикаменты и в каком количестве и какого качества приняты, за подписью всех присутствующих и представлялись в департамент казенных врачебных заготовлений.

В казенные аптеки медикаменты доставлялись из запасных магазинов и аптек или же заготавливались на месте. Для снабжения казенных аптек медикаментами департамент мог употреблять до 500 рублей, а свыше этих сумм – с разрешения министра внутренних дел. Кроме того, департамент казенных врачебных заготовлений, мог перемещать из одной аптеки в другую, по мере надобности, аптечные припасы.

Каждая аптека в начале года составляла пондерацию (требование), в которой выводился расход за прошедший год, остаток всех припасов, с указанием, что и в каком количестве потребно для предстоящих в течение года отпусков. Пондерации всех аптек рассматривались в инспекторствах аптекарской части или во врачебных управах (в местах,

где нет инспекторств) и после утверждения их, поступали в департамент казенных врачебных заготовлений, где они рассматривались и посылались в медицинский совет на одобрение, а после – на утверждение министра внутренних дел. Поскольку невозможно было точно определить требуемое для каждой аптеки количество медикаментов, по причине неизвестности расположения войск, то для предупреждения недостатка медикаментов казенные аптеки запрашивали сведения от медицинских чиновников, прибывших в том место войск, сколько медикаментов и каких именно для них необходимо, и эти сведения предоставлялись в департамент казенных врачебных заготовлений для надлежащего распоряжения.

Требуемые аптечные припасы доставлялись в казенные аптеки специальным транспортом. По их прибытии осуществлялся прием в присутствии членов инспекторств, а где их нет – двух членов врачебной управы, а где не было управ – в присутствии местного медика, на которого была возложена такая обязанность местным начальством, в присутствии управляющего аптекой и старшего фармацевта. При освидетельствовании аптечных припасов, составлялся акт, с подробным объяснением какие аптечные припасы и в каком количестве находились в транспорте, и соответствует их количество и наименования фактуре, сопровождающей аптечный товар. В акте также указывалось – какие медикаменты пришли в негодность во время транспортировки. Копия акта представлялась в Департамент казенных врачебных заготовлений. В случае наличия медикаментов ненадлежащего качества, об этом указывалось в акте, и пробы этих медикаментов передавались через департамент в медицинский совет [27; с. 603-605].

Отпуск аптечных припасов из казенных аптек, подведомственных департаменту казенных врачебных заготовлений, производился бесплатно или за плату.

Бесплатный отпуск производился в образцовый военный госпиталь, в военные сухопутные и морские госпитали, в войсковые больничные заведения казачьих войск, в гвардейские и армейские полки, флот, воинские команды, уездные инвалидные и этапные команды отдельного корпуса внутренней стражи, для станиц Закубанского населения: Благовещенской, Вытязевой, Николаевской и Суворовской, карантинной страже, в жандармские команды, в батальоны военных кантонистов, военным поселянам, в военно-рабочие команды путей сообщения, в особые военно-рабочие батальоны, в Финляндский кадетский корпус, Царско-Сельской городской полиции, в Гатчинский городской госпиталь, Сибирским городским казакам, Императорской Санкт-Петербургской Медико-Хирургической академии, «всем военнослужащим и чиновникам военного ведомства, а также их женам и детям, генералам и штаб- и обер-офицерам, состоящим в покровительстве Комитета, Высочайше учрежденного 18 августа 1814 г. и корпуса путей сообщения, Инспекторскому департаменту гражданского ведомства, служащим второго отделения Собственной Его Императорского Величества Канцелярии и ее типографии, а также их женам и детям, служащим министерств: военного, морского, внутренних дел, служащим инспекторств аптекарской части и аптечных заведений, подведомственных Департаменту казенных врачебных заготовлений, воспитанникам пансиона, состоящего в Санкт-Петербурге при Введенском уездном училище, воспитанникам Иркутской губернской гимназии, а также отпуск из Тобольской и Иркутской казенных аптек бедным» [27; с. 607]. С 1847 г. безденежный отпуск медикаментов из казенных аптек производился «всем вообще чинам военного и морского ведомств» [28], а из аптек Николаевского и Севастопольского морских госпиталей был разрешен бесплатный отпуск «вдовам и сиротам чиновников, служивших в военном и морском ведомствах» [29] за счет средств департамента казенных врачебных заготовлений.

Отпуск лекарств по рецептам за деньги осуществляли казенные аптеки, которые имели право на такой отпуск, а также отпуск лекарств некоторым заведениям по особым требованиям.

Рассмотрим подробнее безденежный отпуск лекарств из казенных аптек.

Отпуск аптечных припасов в военные госпитали, полки и команды производился по каталогам, специально изданным Военно-Медицинским ученым комитетом. Требования по каталогам делались в годовой пропорции, с зачетом в нее имеющихся налицо остатков. Отпускаемые по каталогам аптечные припасы разделялись на – срочные и бессрочные. Срочные – это которые отпускались на один год. Бессрочные – это металлические

инструменты, которые отпускались в обмен на старые. Требовательные каталоги поступали не позже сентября, а от Кавказского корпуса – не позже июля, для удобства перевозки их аптечным транспортом.

Сбор и укладка медикаментов для их доставки в госпитали и полки возлагалась на управляющего казенной аптекой или магазином.

Департамент казенных врачебных заготовлений совместно с медицинским департаментом военного министерства составляли список аптек и магазинов, снабжающих медикаментами госпитали. Составление требования по каталогу для госпиталей производилось в соответствии с числом людей, находящихся на излечении. Например, если на излечении могло находиться 6 человек, то для удобства расчета считалось за 10, 12 человек – за 20 и т.д. Если же число больных превышало штатное положение, по которому и составлялся требовательный каталог; управляющий госпитальной аптекой должен был составить новый каталог. Дополнительные каталоги составлялись в случае появления однородных болезней главным врачом госпиталя.

Исчисление медикаментов, необходимых для госпиталя, осуществлялось управляющим госпитальной аптекой, за подписью старшего врача. Для правильного исчисления медикаментов, управляющий госпитальной аптекой получал из госпитальной конторы сведения о среднем числе больных за год. Управляющий аптекой получал привезенные медикаменты, при свидетельстве старшего врача, проверяющего количество и качество медикаментов. Свидетельство о качестве и количестве отмечалось в каталоге, который доставлялся вместе с медикаментами, за подписью управляющего магазином (аптекой). О получении медикаментов старший врач уведомлял управляющего магазином (аптекой). В случае недостачи медикаментов или же их плохого качества управляющий магазином (аптекой) должен был немедленно исправить упущение, в противном же случае старший врач мог обратиться в медицинский департамент военного министерства для удовлетворения требования совместно с департаментом казенных врачебных заготовлений

Отпуск аптечных припасов в полки и батальоны производился по требованиям полковых штаб-лекарей, которые несли ответственность за правильное их расходование и отчитывались за них перед полковыми командирами. Каталог необходимых для полка медикаментов штаб-лекарь представлял своему медицинскому начальству, которое прилагало к нему сведения о числе военных, с их женами и детьми, для лечения которых необходимы были медикаменты. Затем каталог со сведениями передавался полковому командиру, с просьбой о командировании нужного количества людей и повозок для их доставки.

При получении медикаментов штаб-лекарь проверял их качество и количество, о чем докладывал медицинскому начальству, а магазину (аптеке) выдавалась квитанция. Полковой штаб-лекарь отвечал за сохранность лекарств.

В случае увеличения числа лиц в команде или в случае эпидемий, когда оказывался недостаток необходимых медикаментов, они выписывались в любое время на основании дефектных дополнительных каталогов.

В случае эпидемических или эндемических болезней и, в особенности, при удаленности войск от казенных аптечных магазинов допускался запасной отпуск лекарств, необходимых для лечения этих болезней. Такие медикаменты отпускались в надлежащем количестве по требованию корпусных штаб-докторов или дивизионных докторов для безотлагательного снабжения лазаретов, независимо от прочих установленных отпусков лекарств.

Как отмечалось выше, из казенных аптек, подведомственных департаменту казенных врачебных заготовлений, отпускались лекарства, как за деньги, так и безденежно. Безденежно отпускались лекарства всем военнослужащим, отлученным от своей команды, чиновникам военного ведомства, а также их женам и детям, если они не пользовались в госпиталях, по рецептам, выписанными известными медиками на лекарства, включенные в военные каталоги. Если в рецепте были выписаны лекарства, не включенные в каталоги, то они отпускались за деньги; если было прописано составное лекарство, часть ингредиентов которого включалась в каталог, а часть – нет, то деньги брались за ингредиенты, не включенные в каталог. Военные медики не имели права выписать безденежно лекарства на

свое имя или на имя лица, имеющего право на бесплатный отпуск для дальнейшего использования этих лекарств для своей практики.

Из казенных аптек отпускались лекарства за деньги лицам разных сословий, в случае эпидемических болезней, а также в другое время всем частным лицам, но при условии достаточного запаса медикаментов.

Управляющие казенными аптеками должны были следить за точным приготовлением лекарств, за точным исполнением подчиненными своих обязанностей, за соблюдением порядка, чистоты, противопожарной безопасности. При закупке или заготовке медикаментов на местах обращать внимание на их качество. Не разрешалось заготавливать медикаментов сверх количеств, разрешенных департаментом, а в случае такого заготовления все издержки относились на счет виновного. Управляющий должен был следить, чтобы в пондерации (требование на медикаменты) были указаны все необходимые медикаменты, если какое-то лекарство было пропущено и, департамент вынужден был вторично отправлять недостающее лекарство, то убытки относились на счет виновного. Управляющий строго следил за отпуском медикаментов для войск по поступающим требованиям. По казенно-врачебным заведениям велись шнуровые книги денежные и материальные. Эти книги и наличные денежные суммы выверялись ежемесячно, а лекарственные материалы – по истечении полугода. Деньги, вырученные по рецептуре и ручной продаже, хранились в специальном ящике, ключ от которого был у управляющего, а печать у лица, производившего освидетельствование шнуровых книг. Деньги записывались приходом в присутствии всех свидетельствующих аптеку лиц. По истечении года составлялись годовые отчеты, которые вместе со шнуровыми книгами и документами представлялись в департамент казенных врачебных заготовлений.

28 марта 1812 г. было утверждено «Положение для снабжения Большой Действующей Армии лекарствами», которым учреждалась особая система аптекарского управления на время ведения боевых действий. В эту систему входили: временные запасные аптекарские магазины, главные подвижные аптеки, передовые аптеки и вспомогательные аптечные заведения, находившиеся в подчинении инспектора аптекарской части, который назначался министром полиции.

Система лекарственного обеспечения формировалась практически для центральных районов страны. Отдаленные районы не могли своевременно получать медикаменты. В связи с этим, в 1813 г. правительством был разрешен беспошлинный ввоз иностранных аптекарских материалов для снабжения Камчатки, «в виду крайней отдаленности и отсутствия необходимых транспортных средств» [30].

В 1816 г. должность инспектора аптекарской части была упразднена, а «управление аптеками и магазинами ввести в ведение Врачебных Управ» [31].

С 1822 г. артиллерийские офицеры, находившиеся в сибирских горных заводах для приема металла в артиллерию получили возможность получать лекарства из аптек горного ведомства «на счет медицинского ведомства с возвратом суммы от главного приемщика металлов» [32]. 24 мая 1824 г. были утверждены «Правила на отпуск лекарств в градские больницы для нижних воинских чинов и воспитанников Военно-Сиротских отделений». Согласно этих правил на лечение употреблялись «медикаменты, отпускаемые казенными аптеками для штатных команд в ведение уездных врачей» [33].

19 июля 1829 г. утверждается Положение о полковых лазаретах, в котором отдельно оговаривались правила функционирования полковой аптеки. «Для аптеки выбираются в лазарете две комнаты светлые и сухие, и кухня с очагом. В одной из комнат приготавливаются по рецептам лекарства, и по приуготовлении выдаются. В сей комнате должен быть стол с выдвигаемым ящиком, а по стенам делается несколько полок. В другой комнате, материальной камерой называемой, хранится весь запас лекарств и аптекарских припасов. Здесь должны быть также стол, полки и шкаф с замком, которые, как в первой комнате, должны быть выкрашены масляною краскою. Во время движения полка, все медикаменты и аптекарские материалы возятся в аптечном ящике или вьюке, который должен быть содержан во всегдашней целости и исправности на счет ремонта» [34].

В целях сокращения издержек казны: в 1830 г. Симферопольская казенная аптека была присоединена к Херсонской, в 1861 г. – упразднена Киевская казенная аптека, а в 1863 г. были упразднены: Ревельская казенная аптека, а «отпуск медикаментов для

Ревельского порта, тамошнего военного госпиталя и воинских команд, расположенных в Эстляндской и Лифляндской губерниях, на будущее время, производить из Санкт-Петербургского аптечного магазина» [35], а также Виленская и Архангельская казенные аптеки – «отпуск медикаментов для войск и госпиталей военного и морского ведомств... производить из Санкт-Петербургского и Варшавского аптечных магазинов» [36].

В 1838 г. были устроены инспекторства аптекарской части: Киево-Лубенское, Оренбургское, Виленское, Херсонское для «отвращения и предупреждения всяких неустройств» [37]. В этом же году устроена аптекарская часть на Кавказе и в Грузии: «учредить в Ставрополе управление Инспектора аптекарской части для снабжения врачебными припасами войск и госпиталей, состоящих в Грузии, Кавказской и Закавказской областях» [38] для отпуска медикаментов также в Тифлисскую, Ставропольскую и Пятигорскую аптеки.

Но в 1846 г. инспекторства аптечной части на Кавказе и в Грузии были упразднены, а заведывание аптечной частью перешло в ведение управляющего медицинской частью гражданского ведомства на Кавказе как и контроль за казенными аптеками: Тифлисской, Кавказской, Новороссийской, Пятигорской.

В 1841 г. аптека Санкт-Петербургской Медико-Хирургической академии была соединена с аптекой 2-го военно-сухопутного госпиталя в Санкт-Петербурге «чтоб отныне существовала для обеих заведений одна аптека, из которой бы отпускались лекарства как для госпиталя, так и для Академии. и чтоб аптека та помещалась в госпитальном здании» [39]. А в 1860 г. в госпитале было учреждено фармацевтическое отделение. «Фармацевтическое отделение составляет аптека, с принадлежащими к ней лицами и со всеми находящимися в ней материалами, припасами и вещами. Аптека имеет своим назначением хранение медикаментов и комиссариатских припасов, приготовление и отпуск лекарств для больных как госпиталя, так и Медико-Хирургической Академии и практическое образование воспитанников Академии» [40].

В 1853 г. Московская медицинская контора была освобождена от «заведывания тамошнею Запасною Аптекою» и для «заведывания Московскою Запасною Аптекою, учредить в Москве особое Инспекторство аптекарской части» [41].

В 1858 г. была упразднена Новороссийская запасная аптека и в то же время учреждены запасные военные аптеки при Екатеринодарском войсковом и Константиновском военном госпиталях. Также в этом году была упразднена и Главная горная аптека в Санкт-Петербурге, а обязанности по заготовке медикаментов были возложены на «казенные горные и солеваренные заводы способом, где окажется удобнее и выгоднее» [42].

В 1860 г. Военный Совет утвердил Положение о фармацевтическом отделении 2-го военно-сухопутного госпиталя в г. Санкт-Петербурге, таким образом, соединив аптеку госпиталя с аптекой Медико-Хирургической академии. Это было сделано с целью «хранения медикаментов..., приготовления и отпуска лекарств для больных как госпиталя, так и Медико-Хирургической Академии и практическое образование воспитанников Академии» [43].

В 1861 г. учреждается войсковая аптека в Омске, а Тавастгусская казенная аптека упраздняется. В этом же году был изменен и порядок заведывания казенными аптеками. Упразднены Херсонское, Киево-Лубенское, Оренбургское, Виленское, Московское инспекторства; врачебные управы отстранены от заведывания Архангельской, Ревельской, Тобольской и Иркутской казенными аптеками, которые оказались в непосредственном подчинении Медицинскому департаменту. На казенные аптеки были возложены следующие обязанности: «попечение о достаточном запасе медикаментов и аптечных предметов; своевременное представление Департаменту пондераций (годовых смет) и донесений о пополнении запасов в случае надобности; представление Департаменту соображений о сборе лекарственных растений, на местах расположения аптек; изыскание способов к выгоднейшей покупке разных аптечных предметов, когда на заготовление их последует разрешение; наблюдение за правильным и выгодным приготовлением медикаментов и препаратов...» [44].

В 1863 г. аптекарская часть царства Польского (была организована в 1794 г. с открытием полевой аптеки при войсках, расположенных в Польше и Литве) [45] стала подчиняться главному штаб-доктору польских войск, в штате которого была учреждена

должность инспектора аптекарской части, в обязанности которого входило: «а) непосредственное наблюдение за действиями Варшавского аптечного магазина; б) свидетельствование поступающих в магазин медикаментов и других аптечных предметов; в) поверка однажды в год всех казенных запасов, хранящихся в магазине» [46]. С 1863 г. казенные аптеки освободились «от производства химико-судебных изследований» [47], которые с этого года возлагались только на вольные аптеки. С этого времени военная аптечная сеть перешла только на медикаментозное обслуживание воинских подразделений

Заключение. Материалы исследования показали, что в данный исторический период военная аптечная сеть имела строгую организационную структуру. Все вопросы, связанные с казенными аптеками решались департаментом казенных врачебных заготовлений министерства внутренних дел, инспекторствами аптечной части армии. Сеть запасных аптечных магазинов осуществляла организацию снабжения казенных аптек и непосредственно воинских подразделений. В этот период происходило расширение сети казенных аптек, что приближало бесплатную лекарственную помощь непосредственно к войсковым частям.

Примечания:

1. Мамонов Н.Е. Материалы для истории медицины в России. Т. 1. СПб, 1881. С. 106-107.
2. Новомбергский Н.Я. Материалы по истории медицины в России. Т. 1. Казань, 1905. С. 52.
3. Грекова Т.И., Голиков Ю.П. Медицинский Петербург. СПб, 2001. С. 39.
4. Российский государственный архив древних актов (далее – РГАДА). Ф. 346. Оп. 1. Ч. 2. Кн. 52. Д. 263, 264, 270, 328.
5. Полное собрание законов Российской империи (далее – ПСЗРИ) с 1649 г. Т. IV. 1700-1712. Ст. 2124. СПб, 1830. С. 358.
6. РГАДА. Ф. 346. Оп. 1. Ч. 2. Кн. 52. Д. 249. Л. 1.
7. Леонтьев Д.А. Краткий исторический очерк аптечного дела в России. СПб, 1910. С. 35.
8. Чистович Я. И. История первых медицинских учреждений в XVIII веке. СПб, 1868. С. 59.
9. ПСЗРИ с 1649 г. Т. IV. Ст. 2024. – СПб, 1830. – С. 258.
10. Российский государственный исторический архив (РГИА). Ф. 796. Оп. 8. Д. 131. Л. 1.
11. Алелеков А.Н. История Московского военного госпиталя в связи с историей медицины в России к 200-летию его юбилею, 1707-1907 гг. М., 1907. С. 34-35.
12. РГАДА. Ф. 344. Оп. 3. Д. 431. Л. 15.
13. ПСЗРИ с 1649 г. Т. VI. 1720-1722. Ст. 3485. СПб, 1830. С. 84.
14. ПСЗРИ с 1649 г. Т. VII. 1723-1727. Ст. 4728. СПб, 1830. С. 499.
15. РГАДА. Ф. 346. Оп. 1. Ч. 2. Кн. 54. Д. 517. Л. 4.
16. РГАДА. Ф. 344. Оп. 2. Кн. 14. Д. 19. Л. 2.
17. РГАДА. Ф. 344. Оп. 2. Кн. 20. Д. 60. Л. 3-4.
18. Виксна А.А. 250 лет Рижской аптеке // Фармация. 1977. № 6. С. 82-83.
19. ПСЗРИ с 1649 г. Т. VII. 1723-1727. Ст. 6912. СПб, 1830. С. 771, 773.
20. РГАДА. Ф. 346. Оп. 3. Д. 21. Л. 1-6; Д. 27. Л. 1-4.
21. ПСЗРИ с 1649 г. Т. XIV. 1754-1757. Ст. 10507. СПб, 1830. С. 510.
22. ПСЗРИ с 1649 г. Т. X. 1737-1739. Ст. 7577. СПб, 1830. С. 491-492.
23. РГАДА. Ф. 346. Оп. 2. Д. 213. Л. 3.
24. РГАДА. Ф. 346. Оп. 1. Ч. 2. Кн. 52. Д. 271. Л. 2-4.
25. РГАДА. Ф. 346. Оп. 3. Д. 56. Л. 2-5.
26. Регламент благочестивейшаго государя Петра Великаго Отца Отечества императора и самодержца Всероссийскаго, о управлении Адмиралтейства и Верфи и о должностях Коллегии Адмиралтейской и прочих всех чинов при Адмиралтействе обретающихся. СПб, 1778.
27. Свод законов Российской империи, повелением государя императора Николая Павловича составленный. Уставы Благочиния. СПб, 1842.
28. ПСЗРИ. Собрание 2. Т. XXII. Отделение 1. 1847. Ст. 20828. СПб, 1848. С. 73.
29. ПСЗРИ. Собрание 2. Т. XXII. Отделение 1. 1847. Ст. 21301. СПб, 1848. С. 522.
30. Щупак Б.Н. К истории здравоохранения на Камчатке // Советское здравоохранение. 1958. № 6. С. 46.

31. ПСЗРИ с 1649 г. Т. XXXIII. 1815-1816. Ст. 26457. СПб, 1830. С.1050-1051.
32. ПСЗРИ с 1649 г. Т. XXXVIII. 1822-1823. Ст. 29064. СПб, 1830. С. 224.
33. ПСЗРИ с 1649 г. Т. XXXIX. 1824. Ст. 29924. СПб, 1830. С. 326.
34. ПСЗРИ. Собрание 2. Т. IV. 1829. Ст. 3010. СПб, 1830. С. 313.
35. ПСЗРИ. Собрание 2. Т. XXXVII. Отделение 1. 1862. Ст. 38333. СПб, 1865. С. 509.
36. ПСЗРИ. Собрание 2. XXXVII. Отделение 1. 1862. Ст. 38827. СПб, 1865. С. 257.
37. ПСЗРИ. Собрание 2. Т. XIII. Отделение 2. 1838. Ст. 11816. СПб, 1839. С. 376.
38. ПСЗРИ. Собрание 2. Т. XIII. Отделение 1. 1838. Ст. 11024. СПб, 1839. С. 154.
39. ПСЗРИ. Собрание 2. Т. XVI. Отделение 1. 1841. Ст. 14901. СПб, 1842. С. 839.
40. ПСЗРИ. Собрание 2. Т. XXXV. Отделение 1. 1860. Ст. 35557. СПб, 1862. С. 223.
41. ПСЗРИ. Собрание 2. Т. XXVIII. Отделение 1. 1853. Ст. 27153. СПб, 1854. С. 171.
42. ПСЗРИ. Собрание 2. Т. XXXIII. Отделение 2. 1858. Ст. 33772. СПб, 1860. С. 390.
43. ПСЗРИ. Собрание 2. Там же. Т. XXXV. Отделение 1. 1860. Ст. 35557. СПб, 1862. С. 223.
44. ПСЗРИ. Собрание 2. Т. XXXVI. Отделение 1. 1861. Ст. 37122. СПб, 1863. С. 973.
45. РГАДА. Ф. 344. Оп. 2. Кн. 14. Д. 20.
46. ПСЗРИ. Собрание 2. Т. XXXVIII. Отделение 1. 1863. Ст. 39186. СПб, 1866. С. 77.
47. ПСЗРИ. Собрание 2. Т. XXXVIII. Отделение 1. 1863. Ст. 39348. СПб, 1866. С. 206.

References:

1. Mamonov N.E. Materialy dlya istorii meditsiny v Rossii. T. 1. SPb, 1881. S. 106-107.
2. Novombergskii N.Ya. Materialy po istorii meditsiny v Rossii. T. 1. Kazan', 1905. S. 52.
3. Grekova T.I., Golikov Yu.P. Meditsinskii Peterburg. SPb, 2001. S. 39.
4. Rossiiskii gosudarstvennyi arkhiv drevnikh aktov (dalee – RGADA). F. 346. Op. 1. Ch. 2. Kn. 52. D. 263, 264, 270, 328.
5. Polnoe sobranie zakonov Rossiiskoi imperii (dalee – PSZRI) s 1649 g. T. IV. 1700-1712. St. 2124. SPb, 1830. S. 358.
6. RGADA. F. 346. Op. 1. Ch. 2. Kn. 52. D. 249. L. 1.
7. Leont'ev D.A. Kratkii istoricheskii ocherk aptechnogo dela v Rossii. SPb, 1910. S. 35.
8. Chistovich Ya. I. Istoriya pervykh meditsinskikh uchrezhdenii v KhVIII veke. SPb, 1868. S. 59.
9. PSZRI s 1649 g. T. IV. St. 2024. – SPb, 1830. – S. 258.
10. Rossiiskii gosudarstvennyi istoricheskii arkhiv (RGIA). F. 796. Op. 8. D. 131. L. 1.
11. Alelekov A.N. Istoriya Moskovskogo voennogo gospiytalya v svyazi s istoriei meditsiny v Rossii k 200-letnemu ego yubileyu, 1707-1907 gg. M., 1907. S. 34-35.
12. RGADA. F. 344. Op. 3. D. 431. L. 15.
13. PSZRI s 1649 g. T. VI. 1720-1722. St. 3485. SPb, 1830. S. 84.
14. PSZRI s 1649 g. T. VII. 1723-1727. St. 4728. SPb, 1830. S. 499.
15. RGADA. F. 346. Op. 1. Ch. 2. Kn. 54. D. 517. L. 4.
16. RGADA. F. 344. Op. 2. Kn. 14. D. 19. L. 2.
17. RGADA. F. 344. Op. 2. Kn. 20. D. 60. L. 3-4.
18. Viksna A.A. 250 let Rizhskoi apteke // Farmatsiya. 1977. № 6. S. 82-83.
19. PSZRI s 1649 g. T. VII. 1723-1727. St. 6912. SPb, 1830. S. 771, 773.
20. RGADA. F. 346. Op. 3. D. 21. L. 1-6; D. 27. L. 1-4.
21. PSZRI s 1649 g. T. XIV. 1754-1757. St. 10507. SPb, 1830. S. 510.
22. PSZRI s 1649 g. T. X. 1737-1739. St. 7577. SPb, 1830. S. 491-492.
23. RGADA. F. 346. Op. 2. D. 213. L. 3.
24. RGADA. F. 346. Op. 1. Ch. 2. Kn. 52. D. 271. L. 2-4.
25. RGADA. F. 346. Op. 3. D.56. L. 2-5.
26. Reglament blagochestiveishago gosudarya Petra Velikago Ottsa Otechestva imperatora i samoderzhitsa Vserossiiskago, o upravlenii Admiralteistva i Verfi i o dolzhnostyakh Kollegii Admiralteiskoi i prochikh vsekh chinov pri Admiralteistve obretayushchikhsya. SPb, 1778.
27. Svod zakonov Rossiiskoi imperii, poveleniem gosudarya imperatora Nikolaya Pavlovicha sostavlenniy. Ustavy Blagochiniya. SPb, 1842.
28. PSZRI. Sobranie 2. T. XXII. Otdelenie 1. 1847. St. 20828. SPb, 1848. S. 73.
29. PSZRI. Sobranie 2. T. XXII. Otdelenie 1. 1847. St. 21301. SPb, 1848. S. 522.

30. Shchupak B.N. K istorii zdravookhraneniya na Kamchatke // Sovetskoe zdravookhranenie. 1958. № 6. S. 46.
31. PSZRI s 1649 g. T. XXXIII. 1815-1816. St. 26457. SPb, 1830. S.1050-1051.
32. PSZRI s 1649 g. T. XXXVIII. 1822-1823. St. 29064. SPb, 1830. S. 224.
33. PSZRI s 1649 g. T. XXXIX. 1824. St. 29924. SPb, 1830. S. 326.
34. PSZRI. Sobranie 2. T. IV. 1829. St. 3010. SPb, 1830. S. 313.
35. PSZRI. Sobranie 2. T. XXXVII. Otdelenie 1. 1862. St. 38333. SPb, 1865. S. 509.
36. PSZRI. Sobranie 2. XXXVII. Otdelenie 1. 1862. St. 38827. SPb, 1865. S. 257.
37. PSZRI. Sobranie 2. T. XIII. Otdelenie 2. 1838. St. 11816. SPb, 1839. S. 376.
38. PSZRI. Sobranie 2. T. XIII. Otdelenie 1. 1838. St. 11024. SPb, 1839. S. 154.
39. PSZRI. Sobranie 2. T. XXVI. Otdelenie 1. 1841. St. 14901. SPb, 1842. S. 839.
40. PSZRI. Sobranie 2. T. XXXV. Otdelenie 1. 1860. St. 35557. SPb, 1862. S. 223.
41. PSZRI. Sobranie 2. T. XXVIII. Otdelenie 1. 1853. St. 27153. SPb, 1854. S. 171.
42. PSZRI. Sobranie 2. T. XXXIII. Otdelenie 2. 1858. St. 33772. SPb, 1860. S. 390.
43. PSZRI. Sobranie 2. Tam zhe. T. XXXV. Otdelenie 1. 1860. St. 35557. SPb, 1862. S. 223.
44. PSZRI. Sobranie 2. T. XXXVI. Otdelenie 1. 1861. St. 37122. SPb, 1863. S. 973.
45. RGADA. F. 344. Op. 2. Kn. 14. D. 20.
46. PSZRI. Sobranie 2. T. XXXVIII. Otdelenie 1. 1863. St. 39186. SPb, 1866. S. 77.
47. PSZRI. Sobranie 2. T. XXXVIII. Otdelenie 1. 1863. St. 39348. SPb, 1866. S. 206.

УДК 94(470)"18/19

Государственное регулирование лекарственного обеспечения русской армии в конце XVIII – середине XIX вв.

Наталья Николаевна Коротеева

Юго-Западный государственный университет, Россия
305040, г. Курск, ул. 50 лет Октября, 94
Доктор исторических наук, профессор
E-mail: koronna.nat@mail.ru

Аннотация. В статье рассмотрен порядок снабжения российской армии медикаментами и предметами медицинского назначения в XVIII – середине XIX вв. Особое внимание уделено государственному регулированию лекарственного обеспечения воинских подразделений, истоки которого берут начало от Аптекарского приказа – первого органа управления медицинским делом в Русском государстве. В его функции входило снабжение всех воинских подразделений лекарственными средствами и распределение их по полкам. При Петре I были заложены основы военной аптечной службы, связанные с необходимостью регулярного обеспечения армии и госпиталей медикаментами, вследствие частых войн. Военная аптечная сеть была представлена аптеками, находящимися в ведении Аптекарского приказа в первые годы XVIII в., а впоследствии департамента казенных врачебных заготовлений министерства внутренних дел. Аптеки подразделялись на казенные, госпитальные и полевые, в зависимости от назначения и выполняемых функций по лекарственному снабжению. Подробно изложены организационно-технические мероприятия по лекарственному обеспечению, уделено внимание назначению различных типов военных аптек. Автор, на основе анализа законодательной базы и архивных источников, выявил ведущую роль государства в организации лекарственного обеспечения армии. Организующие и контролируемые функции государства были обусловлены особым характером ведения аптечного дела, допускающим возможности несоблюдения санитарной чистоты, злоупотреблений и отравлений.

Ключевые слова: медицинское снабжение; военная аптечная сеть; казенные аптеки; медикаменты; лекарственная помощь; лекарственные формы.

Copyright © 2014 by Academic Publishing House *Researcher*

Published in the Russian Federation
Voennyi Sbornik
Has been issued since 2013.
ISSN: 2309-6322
Vol. 4, No. 2, pp. 134-140, 2014

DOI: 10.13187/issn.2309-6322

www.ejournal6.com

Foreign Military Review

UDC 355

The Analysis of Special Operations Forces Activities in the World

¹Olga V. Natolochnaya

²Aleksandr A. Cherkasov

¹International Network Center of fundamental and applied research, Russian Federation
Senior Researcher

²Tomsk State University, Russian Federation
Dr. (History), Professor

Abstract. Special Forces specialize in counter-terrorism, reconnaissance and sabotage and have the honor of being the most elite among the forces. They undergo extremely rigorous training for years sometimes, before they are ready and when they are done with the training, they can be easily classified as among the toughest and most competent men in the military. The article presents the analysis of the activities of the best Special Forces around the world.

Keywords: Special Operations Forces; military world; training; army forces; the selection process; military service.

Introduction. Special Forces or Special Operations Forces are military units strictly selected and intensely trained for the execution of special missions for a nation's political, economic or military purposes. With their flexible formation, these elite troops are generally led by the highest commanding military authorities and are usually well-equipped, possessing strong combat capabilities.

The origin of Special Forces dates back to the early 20th century, with fighting models set up by German Brandenburg Commandos during the Second World War (1940-1945). Nevertheless, these renowned Special Forces are always surrounded by an air of mystery as they cannot be exposed to the general public – if the general public is already aware of their existence, that is. Their daunting missions usually stretch beyond the imagination, yet their military exploits cannot be awarded. The super elite soldiers are definitely heroes [1].

Materials and methods.

The sources for this article are the authentic texts on world operations forces, its military training and special operations.

The methods used in processing the material are: method of continuous selection, method of comparative contextual analysis, method of applied analysis.

Discussion.

Countries throughout the world train special operation forces within their military, so coming up with a list of top special operations forces in the world is difficult at best. All special forces train their military men to be the best of the best, to take the impossible task and make it possible. In that respect, all Special Operations units are top. While the list below may not be everyone's top ten, some of those listed would certainly be a part of any top ten lists.

1. [Russian Spetsnaz](#) – What sets the Russian Spetsnaz apart from other specially trained special ops units around the world is their daily exposure to physical punishment. The purpose for this portion of their training is to teach them to endure physical pain and to work the mind to “enjoy” it since it is impossible to ignore it. They are permitted to leave the training anytime they desire. Their missions generally involve reconnaissance and close quarter combat. Many of the bodyguards chosen for the high-tanking political figures of Russia are chosen from the Spetsnaz.

2. [Pakistan Special Service Group](#) - This Pakistan Special Service Group (SSG) is also known as “Black Storks” a name derived from their unique headgear the “Maroon Beret”. The SSG has ten specific missions for which they are trained:

Asymmetric Warfare

- Special Operations
- Counter-Proliferation
- Unconventional Warfare
- Foreign Internal Defense
- Special Reconnaissance
- Direct Action
- Hostage Rescue
- Counter-Terrorist
- Personnel Recovery

This elite group from Pakistan is somewhat similar to the US Army's Green Berets and the British Army's SAS. They often conduct exercise missions with Special Forces from other countries such as China and the UK.

3. [Austria Eko Cobra](#) – This special ops tactical unit is involved mainly in counter-terrorism. The group retains a low profile, despite their high-speed involvement in the war on terror. In Europe, they are known for their competitive edge over other countries at S.W.A.T. and other competitions throughout Europe. Though their covert missions are carried without with little or no media, they are still considered by many as one of the best trained counter-terrorist units in the world.

4. [French Army Special Forces Brigade](#) – This French Special Ops group has one of the most rigorous qualification training programs in the world. This group is subdivided into three specially trained areas:

- 1er Régiment de Parachutistes d'Infanterie de Marin which is based in Bayonne.
- 13e Régiment de Dragons Parachutistes based in Martignas-sur-Jalle.
- 4e Régiment d'Hélicoptères des Forces Spéciales, the unit based in Pau.

5. [Polish GROM](#) – Activated in July of 1980 in response to terrorist threats, GROM is one of five Special Ops units in Poland. They are trained to respond to a variety of threats and unconventional warfare roles. Their existence was not even acknowledged by the Poland until 1994. Within five years, the group converted to a special military formation in compliance with NATO standards. They are revered among the newest members of NATO as the best commando unit.

6. [German GSG9](#) – The GSG9 is a special operations unit of the German Federal Police, specializing in counter-terrorism. The group was formed after the failed attempt of the German Police to successfully free 11 Israeli athletes who were kidnapped in Munich in 1972 during the Summer Olympic Games. They recognized, as a result, that their forces were not properly trained or equipped to handle such situations. They have since been trained in deployed in situations when hostages are taken, kidnapping is involved or in cases of terrorism or extortion.

7. [Israeli Shayetet 13](#) – This Special Ops group shares the Israeli Army motto: “Never Again”, referring to the Holocaust. Though they are one of three special units, the Shayetet 13 bears the closest resemblance to the US Army’s Delta Force. They are specially trained for rescuing hostages and in counter-terrorism. Though they remain an extremely secretive group, the most public noted mission was Operation Spring of Youth. During this operation, the Shayetet 13 went into Beirut Lebanon where they hunted down and killed all the terrorists involved in the 1972 Munich massacre of 11 Israeli athletes [2].

8. [US Army Delta Force](#) – The US Army’s Delta Force is the only official US counter-terrorism unit focused on hostage rescues, counter-insurgency and counter-terrorism. To be selected for this specialty force team, an individual must undergo a rigid physical test that begins with sit ups and push-ups and a 3 mile run – all to be completed within an undisclosed time frame. Next, the each prospective member must complete an 18-mile hike over rugged, mountainous terrain carrying a 35 lb backpack and compass, but no a map. This physically grueling entrance test does not end there. Another 45-mile hike is then required, this time with a 45 lb backpack and an even shorter time limit. Afterwards, each individual must further undergo a number of mental exams where examiners attempt to confuse and thus break the individual. Once the above requirements are successfully completed, the recruit is then permitted to enter into the actual 6 month training program for the Delta Force.

9. [US Navy SEAL Team 6 – DEVGRU](#) – The first commanding officer of SEAL Team 6 was Dick Marcinko – a US Navy representative for the Joint Chiefs of Staff task force Terrorist Action Team. The team was created in October of 1980 after a failed attempt in 1979 to rescue American hostages being held in Iran. As a result, the US Navy recognized the imminent need for a specially trained counter terrorist team. SEAL Team 6 (or currently DEVGRU – Naval Special Warfare Development Group) consists of four line squadrons – Red, Blue, Gold and Silver. The men within these units are the elite of the elite of special op forces and are trained on **Sea, air and land**, making them a well-rounded, highly trained group of individuals [3, 4].

10. [British SAS](#) – The British SAS follow the sea, air and land training of the SEALs; however their training in counter-espionage is more in-depth and complex than the SEALs. Both the SAS and SEALs receive comparable training as they sometimes work closely. They are trained in

numerous fighting techniques and remain the primary model in which most national commando units are based.

United Kingdom Special Forces Reserve UKSF(R) comprising of 21 SAS(R), 23 SAS(R), SBS(R) and 63 (SAS) Signals Sqn (R), is tasked to the highest level and can operate in difficult and often changing circumstances, sometimes in absence of guidance and within situations that have significant operational and strategic importance.

The kind of individuals required to operate successfully in these circumstances are not found in abundance. The selection process for entry into UKSF(R) seeks to identify the qualities and potential of those suitable for service within UKSF(R).

Core Requirement

At the heart of UKSF(R) are physically and mentally robust and resilient men who have the confidence, courage and skill to operate individually or in small teams, often in isolation and in a hostile environment.

Volunteers for UKSF(R)

UKSF(R) accept male volunteers who have no previous military service aged 18 to 32 or male volunteers who have had previous military service with any part of the Regular or Reserve Armed Forces (RN, RM, Army, and RAF) up to the age of 34. Volunteers must be able to commit to considerable training demands and willing to deploy overseas.

UKSF(R) Support Staff are not required to pass selection however must maintain a level of fitness and commitment. The specific trades required in support of UKSF(R) are:

Drivers, Chefs, Vehicle Mechanics and Clerical staff willing to transfer to the units.

Medical Staff are also required however they must have either previous military service with qualifications to CMT1 level or a civilian who holds a national qualification in emergency response or nursing.

Equality and Diversity

UKSF(R) operates in accordance with Government policy on the employment of women in the Armed Forces. Females are not allowed to serve with tactical sub-units however appointments do exist in administrative roles and as Special Forces Communicators [5,6].

11. Indian MARCOS

Indian MARCOS are one of the best forces present in the world, HALO and HAHO trained, Equipped with best Assault Rifles, Sniper Rifles and real-time war Equipments required. These guys are emotionally very trained and highly motivated when it comes to defending their own country. The rejection rate during the selection is as high as 98 %, that's why India has only 2000 marine commandos. Sooner or Later this special group will be on TOP and very soon the death of Pakistan (A terrorist promoting country) will be delivered by the hands of MARCOS.

Indian special forces/MARCOS- they are the one who are prepared keeping in view the worst ever situation.

Secondly, unfortunately we as India have no. Of bad experiences as terrorism, warfronts, hill terrain warfare, sea front war etc... But the good is that we are more familiar with the things, so we know better than any one how to face the situations, thus they are trained keeping in view all the things.

Thirdly India is a land of different terrain (almost all sorts are available here), so they are trained in different terrains.

Last but not least, you can come out with a strategy for a mind driven person, some powerful enemy but for an emotionally driven with the fire of enthusiasm & love for the country. You can't stop them.

The Indian MARCOS is one of the most powerful special forces on the planet. They defeat the Navy Seals in terms of physical and mental traing. In fact the only edge the Seals have over MARCOS is technology. But by 2020 when India becomes a superpower, the MARCOS will be the most powerful special force in the world [7].

Conclusion.

The above Special Ops Forces list may not be a conclusive top list for everyone. Given the number of excellently trained units around the world, they all maintain the highest integrity and require their team members to constantly challenge themselves under some of the most extreme grueling circumstances experienced by man. They must always be ready for the worst of the worst,

but who better to be ready than the best of the best. The Special Ops units above have certainly proved themselves time and again and therefore have earned them a spot on this particular list of the top ten Special Operations Forces in the world [8-12].

References:

1. Special Operations Forces [Electronic resource] URL: http://www.china.org.cn/top10/2013-05/13/content_28807725.htm - 19.04.14.
 2. Israel Special Forces [Electronic resource] URL: <http://www.isayeret.com/services/about.shtml> - 22.04.14
 3. Top Ten Special Operations Forces in the World [Electronic resource] URL: <http://armedforcesmuseum.com/top-ten-special-operations-forces-in-the-world/> - 24.04.14.
 4. United States Army Special Forces [Electronic resource] URL: <http://www.specialforcesassociation.org> - 25.04.14.
 5. United Kingdom Special Forces Reserve [Electronic resource] URL: <http://www.army.mod.uk/specialforces/30602.aspx> - 25.04.14.
 6. Weapon and Technology: Top 10 Elite Forces of World. Online Research Library [Electronic resource] URL: <http://weapons.technology.youngester.com/2011/06/top-10-elite-forces-of-world.html> - 25.04.14.
 7. Indian MARCOS [Electronic resource] URL: <http://www.thetoptens.com/most-well-trained-special-forces/> - 28.04.14.
 8. Special Operations Forces [Electronic resource] URL: <http://www.ndia.org/meetings/4890/Pages/default.aspx> - 25.04.14.
 9. Lee T.W. (2009) Military Technologies of the World. Vol 1. ISBN 978-0-275-99537-9.
 10. World's Special Forces [Electronic resource] URL: <http://listverse.com/2010/01/11/top-10-badasses-of-the-worlds-special-forces/> - 25.04.14.
 11. Top 10 Special Forces In The World 2013-2014 [Electronic resource] URL: <http://www.youtube.com/watch?v=ukDskfkxqXk> - 25.04.14.
- The post Pictures Of Special Forces From Around The World [Electronic resource] URL: <http://panicdots.com/2014/04/images-of-special-forces-from-around-the-world-photography/> - 25.04.14